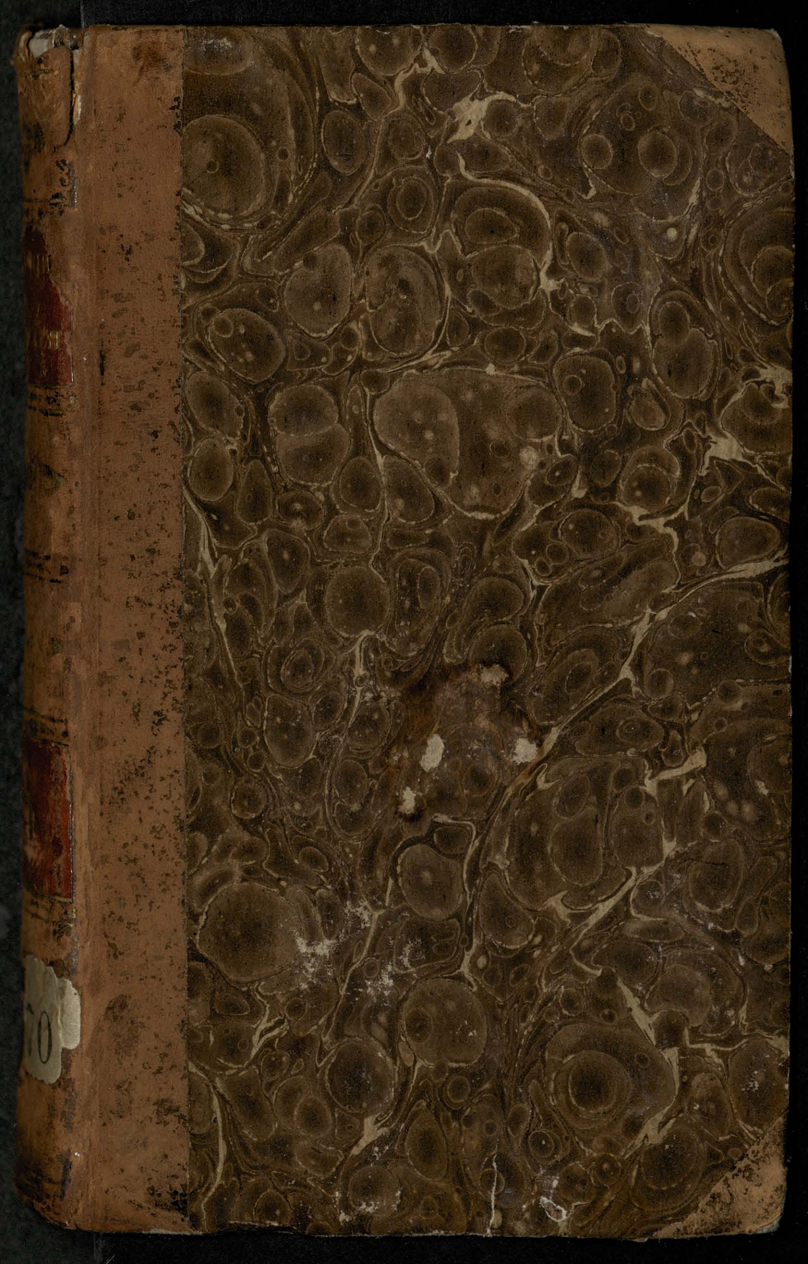

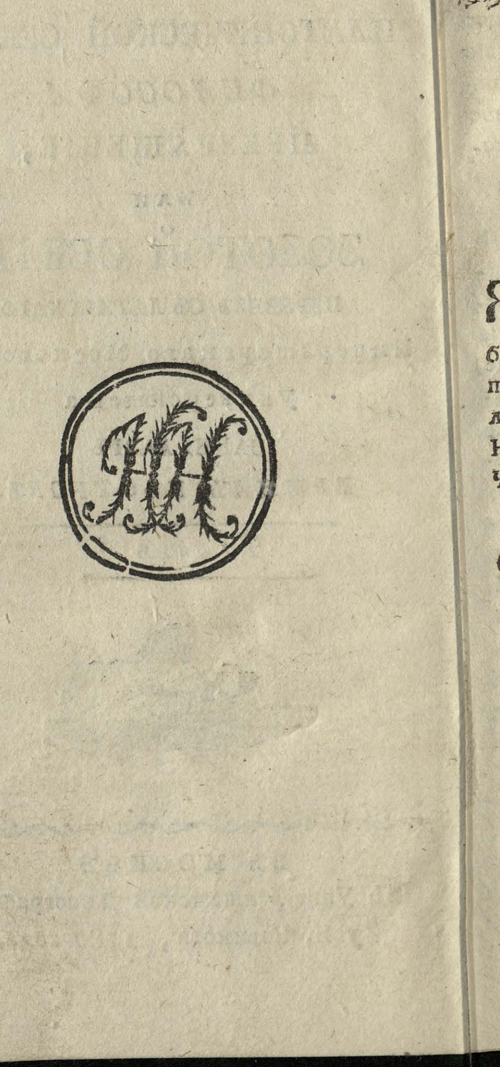
ЛУЦІЯ АПУЛЕЯ
ПЛАТОНИЧЕСКОЙ СЕКТЫ
ФИЛОСОФА
ПРЕВРАЩЕНІЕ,
ИЛИ
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО
Императорскаго Московскаго
Университета
БАККАЛАВРЪ
ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.

Частъ I.

ВЪ МОСКВѢ
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

ИЛИ

ЗОЛОТОЙ (а) ОСЕЛЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я намѣренъ повѣствовать тебѣ Милетскимъ (б) слогомъ различныя басни, и слухъ твой жадный усладить пріятностію звука; естьли только листы (в) Египетскіе замысловатою Нильскою тростію начертанные про-

(а) Сіе сочиненіе отъ Автора названо просто *осломъ*; однако сей оселъ столь понравился публикѣ, что отъ всѣхъ наименованъ *золотымъ*. Древніе и другимъ превосходнымъ сочиненіямъ прилагали названіе, золотый, на пр. Пиѳагоровы стихи, названы золотыми.

(б) Древніе называли Милетскими баснями, поемы и сочиненія писанныя прозою о вещахъ забавныхъ и шуточныхъ, потому что такой родъ поемъ изобрѣтенъ жителями города Милета.

(в) Въ озерахъ Египта расло дерево называемое Папирусъ. Его раздѣляли на тонкіе ли-

честь удостоишь. Я хочу удивить тебя, представляя людей въ другіе виды чудным образомъ превращенныхъ, и воспріявшихъ вторично свое собственное состояніе. Но прежде, нежели начну, познай, кто я таковъ.

Изъ Аттическаго Тиметта, изъ Эфирейскаго Истма, изъ Лакедемонскаго Тенара, изъ сихъ благополучныхъ мѣстъ, преданныхъ вѣчности перомъ славныхъ сочинителей, древнее мое происходитъ поколѣніе. Въ Афинахъ первыя отрочества моего лѣта посвятилъ я для изученія Греческаго языка; потомъ пришедши въ Римъ, языку страны сея мнѣ нимало не извѣстному съ несказаннымъ трудомъ и безъ всякаго предводителя изучился. И потому прошу извинить меня, естьли гдѣ неупотребительнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ писать буду, и особливо для того, что сіе самое премѣненіе языка сходствуетъ нѣкоторымъ образомъ съ премѣнами, о которыхъ я говорить намѣренъ. Я начинаю баснею слышан-

листы и дѣлали бумагу такимъ образомъ какъ описываетъ Плиній. смотр. въ натур. Ист. гл. 11 и 12.

слышанною мной въ Греціи: читатель внемли, она весела.

Для нѣкоторой нужды отправился я въ Ѳессалію (въ которой мое поколѣніе со стороны матери отъ славнаго Плутарха, (г) и отъ внука его Секста Философа немалую мнѣ честь дѣлаетъ.); на бѣломъ сидя конѣ преодолѣлъ я высоту горъ, глубину долинъ, покрытые терномъ пути, и неровныя поля; но видя, что конь мой весьма усталъ, а притомъ чтобъ и самому мнѣ слабость отъ толь долговременнаго сидѣнія происшедшую движеніемъ уничтожить, соскочилъ я на землю. Потъ съ коня моего отеръ я тщательно, разуздалъ его и повелъ тихимъ шагомъ, чтобъ дать между тѣмъ ему очистить свой желудокъ. Но когда онъ, идя дорогою мимо луговъ, на ту и на другую сторону наклонялся для дорожнаго своего завтрыка, соединился я съ

 двумя

(г) Собственно сказать, Плутархъ былъ не изъ Ѳессаліи, но изъ Херонеи, города Беотическаго; однако статься можетъ, что предки Силвіи матери Апулесовой пришли изъ Беоціи и поселились въ Ѳессаліи.

двумя прохожими, которые по случаю шли немного напереди меня; подслушивая ихъ разговоръ, услышалъ я, что одинъ, смѣясь изъ всей мочи, говорилъ другому: перестань ради Бога, разсказывать мнѣ толь смѣшныя, невѣроятныя и противныя басни. Слова сіи произвели во мнѣ жажду къ новости: для Бога, сказалъ я имъ, здѣлайте меня участникомъ разговоровъ, я не любопытствую вашихъ тайностей, но я учусь, и хочу знать, естьли не все, то по крайней мѣрѣ, сколь можно больше; а притомъ и трудность нашего пути шутливою басенъ пріятностію облегчится.

Смѣявшійся прохожій продолжая рѣчь свою говорилъ такимъ образомъ: по истиннѣ сія твоя ложъ столько же справедлива и убѣдительна, какъ, естьли бы кто хотѣлъ увѣрить, что волшебнымъ шептаніемъ можно теченіе рѣкъ устремить къ верьху, здѣлать неподвижнымъ море, связать вѣтры, остановить солнце, принудить, чтобъ луна покрылась пѣною, свергнуть съ неба звѣзды, удержать теченіе дня, или ночи. Тогда, будучи

дучи отважнѣе, послушай, сказалъ я тому, которой, первой началъ сей разговоръ, не скучай продолжать твою повѣсть. Потомъ обратившись къ другому; а ты, говорилъ я, которой съ глупымъ упрямствомъ грубый твой слухъ отвращаешь отъ того, что можетъ быть въ самой вещи истинно; ты не знаешь, мнѣ кажется, что по развратному людей мнѣнію почитаются ложными часто и такія дѣла, которыхъ имъ или видѣть, или слышать не случалось, или которыя превышаютъ понятіе ихъ разума; но естьли разсмотришь сіи дѣла хотя съ малымъ вниманіемъ; они явятся не только вѣроятными, но еще легкими и удобными въ своемъ произшествіи. На примѣръ, я ужиная въ одинъ вечеръ съ товарищами, и, какъ мы всѣ ѣли одинъ предъ другимъ съ великою жадностію, хотѣлъ проглотить сырнаго пирога кусокъ больше обыкновеннаго; но сія смачная и клейкая пища въ самомъ горлѣ остановившись прервала мнѣ дыханіе и я едва не умеръ. Напротивъ того, спустя нѣсколько дней видѣлъ я въ Аѳинахъ предъ галереею называемою Пециль, какъ одинъ Шар-

латанъ проглотилъ мечъ, пустивши въ горло острымъ концомъ; и потомъ за малую цѣну, охотничье копье чрезъ ротъ вонзилъ себѣ во внутренность чрева, такимъ образомъ, что желѣзо прошло чрезъ тайной удъ, а чрезъ затылокъ выставилось ратовище, на концѣ котораго пригожей мальчикъ, какъ будто бы онъ былъ безъ костей, скакалъ и различнымъ образомъ изгибался къ удивленію всѣхъ зрителей. Смотря на сіе, ты подумалъ бы, что вкругъ суковатаго Эскулапіева жезла славный оный змій чудесно извивается. Но оставимъ сіе, тебя другъ мой прошу продолжать начатую тобою повѣсть; я одинъ вмѣсто сего товарища буду тебѣ вѣрить, и въ знакъ благодарности въ первой гостинницѣ ты будешь на мой счетъ обѣдать. Вотъ тебѣ награда. Я обѣщаніе твое пріемлю съ благодарностію, отвѣчалъ онъ мнѣ, и начну снова мое повѣствованіе, но прежде заклинаю тебя солнцемъ, симъ всевидящимъ Богомъ, что всѣ мои слова будутъ истинны и безъ всякой лжи; и ты нимало не будешь о нихъ сомнѣваться, какъ только вступишь въ сей ближній

Өес-

Ѳессалійскій городъ, гдѣ всѣ жители исторію сію твердятъ во устахъ своихъ, какъ дѣло предъ ихъ очами случившееся. Но прежде должно тебѣ знать, кто я таковъ, откол ѣ, и чѣмъ себѣ пропитаніе имѣю. Родомъ я изъ Эгины, и обыкновенно Гипатейскимъ медомъ или сыромъ, и другими вещами принадлежащими до трактировъ, въ Ѳессаліи, въ Этоліи и въ Беоціи торгую. Въ одно время увѣдомившись, что въ Гипатеѣ славнѣйшемъ Ѳессалійскомъ городѣ, самой свѣжій и вкусной сыръ продается за дешевую цѣну, поспѣшилъ я туда въ намѣреніи весь для себя откупить, но, какъ часто случается, отправился я въ недоброй часъ и надежда, получить барышъ, меня обманула: ибо за день до моего прибытія одинъ купецъ называемой Луппъ, весь сыръ уже откупилъ. И такъ я тщетною поспѣшностію утрудясь, пошелъ подъ вечеръ въ торговую баню. Вдругъ къ удивленію моему вижу тамъ Сократа одного изъ моихъ товарищей; онъ сидѣлъ на земли едва покрытъ раздранною епанчою, тощъ, блѣденъ и въ жалкомъ состояніи, онъ былъ подо-

бенъ презрѣннымъ фортуною и просящимъ милостыни по улицамъ. Онъ былъ мнѣ другъ и мною точно признанъ; но видя его въ такомъ печальномъ состоянiи, долго я сомнѣвался къ нему приближиться. Ахъ, любезный мой Сократъ! сказалъ я ему, что такое? Въ какомъ ты видѣ? Какое поношенiе? Въ домѣ своемъ ты ужѐ оплаканъ и почитаешься въ числѣ мертвыхъ. Къ дѣтямъ твоимъ по опредѣленiю градскихъ судей приставлены ужѐ надзиратели: жена твоя свершая погребательные обряды отъ безмѣрной печали и слезъ едва не лишилася зрѣнiя. Ея сродственники принуждаютъ ее, чтобъ горесть и смятенiе дому твоего премѣнила на радость новаго брака; а ты здѣсь къ стыду и поношенiю нашему являешься намъ, какъ страшное привидѣнiе. Аристоменъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, ты по видимому не знаешь непостоянства, превратностей и обманчивыхъ премѣнъ фортуны. Сказавъ сiе закрылъ онъ краснѣющееся отъ стыда лице свое раздранною епанчою, такъ, что нижняя тѣла его половина осталась обнаженною. Я не могши смотрѣть больше

ше на толь печальное зрѣлище подалъ ему свою руку, стараясь его поднять. Но сей бѣднякъ, имѣя покрытое лице и голову, оставь меня, оставь, говорилъ мнѣ, пусть фортуна утѣшается и торжествуетъ по своей волѣ надъ несчастнымъ. Я убѣдилъ его, чтобъ шелъ за мною, и не медля снявши съ себя одну одежду, не знаю надѣлъ ли ее на него, или прикрылъ его оной. Потомъ привелъ его въ баню, и все, чѣмъ должно было мазать его и отирать, я самъ пріуготовилъ. Омылъ я тщательно всѣ его нечистоты. Исправивъ все такимъ образомъ, сколь я самъ ни былъ утомленъ; но сего несчастнаго не имѣющаго силъ стоять на своихъ ногахъ съ превеликимъ трудомъ привелъ въ гостинницу; и тамъ кладу его на теплую постелю, насыщаю его, прохлаждаю питіемъ, и стараюсь развеселить пріятностію разговоровъ.

Уже бесѣда наша клонилась къ забавнымъ шуткамъ, къ насмѣшкамъ, къ замысловатымъ и колкимъ рѣчамъ; какъ вдругъ онъ изъ глубины сердца своего испуская тяжкій и болѣз-

лѣзненный стонъ, и ударяя себя по лицу, возопилъ; о какъ я несчастенъ! я, которой желая видѣть славное сраженiе шпажныхъ бойцовъ, въ сiи толь несносныя повергнулся бѣдствiя! Аристоменъ! тебѣ извѣстно, что я для нѣкоторыхъ выгодъ отправился въ Өессалiю; но когда я, проживъ десять мѣсяцовъ возвращался оттолѣ съ довольнымъ числомъ денегъ; то прежде, нежели пришелъ въ Ларису, чтобъ видѣть бойцовъ сраженiе, на нѣкоторой узкой и отдаленной долинѣ окруженъ я былъ разбойниками, и оными ограбленъ. Въ такомъ бѣдственномъ будучи состоянiи зашелъ я по дорогѣ къ одной трактирщицѣ называемой Мероею; она была ужé въ лѣтахъ, однако еще довольно пригожа: я изъяснилъ ей причины моего пути, обстоятельства моего возвращенiя въ домъ, и несчастный случай со мною приключившiйся, Разсказавъ ей все подробно, былъ я принятъ ею очень ласково, она представила мнѣ ужинъ изрядной и притомъ даровой. Послѣ того подстрѣкаема будучи вожделѣнiемъ удостоила меня своего ложа. И немедленно

а бѣднякъ за одну ночь сдѣлался ей должникомъ: я отдалъ ей и послѣднюю одежду, которую мнѣ честные разбойники оставили для прикрытія моего тѣла; я для нее истощилъ весь барышъ, которой получалъ торгуя платьемъ, когда еще былъ я здоровъ. Симъ то образомъ несчастная моя судьба, и сія добренькая старуха довела меня до сего жалкаго состоянія, въ какомъ ты меня нашелъ недавно.

По истиннѣ, сказалъ я ему, ты достоинъ самыхъ лютѣйшихъ напастей, естьли только можетъ что быть лютѣе послѣдняго твоего нещастія; когда ты дерзнулъ своему дому, дѣтямъ и женѣ своей предпочесть студную похоть и всесвѣтную блудницу. Но онъ приложивъ къ устамъ своимъ указательный перстъ, молчи, говоритъ мнѣ, молчи, и озираясь всюду, чтобъ не подслушалъ кто, не дерзай злословить женщину вдохновенную самымъ небомъ; страшись, чтобъ тебѣ невоздержнымъ своимъ языкомъ не навлечь на себя жестокой отъ нея казни; Какъ! говорю я ему, кто такова, и что за женщина, сія не-

небомъ вдохновенная и полномочная обладательница трактира? Это волшебница, отвѣтствуетъ мнѣ, божественной исполненна силы: она можетъ понизить небо, возвысить на воздухъ землю, обратить въ камень источники, растопить горы, какъ олово, исторгнуть изъ ада тѣни мертвыхъ, свергнуть съ высоты боговъ, помрачить свѣтила, и озарить мрачный адъ... Прошу покорно; сказалъ я, оставь сїе театральное убранство, и опусти трагическую сїю завѣсу, и говори лучше попросту. Хочешь ли, сказалъ онъ мнѣ, выслушать хотя одно, или два, или больше изъ ея дѣйствїй? Кленусь тебѣ, всѣ не только страны сея жители, но также Индѣйцы, Ееїопы, и всего свѣта народы любятъ ее, какъ самихъ себя. Кратко сказать, ей бездѣлицы стоитъ дѣлать такїя чудеса, какъ я разсказывалъ. Но послушай, что она здѣлала предъ очами почти всего народа. Она своего любовника, которой силою похитилъ честь у иной женщины, однимъ словомъ превратила въ бобра: ибо сей звѣрокъ страшась неволи, и чтобъ избавиться отъ ловцовъ от-

откусываетъ себѣ дѣтородный удъ, потому и она хотѣла, чтобъ любовникъ ея пострадалъ равнымъ образомъ за свой проступокъ. Также одного трактирщика, которой жилъ съ нею въ сосѣдствѣ, и перебивалъ у нее барышъ, превратила въ лягушку; сей бѣдной старичокъ и до нынѣ еще плавая на днѣ винной бочки и купаясь въ дрожжахъ осиплымъ и умильнымъ крикомъ призываетъ прежнихъ своихъ купцовъ и знакомцовъ. Стряпчій дерзнувшій ее злословить превращенъ былъ ею въ барана, и хотя онъ нынѣ ужѐ баранъ, однако еще въ судебныхъ мѣстахъ стряпческую исполняетъ должность. Жену одного изъ своихъ любовниковъ осмѣлившуюся ей насмѣхаться и ее презирать наказала она симъ образомъ: Когда сей женщинѣ ужѐ давно беременной, пришло время родить, то волшебница заключила у ней ложесна; и воспрепятствовавъ младенцу вытти изъ чрева, осудила сію нещастную на всегдашную беременность. Говорятъ, что ужѐ восемь лѣтъ тому прошло, какъ сія бѣдная находится въ такомъ жалкомъ состояніи, имѣя брюхо столь толсто и надуто,

какъ будто бы она хочетъ родитъ слона. Наконецъ сія волшебница вредя многихъ привлекла на себя ненавистъ отъ всѣхъ сограждан; по суду опредѣлено въ слѣдующій день побить ее каменьемъ; но она своимъ искусствомъ умѣла предупредить сіе жестокое наказаніе. Какъ прежде Медея упросивъ Креона, чтобъ отсрочить ея отъѣздъ до другаго дни, сожгла сего старика и съ дочерью его тѣми самыми свѣтильниками, которые уготованы были для брака; такъ и сія волшебница учинивъ различныя заклинанія и проклятія вокругъ одного рва, (д) (какъ сама о томъ, будучи пьяна, мнѣ сказывала) всѣхъ городскихъ жителей силою своихъ чародѣяній заключила въ ихъ собственныхъ домахъ столь искусно и хорошо, что

чрезъ

(д) Небеснымъ богамъ жертвы были приносимы на олтаряхъ возвышенныхъ; земнымъ просто на земли, но адскимъ приносились во рву. Въ Гомеровой Одиссеѣ читаемъ, что Улиссъ выкопалъ ровъ глубиною въ локоть, въ которой излилъ вино смѣшанное съ медомъ, потомъ чистое вино, и воду смѣшанную съ кровію животныхъ закланныхъ на жертву.

чрезъ цѣлые два дни не могши они ни дверей ни стѣнъ разломать, принуждены были всѣ вопить голосомъ плачевнымъ и покорнымъ, кленясь предъ нею, что они нималаго ей не причинятъ зла, и что естьли кто нибудь противъ нее вооружится, то они всѣ свои силы употребятъ въ ея помощь. Такимъ образомъ умилостивлена будучи разрѣшила отъ узъ всѣхъ гражданъ. Однако виновника заговора сего наказала она особеннымъ образомъ: ибо домъ его со стѣнами и съ самымъ основанiемъ перенесла въ другой городъ, которой былъ оттолѣ въ нѣсколькихъ верстахъ, и стоялъ на превысокой и крутой горѣ, а потому не имѣлъ почти ничего въ себѣ воды; и какъ по причинѣ тѣснопостроенныхъ домовъ и узкихъ улицъ не было сему новому гостю въ томъ городѣ мѣста, то она поставивъ его домъ передъ градскими воротами, сама удалилась. Удивительные, сказалъ я ему, и не меньше страшные случаи разсказываешь ты мнѣ любезный Сократъ, и симъ ты мнѣ не сомнѣнiе только но и самый ужасъ навелъ, и я стра-

шусь, чтобъ сія старуха помощію какого нибудь служебнаго своего демона не провѣдала о нашемъ разговорѣ; и потому ляжемъ спать по ранѣе, чтобъ успокоившись нѣсколько пріятнымъ сномъ встать предъ свѣтомъ и бѣжать намъ изъ сихъ мѣстъ какъ можно по скорѣе. Совѣтуя такимъ образомъ вижу я, что мой Сократъ, утомясь долготою дня, и упившись вечеромъ больше обыкновеннаго, ужѐ давно храпитъ изъ всей мочи. Что касается до меня, я заперши двери на крюкъ и поставивъ противъ нихъ свою кроватъ, легъ спать. Съ начала нѣсколько часовъ не могъ я уснуть отъ страха; наконецъ около полуночи начали мои глазà покоряться усилію сна.

Едва только я заснулъ: вдругъ отворяется дверь съ такимъ стукомъ, какъ будто бы ломаютъ ее разбойники, запоръ и крюки сокрушаются и падаютъ на землю вмѣстѣ съ дверью. Маленькая и ужѐ ветхая моя кроватъ отъ такого усилія опрокидывается и меня скатившагося на полъ собою покрываетъ. Тогда я почувствовалъ, что

что есть въ человѣкѣ страсти, которыя производятъ дѣйствія себѣ противныя; ибо какъ по случаю текутъ отъ радости слёзы, такъ и я въ семъ ужасѣ не могъ удержаться отъ смѣха, видя себя превращеннымъ изъ Аристомена въ черепаху. (е) Такимъ образомъ повerженъ и лежащъ ницъ смотрѣлъ я со стороны послѣдствіе сего произшествія будучи прикрытъ своимъ одромъ, и увидѣлъ вшедшихъ двухъ старухъ. Одна изъ нихъ держала свѣтильникъ, другая грецкую губу и обнаженный мечь. Въ такомъ вооруженіи приближились онѣ къ Сократу въ глубокой сонъ погруженному.

Держащая мечь говорила: любезная сестра Паѳія, вотъ мой дорогой Эвдиміонъ, мой возлюбленный Танимедъ, которой днемъ и нощію во зло употреблялъ мою младость, и которой нынѣ презрѣвъ мою горячность, не только безславитъ меня, но еще старается отъ меня убѣжать. Да! а

(е) Ибо лежа подъ кроватью точно былъ онъ, какъ черепаха подъ своею кожею.

я несчастная, какъ другая Калипса хитростїю сего новаго Улисса обманута, останусь и буду оплакивать вѣчно мое уединенїе? Потомъ указывая на меня Паөїѣ, а сей, говоритъ, сей благоразумный совѣтникъ, Аристоменъ, виновникъ сего бѣгства, находящїйся уже при вратахъ смерти и теперь простертый на земли, покрытъ своею кроватью, и смотря на сїе наше дѣйствїе думаетъ ли, что я за обиду и ругательство его продерзостїю мнѣ нанесенное, наказать его и отмстить ему не въ силахъ? Я здѣлаю, хотя поздо, но что я говорю, я здѣлаю немедленно и въ сїе самое мгновенїе, что онъ будетъ раскаиваться и сожалѣть о прежнемъ своемъ многорѣчїи и о настоящемъ продерскомъ любопытствѣ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я во всемъ тѣлѣ и во всѣхъ членахъ холодный потъ, вся внутренность во мнѣ столь сильно дрожала, что самая кроватъ на спинѣ моей лежащая тряслась и колебалась. Любезная сестра, отвѣтствуетъ добродушная Паөїя, чтожъ мы медлимъ, и для чего по примѣру Бакханокъ не терзаемъ его перваго, или связавъ ему руки и ноги не отрѣ-

рѣжемъ ему? — — — На сіе Мероя, (ибо это была точно та, какъ видно изъ ея волшебства, о которой мнѣ толь много чудеснаго Сократъ сказывалъ) пусть, отвѣтствуетъ, пусть онъ въ живыхъ останется, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ сокрылъ въ землю тѣло сего бѣдняка. Тогда наклонивъ Сократову голову вонзила ему мечь въ лѣвую сторону шеи по самой ефесъ и подставивъ сосудъ принимала текущую кровь съ такимъ раченіемъ, что ни единой капли не было видно. Все сіе видѣлъ я своими очами. Но, какъ я думаю, чтобъ соблюсти весь обрядъ жертвоприношенія, углубила она свою правую руку въ сію рану до самой внутренности и оттолѣ исторгнула сердце моего несчастнаго товарища; между тѣмъ изъ язвы его слышенъ былъ голосъ, или лучше сказать нестройный крикъ, и сей бѣднякъ духъ свой извергнулъ съ кипящею кровію. Сію рану, которая была очень велика, захватила Паѳія грецкой губою, говоря: *пнимай губа, ты родилась въ морѣ, такъ берегись преходить чрезъ рѣку.* Поступивъ такимъ образомъ съ Сократомъ

сняли они съ меня кровать, и ставъ прямо надъ моей головою, и разширя свои лядвеи окропили меня своею смрадною мочею.

Едва онѣ выступили за порогъ, немедленно дверь на прежнее становится мѣсто, крюки входятъ по прежнему въ пробои, верея укрѣпляется, и засовы опять задвигаются. Я лежа на земли почти бездушенъ, нагъ, холоденъ, облитъ мочею, и мокръ какъ будто бы недавно я вышелъ изъ чрева матерня, ужè полумертвъ, или лучше сказать для самаго себя оставшійся въ живыхъ, или какъ ужè человѣкъ опредѣленный на висѣлицу; говорилъ самъ себѣ такимъ образомъ: что со мною воспослѣдуетъ, когда поутру найдутъ заколатаго моего товарища? и кто мои словà, сколь впрочемъ они ни справедливы, почтетъ достойными вѣроятія? Не долженъ ли ты былъ, скажутъ мнѣ всѣ, кричать и требовать помощи, естьли, будучи столь сильной мущина, не могъ ты противиться женщинѣ? при твоихъ очахъ умерщвляютъ человѣка, и ты молчишь? для чего и ты равной не подвергнулся

у-

участи? для чего лютость сея женщины пощадила такого человѣка, которой будучи свидѣтелемъ злодѣйства могъ показать и объявить виновника онаго? и потому когда ты избѣжалъ смерти, нынѣ ее принять долженъ. Такимъ образомъ разсуждалъ я самъ съ собою, и ночь уже проходила.

И такъ заблагоразсудилъ я украдкою уйти еще до свѣта и пуститься въ путь хотя робкими стопами: я беру свою суму, и вложивъ ключь въ замокъ, вертѣлъ его въ обѣ стороны стараясь отпереть; но сія вѣрная и крѣпкая дверь, которая въ полночь сама собою отворилась, едва съ великимъ трудомъ была отперта мною: Эй слушай, гдѣ ты, говорю я, отвори мнѣ на улицу ворота, я хочу отправиться предъ восхожденіемъ солнца. Приворотникъ, которой спалъ на земли близъ воротъ отвѣтствуетъ мнѣ въ просонкахъ: какъ! развѣ ты не знаешь, что на дорогѣ много разбойниковъ, и хочешь итти ночью? а! а! естьли ты ищешь смерти, поелику чувствуешь себя виновнымъ въ какомъ нибудь преступленіи, то знай, что

у насъ право не тыковныя головы, чтобъ намъ за тебя умереть. — уже недолго до свѣту, говорю ему, и притомъ что могутъ отнять разбойники у прохожаго столь бѣднаго какъ я? или не знаешь ты глупецъ, что самые сильные десять человѣкъ не могутъ обнажить того, кто совсѣмъ нагъ? Сей полуспящій слуга поворотясь на другой бокъ, знаю, отвѣтствуетъ мнѣ, что ты бѣгствомъ хочешь спастися заколовъ своего товарища, съ которымъ пришелъ сюда вечеромъ. Мечталось мнѣ, что при сихъ словахъ отверзлася подъ моими стопами земля даже до ада, и что Церберъ готовился меня пожрать. Я узналъ тогда, что Мероя не изъ сожалѣнія ко мнѣ, меня не умертвила, но по лютости своей на самую жестокую казнь меня оставила. И такъ удалившись я въ свою спальню, въ смущеніи помышлялъ, какою бы смертію прекратить жизнь свою. Но когда счастіе ни одного смертоноснаго орудія мнѣ не представляло кромѣ моей кровати; любезный одръ, говорилъ я, ты, которой столько бѣдствій претерпѣлъ со мною, ты, зритель и судія всего произшедшаго въ сію ночь, ты,

ко-

которой одинъ можешь быть на судѣ моей невинности свидѣтелемъ, ты нынѣ стремящемуся мнѣ во адъ подай смертное оружіе: при словѣ семъ разплелъ я веревку, которою кроватъ была скрѣплена, и привязалъ ее крѣпко на гвоздѣ, которой былъ надъ окномъ. Послѣ сего на другомъ концѣ веревки сдѣлалъ я слабую петлю и ставши на кровать, дабы мнѣ съ большей опуститься высоты, надѣлъ петлю себѣ на шею; но когда я одной ногою оттолкнулъ кровать, чтобъ собственною моею тяжестію петля на горлѣ затянувшись прервала мнѣ дыханіе, вдругъ старая и гнилая сія веревка прервалась, и я летя съ высоты упалъ на Сократа, и мы оба съ нимъ скатились на землю.

Придверникъ въ сію минуту вбѣгаетъ съ негодованіемъ крича изъ всей мочи: гдѣ ты, гдѣ ты, которой въ глухую ночь уйти отсель поспѣшалъ, и теперь еще храпишь растянувшись? Тогда Сократъ, не знаю отъ моего ли паденія, или отъ необычайнаго крику сего слуги, первой пробудившись, сказалъ: не безъ причины гостинницы сея придверниками

гнушаются всѣ постояльцы; ибо сей любопытный слуга неблаговременно вбѣжавши, и какъ я думаю, дабы что нибудь украсть, прервалъ глубокой и сладкой мой сонъ. Вдругъ и я пробудился, и неожидаемою восхитился радостію: вотъ, сказалъ я вѣрному стражу, вотъ мой спутникъ, мой отецъ, мой братъ; котораго ты, будучи пьянъ, почиталъ отъ меня убитымъ ночью; говоря сіе обнималъ я и лобызалъ Сократа; но онъ чувствуя скверный запахъ гнусныя влаги, которою меня волшебницы окропили, отталкивалъ меня съ досадою; отступи, говоритъ онъ мнѣ, ты никакъ валялся въ гнусномъ мѣстѣ, потомъ смѣясь началъ меня спрашивать о причинѣ сего мерскаго запаху; но я не медля, хотя и не къ стати, выдумавъ другую шутку обратилъ его любопытство къ иной вещи, и давъ ему правую руку, сказалъ, пойдемъ лучше, и насладимся пріятностію утренняго путешествія. Наконецъ я взялъ свою суму, и заплативъ придвернику за постоялое, пустились мы въ дорогу.

НѢ-

Нѣсколько пути прошли, и уже восхожденіемъ солнца все начало освѣщаться; я прилѣжно примѣчаю ту сторону шеи моего сопутника, въ которую, какъ я видѣлъ, вонзенъ былъ кинжалъ. Я самъ себѣ говорилъ: безумной, не отъ того ли, что ты чрезъ мѣру вечеромъ пьянствовалъ, толь страшные и чрезвычайные сны тебѣ грѣзились? Вотъ Сократъ здоровъ и безвреденъ. Гдѣ рана? гдѣ губа? и наконецъ язва толь великая и толь недавная? Потомъ обратясь къ нему, справедливо, сказалъ я, искусные утверждаютъ лекари, что отъ пьянства и объяденія ужасныя намъ грѣзятся сны. Мнѣ въ сію ночь, поелику вчера много подгулялъ, столь страшныя мечтались сновидѣнія, что я и теперь еще почитаю себя обагреннымъ кровію. На сіе Сократъ усмѣхаясь, нѣтъ, ты не кровію, говоритъ, но смрадною мочею былъ облитъ; однако я и самъ видѣлъ во снѣ, что будто меня закололи: ибо я чувствовалъ боль въ горлѣ, и казалось мнѣ, что изторгнули изъ внутренности моей сердце; и я теперь еще едва дышу, колѣни мои подгибаются, я не могу

итти, я охотно бы желалъ подкрѣпить мои силы пищею. Вотъ, сказалъ я ему, готовъ для тебя завтракъ. Немедленно снявши я съ плеча суму подалъ ему хлѣба и сыру и просилъ его сѣсть подъ дерево. Мы сѣли, я также началъ завтракать. Сократъ ѣстъ съ жадностію, я вижу, что вдругъ лице его покрылось блѣдностію. Наконецъ природный его цвѣтъ столь много перемѣнился, что я отъ страха, воображая о ночныхъ оныхъ фуріяхъ, едва не подавился кускомъ хлѣба, которой хотя весьма былъ невеликъ, однако остановился въ самомъ горлѣ, такъ что я не могъ его ни проглотить ни обратно вырыгнуть. Сверьхъ того усугублялся мой страхъ по причинѣ множества прохожихъ. Ибо кто бы могъ повѣрить, что изъ двухъ спутниковъ одинъ былъ убитъ, и другой не былъ бы причиною того убійства?

Наконецъ Сократъ поѣвши довольно почувствовалъ непреодолимую жажду, и не безъ причины: ибо онъ превеликой кусокъ сыру съѣлъ съ жадностію; а притомъ близъ дерева проте-

текалъ тихой источникъ подобной неподвижному озеру; вода его была прозрачна какъ серебро, или кристаль. Вотъ, сказалъ я ему, утоли здѣсь жажду свою чистою водою. Онъ всталъ, прикрылся епанчею, и на способнѣйшемъ мѣстѣ берега наклонился въ рѣку, дабы напиться.

Едва онъ прикоснулся губами своими къ водѣ, вдругъ рана въ горлѣ его растворилась, и грецкая губа выпала изъ нея съ кровью, и его бездушное тѣло скатилось бы въ рѣку, естьли бы я схвативъ за ногу не вытащилъ его на берегъ хотя и съ трудомъ. Оплакалъ я моего несчастнаго товарища, сколько мнѣ дозволяло время, потомъ зарылъ его въ песокъ, и оставилъ навсегда въ сосѣдствѣ съ сей рѣкою: что до меня, то весь трепеща и ужасаясь, чрезъ разные и непроходные пустыни убѣжалъ и сокрылся, и будто бы точный убiйца, оставилъ я свое отечество и домъ, и самовольно осудилъ себя на изгнанiе. Я нынѣ живу въ Этолiи, женившись на другой женѣ. Такъ разсказывалъ Аристоменъ.

Но

Но товарищъ его, которой и сперва съ упрямствомъ не вѣрилъ, и смѣялся его словамъ, по истиннѣ, сказалъ, нѣтъ ничего баснословнѣе сея басни, и ложнѣе сея лжи. Потомъ обратившись ко мнѣ, а ты почтенный мужъ, какъ то мнѣ показываетъ видъ твой и одѣяніе, ты вѣришь ли симъ расказамъ? Для меня, отвѣтствовалъ я, нѣтъ ничего невозможнаго; и какъ судьба опредѣлила, такъ все произходитъ между людми. Ибо и со мной и съ тобой и со всѣми смертными много чрезвычайнаго и неслыханнаго случается, чему невѣжда, когда ему будутъ сказывать, никакъ не повѣритъ. По истиннѣ, я нимало о томъ не сомнѣваюсь, что теперь намъ сказано, и благодарю отъ всего сердца за сію пріятную и увеселительную повѣсть: ибо столь дальной и трудной путь совершилъ я безъ скуки и безъ устатку; я думаю, что и лошадь моя за сіе благодаритъ и радуется, потому что не утруждая ее, до самыхъ воротъ города сего не на спинѣ ея, но на собственныхъ моихъ ушахъ я доѣхалъ. Здѣсь мы прекратили разговоръ и общее наше путешествіе,

ствіе: ибо оба мои товарищи поворотили на лѣво къ ближайшимъ деревнямъ. Но я при входѣ въ городъ увидѣвши первой трактиръ остановился и немедленно спросилъ престарѣлую трактирщицу, Типатою ли называется сей городъ? сказала, такъ.—Знаетъ ли она Милона, одного изъ первыхъ гражданъ? Она начала смѣяться. Потомъ отвѣчала, правда, что Милонъ почитается здѣсь первымъ, ибо онъ живя внѣ города всѣмъ полемъ владѣетъ; оставя шутки бабушка, говорю я ей, скажи мнѣ кто онъ таковъ, и гдѣ его домъ? Видишь ли, отвѣтствуетъ она мнѣ, сіи послѣднія окна обращенные съ одной стороны къ полю а съ другой къ сему ближнему города переулку? Тутъ живетъ Милонъ, онъ чрезвычайно богатъ, и много имѣетъ наличныхъ денегъ, но только весьма скупъ и человѣкъ негодной, онъ часто даетъ деньги въ заемъ но съ великимъ ростомъ, и требуя закладъ состоящій изъ серебреныхъ или золотыхъ вещей. Заключась въ тѣсномъ домишкѣ съ женою своею, которая неменьше его скупа, неусыпно стерегутъ они ржавые свои деньги,

но

не имѣя у себя никого кромѣ одной молодой служанки. На улицу или на торгъ выходитъ онъ всегда въ разданной и нищенской одеждѣ.

Сіе слыша я захохоталъ, говоря, правда, что другъ мой Демеасъ умно и благосклонно поступилъ со мною, пославъ меня съ письмомъ къ такому человѣку, у котораго въ домѣ ни дыму, ни поваренняго запаху опасаться я не долженъ. По семъ отшедши нѣсколько шаговъ приближился къ воротамъ его дому: они были накрѣпко заперты, я стучался и кричалъ громко, чтобъ ктонибудь отперъ, немного спустя вышла молодая служанка, слушай, говоритъ она мнѣ, кто ты таковъ? что такъ сильно толкаешь въ двери и подъ какой закладъ хочешь занять денегъ? Или ты не знаешь, что мой господинъ кромѣ золота и серебра никакихъ не принимаетъ закладовъ? Лучшее что нибудь, говорю я ей, пророчествуй мнѣ, и поскорѣе отвѣтствуй дома ли твой хозяинъ? дома, отвѣтствуетъ, но какая причина такого вопроса? Чтобъ отдать ему письма посланные со мною отъ Демеаса Коринѳскаго жителя.

Подо-

Подожди ты здѣсь, говоритъ она мнѣ, пока его о томъ увѣдомлю; при словѣ семъ заперла опять ворота и побѣжала къ Милону; чрезъ минуту возвратившись, говоритъ мнѣ, приказалъ тебя къ себѣ просить. Я вшелъ и увидѣлъ что Милонъ сидитъ на маленькой кровати готовясь ужинать; подлѣ его сидѣла жена, столъ еще не былъ накрытъ; Милонъ указывая мнѣ перстомъ на него, сказалъ, вотъ гостепріимство. Я, отвѣтствуя, покорно благодарствую, тотчасъ вручаю ему письма отъ Демеаса; онъ прочетши ихъ наскоро, сказалъ: я оченъ доволенъ другомъ моимъ Демеасомъ, что онъ такого ко мнѣ послалъ гостя. Не медля приказалъ онъ женѣ своей удалиться, и просилъ меня сѣсть на ея мѣсто, но какъ я по благопристойности отрицался, онъ тащилъ меня за полу, говоря, садись подлѣ меня, и притомъ извини, что мы боясь воровъ не имѣемъ здѣсь ни стулья, ни другихъ нужныхъ домашнихъ вещей. Я исполнилъ его прозьбу и онъ продолжая рѣчь свою говорилъ: я смотря на стройное сложеніе тѣла твоего, видя скромныя и дѣвицамъ въ стыдливости подобныя

черты лица твоего, безъ сомнѣнія почелъ тебя произшедшимъ отъ знатной и благородной крови; однако сіе самое подтвердилъ еще письмомъ своимъ другъ мой Демеасъ. И такъ прошу не погнушаться бѣднымъ моимъ домишкомъ. Ты будешь спать въ семъ ближнемъ покоѣ, гдѣ тебѣ будетъ недурно. Прошу переночевать у меня: ибо ты симъ немалое уваженіе и честь моему дому сдѣлаешь, а притомъ и самъ прославишься естьли ты будешь подражать великому Тезею, (какимъ именемъ (ж) и отецъ твой назывался,) не отрекшемуся переночевать у бѣдной Гекалы. Потомъ кликнувъ служанку, Фотиса, говоритъ ей,

(ж) Изъ сего видно, что отецъ Апулеевъ назывался Тезеемъ. Что касается до славнаго Тезея сына Эгеева, то онъ будучи еще молодъ принужденъ былъ въ одно время переночевать у Гекалы старушки бѣдной, но весьма добродѣтельной. Она его приняла съ возможною ласкою и обѣщалась ему принесть себя Юпитеру на жертву, естьли онъ живъ и здоровъ съ войны возвратится. Однако умерла она прежде его возвращенія. Тезей въ память ея установилъ торжество въ честь Юпитеру и назвалъ его праздникомъ Гекальскимъ.

ей, возьми сумы гостя сего и положи ихъ въ спальню; притомъ масла для мазанія, платки для отиранія, и все что нужно принеси немедленно, и проводи гостя моего въ ближнія бани; онъ весьма усталъ отъ дальнаго и скучнаго пути. Сіе слыша и разсуждая о нравѣ и скупости Милоновой захотѣлъ я больше ему понравиться, и потому говорю ему: я не имѣю никакой нужды въ сихъ вещахъ; ибо мы дорожніе люди все потребное для бань съ собою носимъ. И такъ главное мое попеченіе относится до моей лошади, которая весьма бодро довезла меня до сего мѣста, и потому Фотиса, взявъ сіи деньги купи для нее овса и нѣсколько сѣна.

Исправя все, и положа вещи свои въ спальню мнѣ опредѣленную, пошелъ я въ баню; но для покупки чего нибудь себѣ на ужинъ, зашелъ я сперва на рынокъ: гдѣ увидѣвъ довольно рыбы, началъ торговать, запросили сто денарій, сіе меня удивило, напослѣдокъ сторговалъ я за дватцать. Идя съ рынку увидѣлъ я за собою Питія, которой былъ мнѣ

соученикомъ въ Аѳинахъ; онъ долго на меня смотря и потомъ узнавши подбѣжалъ ко мнѣ; обнявъ меня и цѣлуя дружески, любезный Луцій, говорилъ мнѣ, уже давно мы съ тобой не видались, съ самаго того времени, какъ мы отстали отъ нашего учителя. И какая причина твоего странствованія? завтра узнаешь, сказалъ я ему; но сіе что такое значитъ? поздравляю; ибо я вижу, что приставы идутъ неся сѣкиру и пукъ розгъ (з) передъ тобою и ты самъ въ одеждѣ приличной градскому судіи. Я главной надзиратель надъ строеніями, отвѣчалъ онъ мнѣ, и въ нынѣшній годъ поручено мнѣ смотрѣніе надъ съѣстными припасами; и естьли тебѣ нужда въ чемъ нибудь въ разсужденіи пищи, я могу въ томъ тебѣ услужить. Я отказался, ибо уже довольно имѣлъ я рыбы для ужина. Но Питій видя у меня кошель и тряхнувъ, чтобъ увидѣть рыбу, спросилъ, за сколько купилъ я сію бездѣлку? Едва за двать-

цать

(з) У Римлянъ предъ Консулами и предъ другими главными ходили приставы, или иначе Ликторы неся связку розгъ и въ срединѣ ея топоръ для казни виноватыхъ.

цать денарій, отвѣчалъ я ему, мнѣ ее уступили. Сіе слыша, взялъ онъ меня за руку и обратно повелъ на рынокъ. Гдѣ спросилъ меня, у кого я изъ продавцевъ купилъ рыбу? Я указалъ на старика, которой сидѣлъ въ углу. Питій по важности своея власти закричалъ на него строго: какъ! говорилъ онъ, уже ли и нашихъ пріятелей, и никого изъ прохожихъ щадить вы не хотите, продая худую рыбу за толь великую цѣну? Сей городъ самой цвѣтущій во всей Ѳессаліи, вы дѣлаете чрезъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ необитаемою пустынею: но вамъ это не пройдетъ даромъ: я теперь же докажу, какимъ образомъ бездѣльники наказаны быть должны во время моего правленія. Потомъ выбросивъ изъ кошеля моего рыбу велѣлъ одному изъ приставовъ топтать ее ногами. Довольствуясь такою строгостію храбрый мой Питій, совѣтовалъ мнѣ удалиться, говоря: любезный мой Луцій, не довольно ли строго старикъ сей наказанъ? Я все сіе видя чрезвычайно удивился, и по совѣту моего благоразумнаго товарища, лишась и ужина и денегъ, пошелъ въ

 баню,

баню, гдѣ вымывшись возвратился я въ домъ Милоновъ и ушелъ въ свою спальню. Но вдругъ бѣжитъ Фотиса, сказывая, что проситъ меня къ себѣ хозяинъ. Но я испытавъ его чрезмѣрное воздержаніе, просилъ, чтобъ меня извинили: ибо мнѣ за благо разсудилось не пищею, но сномъ облегчить усталость произшедщую отъ дальнаго путешествія. Когда ему про то сказали, онъ прилетѣлъ ко мнѣ самъ и схвативши меня за руку тащилъ съ постели учтиво; я извиняюсь, я отказываюсь, но онъ, не отстану, говоритъ мнѣ, пока не согласишься послѣдовать за мною, и слово свое подтвердилъ клятвою. Я принужденно повинуяся его упрямству пришелъ съ нимъ къ ветхой его кровати. Онъ посадя меня: какъ поживаетъ спросилъ, другъ нашъ Демеасъ, въ добромъ ли здоровьи жена его и дѣти, и въ какомъ состояніи его домашнія дѣла? На все отвѣтствую подробно. Онъ подробнѣе распрашиваетъ о причинахъ моего путешествія. Я и въ томъ его удовольствовалъ; онъ еще подробнѣе началъ меня спрашивать о моемъ отечествѣ, о знаменитыхъ въ ономъ

людяхъ,

людяхЪ, и о главномЪ правителѣ; но примѣтя, что я, будучи слабЪ отЪ странствованія и отЪ его басенЪ ужѐ дремалЪ, половину рѣчей не договаривалЪ и заикался при каждомЪ словѣ; дозволилЪ онЪ мнѣ удалиться. И такЪ едва я избавился отЪ велерѣчиваго и скупаго старика, и будучи отягощенЪ сномЪ а не пищею, ибо я на словахЪ и мысленно только ужиналЪ, возвратился вЪ спальню, дабы желаннымЪ сномЪ успокоиться.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Какъ только прешла ночь и восходящее солнце произвело новый день, я немедленно и сонъ и кровать свою оставилъ, желая не терпѣливо знать и видѣть все, что было удивительно и рѣдко. Разсуждая, что нахожусь я въ срединѣ Ѳессаліи, (а) гдѣ по согласному всего свѣта признанію первыя сѣмена волшебной науки посѣяны; и притомъ помня басню сказанную мнѣ Аристоменомъ, добродушнымъ моимъ спут-

(а) Древніе думали, что въ Ѳессаліи много родилось травъ способныхъ для чародѣйства и обаянія, и что волшебная наука въ сей странѣ получила свое начало, и дошла до высочайшаго совершенства и потому *Ѳессалійская женщина*, означала обыкновенно волшебницу или колдунью.

спутникомъ о положенiи сего города къ которому съ нимъ шли; разсматривалъ я все съ чрезвычайною жадностiю и съ удивительнымъ любопытствомъ; я воображалъ, что все, что ни вижу въ городѣ семъ, есть въ самой вещи нетаково, какъ моимъ очамъ кажется, но все волщебнымъ шептанiемъ въ другой видъ превращено; и потому камни встрѣчающiеся моему взору почиталъ я людьми окаменѣлыми, птицъ считалъ я также людьми обросшими только перьемъ. Дерева стоящiя вокругъ стѣны градскiя равно въ умѣ моемъ казались людями покрытыми листьемъ; источники и ручьи, то были равно человѣческiя тѣла претворенныя въ жидкую стихiю. Мечталось мнѣ что картины и статуи должны ходить, стѣны домовъ говорить, и что волы и прочiя животныя будутъ скоро пророчествовать, и самая наконецъ высота небесная, и лучезарное свѣтило предвозвѣститъ что нибудь важное. Въ такомъ будучи изумленiи и толь непреодолимое имѣя желанiе видѣть что нибудь чрезвычайное, ни единаго слѣда и ни одного впрочемъ знаку къ исполненiю желанiя

ланія моего не примѣтя обходилъ я все вокругъ. Наконецъ ходя туда и сюда, какъ будто пьяной нечаянно и безъ всякаго намѣренія очутился я на съѣстномъ рынкѣ. Вдругъ увидѣвъ тамъ идущую женщину окруженную множествомъ слугъ, побѣжалъ къ ней съ поспѣшностію. Одежда ея распещренная златомъ, и алмазныя серги служили яснымъ доказательствомъ, что она была особа знаменитая. По одну ея сторону шелъ престарѣлой мущина, которой едва меня увидя, безъ сомнѣнія, сказалъ ей, это Луцій, такъ это онъ, и мгновенно подбѣжалъ ко мнѣ, чтобъ меня облобызать, потомъ поговоря нѣчто на ухо сей женщинѣ; для чего, сказалъ мнѣ, самъ не приближишься и не поздравишь сію особу, которую ты долженъ почитать какъ свою родительницу? Не смѣю, отвѣтствовалъ я, не имѣя чести знать сію женщину; вдругъ лице мое покрылось стыдливымъ румянцемъ, и потупя глаза стоялъ я неподвижно. Напротивъ того она смотря на меня пристально, вотъ, сказала, точное подобіе и благородная отрасль добродѣтельной Салвіи! Все сложеніе ихъ

тѣла

тѣла совсѣмъ между собою сходно; и станъ Луціевъ по высотѣ своей и по тонкости сразмѣренъ и пріятенъ; румянецъ въ щекахъ умѣренной, волосы его желты и отъ природы кудрявы, глаза хотя сѣрые, но быстрые и блистаютъ подобно орлинымъ; взоры его исполнены пріятностей, наконецъ походка его благородна однако непритворна и непринужденна. Послѣ сего она мнѣ говорила: Луцій я тебя въ собственныхъ моихъ воспитала объятіяхъ; ты сему дивишься? знай, твоя мать и я, мы не токмо между собою сродственницы, но еще и воспитаны вмѣстѣ. Ибо мы обѣ произошли отъ племени Плутархова, одну имѣли кормилицу, и въ союзѣ родства вкупѣ возрасли, и одно только состояніе и достоинство меня съ ней раздѣляетъ и различаетъ; ибо она вступила въ брачные узы съ человѣкомъ знаменитымъ, а я напротивъ того съ простымъ. Знай я та Биррена, о которой ты часто можетъ быть слыхалъ отъ своихъ воспитателей; и такъ ступай смѣло ко мнѣ, или лучше сказать въ свой собственной домъ. Въ сіе время румянецъ и стыдъ прежде покрывшій

мое

мое лице уничтожился и я сказалъ ей въ отвѣтъ: никакъ, государыня моя, я не могу, не видя ни малаго оскорбленія и неудовольствія, оставить Милорда моего хозяина. Кленусь, сударыня, что я ничего не упущу, что только могу здѣлать въ угодность тебѣ, не нарушая впрочемъ правилъ благопристойности и гостепріимства; и всякой разъ, какъ только случится мнѣ путешествовать въ сію страну, домъ твой мнѣ единственнымъ будетъ прибѣжищемъ.

Такими и тому подобными словами изъясняясь и прошедши нѣсколько разстоянія приближились мы къ Бирренину дому: сѣни онаго были великолѣпны, украшенны четвероугольными столпами, на которыхъ видимы были статуи пальмоносной (6) Богини, имѣя

(6) Пальмоносная Богиня (Palmaris dea) тоже что и побѣда. Клавдіанъ ее описываетъ такимъ образомъ.

Ipsa duci sacras victoria panderet alas,
Et palmâ uiridi gaudenset amicta tropheis

то есть: самая побѣда увѣнчанная трофеями, и держащая въ десницѣ зеленый пальмѣ священные свои крилѣ разпростерла

имѣя разпростертыя крилѣ, и стоя одною ногой на шарѣ, съ котораго, по видимому хотѣли они возвыситься на воздухъ; и хотя они были прикрѣплены, однако казалось, что ни чѣмъ не держатся и хотятъ летѣть. Статуя изъ Паросскаго здѣланная мрамора и представляющая Діану занимаетъ средоточіе всего пространства; она была совершеннаго искусства; ибо казалось, что одежда Богини развѣвается Зефиромъ, и сама она бѣжитъ съ живностію, и какъ бы встрѣчаетъ входящихъ, вселяя притомъ въ нихъ благоговѣйное къ себѣ почтеніе. Она по сторонамъ своимъ имѣла псовъ также изъ мрамора изсѣченныхъ; глаза ихъ были свирѣпы и грозны; уши подняты, какъ будто бы они что нибудь слушали, ноздри отверсты, ротъ разинутъ, и готовъ по видимому что нибудь поглотить. Ежели бы вблизи залаяли собаки, то подумалъ бы всякъ, что

терла къ сему великому вождю. Однако Аѳиняне, какъ говоритъ нѣгдѣ Павзаній, изображали сію Богиню безъ крылъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы она отъ нихъ не отлетѣла, и осталась въ ихъ городѣ вѣчно.

что это мраморные лаютъ псы; но всего больше превосходство и хитрость художника состояла въ томъ, что сіи псы стояли только на заднихъ ногахъ, а переднія были подняты на воздухъ. Позади Богининой статуи виденъ былъ камень изобразующій пещеру исполненную мохомъ, зеленой травою и листвіемъ; на немъ изъ обоихъ боковъ выросли мѣлкіе кустарники и различныя деревца. Мраморъ былъ столь бѣлъ и гладокъ, что на днѣ пещеры видима была тѣнь вещей различныхъ. Съ высоты сего камня висѣли яблоки и виноградныя кисти, которыя человѣческая хитрость, счастливая подражательница природы, толь искусно изобразила, что кажется можно ихъ сорвать и ѣсть, когда осень приведетъ ихъ въ зрѣлость и надлежащимъ одѣнетъ цвѣтомъ; и естьли наклонившись посмотришь ихъ въ источникѣ текущемъ тихо изъ подъ стопъ Богини, то покажутся они тебѣ колеблющимися, такъ какъ точныя и природныя яблоки и виноградныя кисти висящія на своихъ вѣтвяхъ. Тамъ среди листвія и вѣтвій стоитъ каменная статуя представляющая Актеона,

въ

въ такомъ видѣ, что онъ за дерское свое любопытство, чтобъ видѣть Діану моющуюся въ семъ источникѣ, казалося начиналъ превращаться въ оленя.

Когда я разсматривалъ съ удивленіемъ и пріятностію сіи подробности; то Биррена сказала мнѣ: все, что ты здѣсь ни видишь, все тебѣ вручаю. Потомъ дала знакъ, чтобъ слуги ея удалились, и мы остались одни. Тогда, любезный Луцій, говорила она мнѣ, я весьма опасаюсь въ разсужденіи тебя, и ты не меньше мнѣ жалокъ и любезенъ, какъ и собственный мой сынъ. Берегись, но берегись прилѣжно, проклятой хитрости и приманчивыхъ сѣтей распростертыхъ Памфилою Милоновой женою; у которой, какъ ты говоришь, ночлегъ имѣешь: всѣ ее почитаютъ самою величайшею волшебницею и учительницею всякаго чародѣянія. Посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, маленькихъ камышковъ и другими того рода бездѣлками, на которыя она сперва дуетъ, можетъ она всю связь звѣзднаго міра свергнуть во дно ада, и погрузить въ первобытный Хаосъ.

Хаосъ. Она, какъ только увидитъ юношу собой прекраснаго, въ минуту въ него влюбляется, устремляетъ къ нему взоръ свой и сердце, стократно усугубляетъ ему свои ласки, плѣняетъ его душу и содержитъ вѣчно въ любовныхъ узахъ. Но непокорныхъ и презирающихъ ее съ яростїю и однимъ словомъ превращаетъ въ камни, или въ животныхъ, а иныхъ и совсѣмъ умерщвляетъ. Сїе меня страшитъ, любезный Луцїй, и я тебѣ совѣтую остерегаться, ибо она и безъ того весьма влюбчива, но ты красотою и младостью своей еще больше очамъ ея понравишься. Съ такимъ безпокойствїемъ говорила мнѣ Биррена.

Но я услышавъ о имени волшебства уже давно мнѣ желаемомъ, не только не опасался хитростей Памфилиныхъ, но еще радовался и самовольно желалъ, хотябъ то было и за великую цѣну, посвятить себя познанїю сего искусства, и стремительно повергнуться въ такую бездну. И такъ поспѣшая и ни о чемъ не думая освободилъ я руку свою, какъ бы отъ тягостныхъ узъ, отъ руки Биррениной,

и

и немедленно съ нею простившись полетѣлъ къ Милонову дому, и въ безумствѣ усугубляя свои шаги говорилъ я самъ себѣ: мужайся Луцій, бодрствуй и не бойся, ты имѣешь желаемой случай на всегда удовольствоватъ свое любопытство баснями и удивительными вещами. Оставь страхъ отрокамъ; вступи въ сіе дѣло съ мужественнымъ духомъ; берегись только сообщенія съ женою своего хозяина, и брачное добродушнаго Милона ложе почитай свято; однако старайся, какъ можно плѣнить сердце служанки ихъ Фотисы, она лицемъ прекрасна, веселаго нраву, и въ обхожденіи забавна. Ты помнишь, сколь учтиво провожала она тебя въ спальню, съ какою нѣжностію положила на постелю и покрыла одѣяломъ, а притомъ съ горячностію поцѣловавъ тебя, лицемъ своимъ и видомъ доказала, сколь не охотно ей было растаться съ тобою; наконецъ часто обращалась назадъ и съ жалостію на тебя смотрѣла. И такъ да благоволятъ боги! что ни будетъ, но должно попытатъ счастія въ уловленіи Фотисы.

Разсуждая такимЪ образомЪ самЪ сЪ собою пришелЪ я вЪ домЪ Милоновъ вЪ намѣреніи непремѣнно исполнить свое предпріятіе, и кромѣ одной любезной моей Фотисы не засталЪ вЪ немЪ никого. Она готовила для господЪ своихЪ похлѣбку мясную, которыя пріятной запахЪ коснулся моего обонянія. Фотиса будучи вЪ одеждѣ сшитой изЪ самаго тонкаго полотна, опоясана подЪ самыя груди розовымЪ поясомЪ, вертѣла вкругЪ нѣжными и бѣлыми своими руками кострульку, чрезЪ сіе пріятное движеніе развѣвалась ея одежда и обнажались прелести ея тѣла.

Смотря на сіе оцепенѣлЪ я и сталЪ неподвиженЪ. Любезная Фотиса, сказалЪ я ей, сколь искусно и пріятно обращаешь ты и члены свои и кострульку! и сколь сладостную готовишь пищу! счастливЪ тотЪ и стократно счастливЪ, кому дозволишь ея хотя немного отвѣдать. Она, будучи веселаго и шутливаго нраву оборотившись ко мнѣ, отойди, сказала, бѣднякЪ, отойди подалѣе отЪ огня моего: ибо естьли одна только искра излетитЪ

летитъ въ грудь твою, то воспламенитъ она самую глубину твоего сердца и никто опричь меня сего пламени утушить не можетъ; ибо я и кушанье готовить, и постелю перестилать и согрѣвать умѣю съ равнымъ искусствомъ. Сіе говоря посмотрѣла на меня улыбаясь; но я не отступая съ мѣста разсматривалъ съ прилѣжаніемъ сложеніе и всѣ пріятности ея тѣла. Но могу ли что нибудь сказать о прочихъ ея прелестяхъ, когда всегдашнее и единственное стараніе мое было, чтобъ при людяхъ смотрѣть только на ея голову и прекрасные волосы, а послѣ на единѣ размышлять о нихъ и восхищаться? Такого моего поступка я извѣстную имѣю причину: ибо сія превосходнѣйшая часть тѣла отъ природы возвышена и открыта будучи прежде всего представляется нашимъ очамъ, и сколько другіе члены заемлютъ красоты отъ платья самыми лучшими разпещреннаго цвѣтами, столько голова природною и собственною прелестна красотою. Многія изъ прекраснаго пола, чтобъ дать справедливѣйшее понятіе о своихъ прелестяхъ, обнажаютъ свои руки и груди, и желаютъ всю

свою красоту представить въ наготѣ, надѣясь румянцемъ своего тѣла съ бѣлизною смѣшаннымъ привлечь больше сердецъ, нежели блескомъ златотканной одежды. Однако (о чемъ не должно мнѣ говорить, и чему статься никогда не желаю) естьли у самой прекрасной женщины волосы на головѣ обрѣешь, и отымешь природную сію красоту; то, хотя бы она была небожительница, или Богиня рожденная въ морѣ и воспитанная въ волнахъ, хотя бы, говорю была сама Венера, сопутствуема граціями и купидонами, украшена притомъ волшебнымъ своимъ поясомъ, (в) дышущая некторомъ и бальсамомъ, не могла бы однако при такой головы своей наготѣ понравиться и самому Вулкану.

Напротивъ того, что прелестнѣе волосовъ, когда они пріятнымъ своимъ

(в) Гомеръ въ 14 кн. Иліады, описываетъ Венеру препоясанную поясомъ различныхъ цвѣтовъ, и которой имѣлъ такую силу, что какаябъ женщина его ни носила, всѣ въ нее влюблялись. И потому Юноша выпросила у Венеры на нѣсколько времени сей поясъ, дабы привлечь къ любви Юпитера.

имЪ цвѣтомЪ и живымЪ блескомЪ сіяютЪ, или будучи противу лучей солнечныхЪ подобно молніи взорЪ нашЪ ослѣпляютЪ, представляя по минутно новыя прелести? иногда подобясь они блескомЪ золоту, отражаютЪ тѣнь нѣсколько смуглую, иногда сходствуя чернотою со врановымЪ перьемЪ являютЪ видЪ сизой голубиной шейки; или, будучи окроплены Аравитскими аромашами, разчесаны гребнемЪ здѣланнымЪ изЪ слоновой кости и заплетены искусно на зади, подобятся чистому зеркалу, вЪ которомЪ любовникЪ сЪ пріятностію лице свое видитЪ. Сколь увеселительно видѣть, когда густые волосы будучи подняшы и зачесаны вверхЪ умножаютЪ высоту женской головы, или какЪ волны колеблются и развѣваются по плечамЪ? наконецЪ волосы столько придаютЪ достоинства женщинамЪ, что хотябЪ она одѣта была вЪ одежду златомЪ разпещренную и украшенную алмазами, однако все сіе не можетЪ послужить ей вЪ пользу, естьли волосы ея не будутЪ убраны искусно. Что касается до моей любезной Фотисы, она непорядочнымЪ и простымЪ своихЪ волосЪ у-

бранствомъ казалась прелестнѣе: ибо ея прекрасные волосы, которые были густы и долги опустясь съ ея шеи расстилались по плечамъ, а притомъ будучи вдоль перевязаны лентою, и при концѣ нѣсколько завиты, подняты были на верьхъ ея головы, и завязаны узломъ. Я не могши болѣе противиться мучительному терзанію моей страсти, подскочилъ къ Фотисѣ, и съ восторгомъ поцѣловалъ темя ея головы и тотъ узелъ, которой меня столько прельстилъ собою. Она оборотившись и смотря на меня косо, слушай, сказала мнѣ, юный ученикъ, сей поцѣлуй сколь сладокъ, столь напротивъ того и горекъ для тебя. Берегись, чтобъ тебѣ съ чрезмѣрною меда пріятностію не испить вѣчную желчи горесть. Что это значитъ, отвѣчалъ я, любезная Фотиса? знай, я за одинъ животворный твой поцѣлуй готовъ броситься въ сей огонь, говоря сіе, обнялъ ее, и лобызалъ стократно. Она соотвѣтствуя моей страсти, также меня цѣловала; изъ отверстыхъ ея устъ исходилъ нектарный запахъ, языкъ ея съ моимъ встрѣчался языкомъ, и умножилъ пламень нашей горяч-

рячности. Умру, или лучше сказать, уже совсѣмъ я погибъ, любезная Фотиса, говорилъ я ей, когда ты не сжалишься надо мною. Она еще меня цѣлуя, будь благонадеженъ, говоритъ мнѣ, и не отчаевайся: ибо и я не меньшею къ тебѣ пылаю любовью. Наши утѣхи не будутъ отсрочены, я приду къ тебѣ въ спальню, какъ только зажгутъ свѣчи. И такъ теперь поди, и будь готовъ. Такими, и подобными тому позабавясь шутками, наконецъ мы растались. Около полудни прислала мнѣ Биррена въ подарокъ жирнова поросенка, пять курицъ и боченокъ стараго и вкуснаго вина. Я позвавши къ себѣ Фотису говорю: вотъ Бахусъ оруженосецъ Венеринъ, самъ пришелъ насъ увѣщевать къ любовной брани. Выпьемъ сего дни это вино до капли, оно уничтожитъ въ насъ глупой стыдъ, и влiетъ вящшее стремленiе къ забавамъ: ибо для способнаго плаванiя ладiи Венериной во время ночи потребна только зазженная свѣча и чаша исполненная виномъ. Остатокъ дня употребилъ я для бани, и для ужина: ибо добродушный Милонъ пригласилъ меня къ своему столу, кото-

рой былЪ очень умѣренЪ; во время кушанья памятуя Бирренины совѣты, какЪ можно остерегался я, чтобЪ не смотрѣть на жену Милонову, и естьли ненарочно случалось мнѣ на нее взглянуть, то казалась она мнѣ стращнымЪ адомЪ. НапротивЪ того сЪ восторгомЪ и не спуская глазЪ смотрѣлЪ я на любезную Фотису, которая намЪ при столѣ служила.

По наступленіи вечера Памфила смотря на зажженую свѣчу сказала, что весьма великой дождь будетЪ завтра. И какЪ мужЪ спросилЪ ее, по чему бы она могла то знать, отвѣтствовала, что свѣча о томЪ ей предсказываетЪ. МилонЪ на такой отвѣтЪ изЪ всей мочи смѣяся, сколь славную, сказалЪ, имѣемЪ мы Сивиллу вЪ свѣчѣ сей, которая сЪ высоты своего подсвѣшника о небесныхЪ перемѣнахЪ пророчествуетЪ и устремляетЪ взорЪ свой на солнце. Я подхватя Милонову рѣчь, сказалЪ, удивляться нечему: ибо это первый опытЪ науки прорицательной. Хотя огонь сей невеликЪ и возжженЪ руками человѣческими, однако имѣетЪ отношеніе кЪ небесному и великому

огню,

огню, отъ котораго онъ прiялъ начало, и потому, соотвѣтствуетъ ему въ перемѣнахъ, знаетъ, что происходитъ на высотѣ небесъ, и намъ о томъ предсказываетъ. Недавно пришелъ въ Коринѳъ нѣкто изъ Халдеевъ, (г) и теперь весь городъ приводитъ въ движенiе удивительными отвѣтами, онъ за малую цѣну открываетъ народу таинства судебъ, онъ назначаетъ, которой день счастливъ для бракосочетанiя, способенъ для заложенiя стѣнъ, чтобъ они были долговременны, благополученъ для торговли, для путешествiя, и для мореплаванiя. Я самъ спрашивая у него о успѣхѣ сего моего странствованiя, получилъ отвѣты многiе и чудные: ибо говорилъ онъ мнѣ, что буду я весьма знаменитъ и славенъ; и что издамъ на свѣтъ удивительную исторiю съ невѣроятными приключенiями и что наконецъ сочиню многiя книги.

Милонъ слушая мои слова и смѣяся, спросилъ, какого росту сей Халдеянинъ,

(г) Халдеяне больше всѣхъ упражнялись въ звѣздочетствѣ, въ толкованiи сновъ, и въ прочихъ тому подобныхъ суевѣрiяхъ.

нинЪ, и какЪ онЪ по имени? ростомЪ высокЪ, отвѣтствовалЪ я, лицемЪ смугловатЪ, и называется Діофаномъ: такЪ точно онЪ, перехватилЪ МилонЪ рѣчь мою, онЪ безЪ сомнѣнія. Ибо и здѣсь сей ДіофанЪ многимЪ различные о разныхЪ вещахЪ давалЪ отвѣты; но собравЪ довольное число денегЪ впалЪ онЪ бѣднякЪ вЪ несчастіе; ибо вЪ одинЪ день, когда онЪ окруженЪ будучи великимЪ множествомЪ народа, предсказывалЪ предстоящимЪ ихЪ судьбу; подошелЪ кЪ нему нѣкоторой купецЪ именемЪ ЦедронЪ желая узнать, какой день благополученЪ для его путешествія. ДіофанЪ немедленно ему сей день назначилЪ, купецЪ вынявши кошелекЪ, и высыпавЪ деньги отсчиталЪ сто денарій за его предсказаніе; какЪ вдругЪ молодой и благородной человѣкЪ, схватилЪ Діофана сЪ зади за одежду, и оборотивЪ кЪ себѣ цѣловалЪ сЪ нѣжностію.

ДіофанЪ поздравивши его и посадя близЪ себя казался вЪ великомЪ изумленіи отЪ такого нечаяннаго свиданія и забывши о деньгахЪ, которые

дол-

должен был взять от купца, говорил сему юноше: Давно ли ты сюда пришел, ты, котораго столь долго я не видал? вчера под вечер, отвечал ему молодой человек, но ты любезный друг, скажи мне, прошу покорно; каким образом в толь краткое время прибыл ты сюда из острова Эвбеи, и каково было твое странствование по морю и по суху. На сiе храбрый наш Халдеянин, еще будучи без памяти и вне себя, ответствовал, пусть недоброжелатели и все враги наши толь пагубное или лучше сказать, подобное Улиссову испытают мореплаванiе: ибо корабль, на котором мы плыли, волнуем будучи страшным вихрем и бурями, лишился обоих кормчих, и приразясь ко брегу погряз на дно моря, мы все потерявши едва вплавь могли от волн избавиться. Впрочем все, что прiобрели мы от сожалительных незнакомцов и от благосклонных прiятелей, ограбили у нас разбойники, которых насильству сопротивляяся мой брат называвшийся Аризватом, был от них бедственно при моих очах заколот.

Ког-

Когда онъ разсказывалъ сіе приключеніе съ видомъ печальнымъ; то Цедронъ подхватя обратно деньги, которые онъ отсчиталъ Діофану за предсказаніе, пустился въ бѣгъ и пропалъ изъ виду. Тогда Діофанъ какъ бы отъ глубокаго сна воспрянувши узналъ свое безуміе и свою потерю и тѣмъ больше досадовалъ на сіе несчастіе, что всѣ, сколько насъ вокругъ его ни стояло, смѣялись надъ нимъ изъ всей мочи. Но какъ бы то ни было любезный Люцій, я искренно желаю, чтобъ ты былъ одинъ, которому Халдеянинъ предсказалъ истинну; желаю, чтобъ по его пророчеству былъ ты счастливъ, и странствовалъ благополучно. Среди сего долговременнаго разговора Милонова я внутренно стоналъ и досадовалъ на себя, что подавши случай къ симъ толь скучнымъ разсказамъ лишаюсь часовъ вечернихъ, и сладчайшаго въ оныхъ удовольствія, наконецъ отложа весь стыдъ сказалъ я Милону: пусть сей Діофанъ будетъ жертвой судьбы своей злощастной, и пусть со всѣмъ имѣніемъ, которое онъ собралъ съ народа подвергнется опасностямъ на морѣ и на земли;

что

что касается до меня, я еще чувствую слабость отъ вчерашняго пути, и потому покорно прошу отпустить меня и дозволить мнѣ успокоиться поранѣе. Сказавъ сіе, я всталъ и удалился въ свою спальню, и тамъ нашелъ изрядное разположеніе для ужина и для забавъ. Ибо благоразумная Фотиса домовыхъ служителей кровати удалила отъ дверей моей спальни, съ тѣмъ думаю намѣреніемъ, чтобъ они не могли слышать нашихъ ночныхъ разговоровъ и шутокъ; но близъ моей кровати поставила маленькой столикъ, на которомъ готовы были всѣ наилучшіе остатки Милонова ужина, притомъ стояли двѣ рюмки наполненныя до половины водою, чтобъ умѣрить крѣпость вина; сверьхъ того бутылка у которой горло было широкое, дабы способнѣе наливать изъ ней вино, которое должно было предшествовать нашимъ утѣхамъ.

Едва я только легъ, то Фотиса, положивъ уже спать свою госпожу, и немедленно вшедши въ мою спальню; изъ прекрасной своей пазухи бросаетъ на меня розы; цѣлуетъ меня съ прижимкою,

жимкою, и шутя связываетъ меня цѣпью изъ цвѣтовъ здѣланною, которыхъ множество и на постелю мою разбросала; потомъ наливаетъ рюмку вина и прибавивъ немного теплой воды, съ пріятностію мнѣ подноситъ; но прежде нежели я все выпилъ, она беретъ отъ меня съ усмѣшкою, приноситъ къ устамъ, и устремивши на меня страстный взоръ выпиваетъ остатки по маленьку: по семъ рюмка еще нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Я разгорячившись виномъ, и не душею только но и самымъ тѣломъ будучи бодръ и склоненъ къ венерическимъ утѣхамъ, ... сжалься, говорю ей и помоги мнѣ заблаговременно; ибо я приближеніемъ войны, которую ты не предпославъ провозвѣстника мнѣ объявила свирѣпо какъ сама видишь, смущаюсь, и уже первая лютаго Купидона стрѣла вонзилась въ самую внутренность моего сердца, впрочемъ и самъ имѣя лукъ свой напряженъ, боюсь чтобъ тетива моя отъ сильной натуги не прервалася: но чтобъ показать, сколь ты меня любишь и сколь мнѣ послушна, то развяжи свои волосы, и пусть они свободно

развѣ-

развѣваются по прелестямъ твоихъ раменъ.

Немедленно все кушанье и сосуды унесла она со стола. Потомъ развязавъ волосы, и снявъ съ себя все платье предстала предъ меня для любовныхъ утѣхъ, какъ Венера изъ волнъ морскихъ исходящая, она румяною рукою на обнаженные и безволосые свои члѣны казалось больше тѣнь наводила нежели покрывала ихъ отъ стыда; сражайся, говорила она мнѣ, но сражайся храбро; ибо я тебѣ не уступлю мѣста и не обращуся въ тылъ; воюй лицемъ къ лицу, естьли ты мужественъ; противоборствуй, и закалай меня, ожидая самъ себѣ смерти; настоящая война не терпитъ медленія. Сіе проговоря вскочила ко мнѣ на кровать, и сладостьми Венеры насыщала меня до толѣ, пока оба мы, душею и тѣлесными изнемогши членами, утомились изливая духъ свой другъ ко другу въ объятія. Въ такихъ и подобныхъ тому сраженіяхъ препроводили мы всю ночь до разсвѣта; ободряя и воспламеняя притомъ рюмками, изнеможеніе своихъ членовъ. Подобно

сей

сей ночи препроводили мы еще нѣсколько ночей. Въ одинъ день Биррена проситъ меня убѣдительно, чтобъ пришелъ къ ней на ужинъ. Я отрицаюсь съ упорностію, однако усилія мои тщетны, должно было на прозьбу ея согласиться, для сего пошелъ я къ Фотисѣ, чтобъ изъ ея очей и отъ ея воли принять совѣтъ, какъ бы счастливое презнаменованіе. Она, хотя съ жалостію и принужденіемъ, ибо ей хотѣлось чтобъ я и на шагъ отъ нея не отлучался, однако согласилась на сіе короткое въ любовной войнѣ перемиріе. Но послушай говорила она мнѣ, старайся послѣ ужина возвратиться немедленно: ибо мятежъ буйственный состоящій изъ молодыхъ и благородныхъ людей опустошаетъ сей городъ, ты увидишь по всѣмъ улицамъ мертвые трупы. Войско правителя сей провинціи стоитъ далеко, и потому не можетъ усмирить мятежъ и освободить городъ отъ рукъ убійственныхъ, притомъ зная, что ты иностранецъ и знаменитой породы, не преминутъ коварнѣйшіе къ уловленію тебя поставить сѣти. Не безпокойся любезная Фотиса, отвѣтствую

ей, и будь вЪ безопасности: ибо не только чужія пиршества не предпочту нашимЪ сЪ тобою утѣхамЪ, но еще скорымЪ возвращеніемЪ успокою тебя, и страхЪ твой о мнѣ уничтожу. ПритомЪ я пойду не одинЪ; ибо мечь, который я обыкновенно ношу сЪ собою, будетЪ довольною моей безопасности защитою. ТакимЪ образомЪ предостерегшись пошелЪ я ужинать кЪ Бирренѣ. Гостей у нея было множество, притомЪ всѣ высокаго чина: ибо и сама она была изЪ самаго знаменитаго поколѣнія. Пиршество сіяло великолѣпіемЪ. Софы и стулья были слоновые покрыты златотканными коврами, сосуды для питья велики, и всѣ различной красоты, но равно драгоцѣнны. Здѣсь стоитЪ стекло различными украшенное изображеніями, тамЪ прозрачный кристаль отличною гордится рѣзбою, индѣ горитЪ злато, вЪ другомЪ мѣстѣ блистаетЪ сребро, находился также янтарь на подобіе винныхЪ сосудовЪ сЪ удивительною хитростію изсѣченный. Служащіе при столѣ одѣты были великолѣпно, ѣствы были различные и премногіе, дѣвицы подавали ихЪ искусно и учтиво; отроки

богатствомъ своего платья и прелестьми своихъ волосовъ привлекая на себя взоры предсѣдящихъ, подносили старое и вкусное вино въ драгоцѣнныхъ сосудахъ. Словомъ, чего не можно вообразить, все тамъ находилось. Но когда зажгли свѣчи, то пьянственная бесѣда возгремѣла, всѣ начали по волѣ хохотать, шутить и насмѣхаться. Биррена обратившись ко мнѣ, говорила: Любезный Луцій счастливо ли ты живешь въ нашемъ отечествѣ? Мнѣ кажется, что сей городъ красотою храмовъ, великолѣпіемъ бань и другихъ зданій превосходитъ несравненно прочіе города; притомъ все довольство, и всѣ выгоды для пріятной жизни въ немъ находятся, иностранные купцы живутъ въ немъ въ спокойной вольности, находя его столько же многолюднымъ, какъ и самой Римъ. Пріѣжжій человѣкъ и любящій спокойство находитъ въ немъ тишину сельскую. Словомъ, изъ всей провинціи городъ нашъ почитается самымъ пріятнымъ убѣжищемъ. Справедливо говоришь, государыня моя, отвѣтствовалъ я Бирренѣ, и я признаюсь, что нигдѣ такъ безопасно и вольно жить

мнѣ не случалось, какъ въ семъ городѣ; но я трепещу, когда вспомню о пагубныхъ и неизбѣжимыхъ сѣтяхъ волшебнаго здѣсь искусства: ибо сказываютъ, что здѣсь и мертвые во гробахъ своихъ не безъ опасности; но остатки срубовъ и сожженныхъ тѣлъ сбиряются волшебницами тщательно для пагубы и бѣдствія живыхъ, и что наконецъ проклятыя сіи старухи, во время погребательнаго обряда прежде всѣхъ приходятъ на мѣсто, гдѣ должно сожигать умершаго. Сію мою рѣчь одинъ изъ гостей подтвердилъ говоря: по истиннѣ, здѣсь не только мертвымъ но и живымъ нѣтъ пощады отъ волшебницъ; и я знаю одного изъ предсѣдящихъ, которому онѣ все лице свирѣпымъ образомъ изуродовали и обрѣзали. Сіе слыша вдругъ всѣ гости изъ всей мочи засмѣялись, и обратили взоръ свой на одного человѣка, которой сидѣлъ въ углу. Онъ постыжденъ будучи всѣми, всталъ и хотѣлъ удалиться, браня сквозь зубы все собраніе; но Биррена остановя его, постой, любезный Телефронъ, говорила ему, постой, и соотвѣтствуя учтивому и веселому своему нраву разскажи

намъ еще случившееся тебѣ приключеніе, чтобъ любезный мой Люцій насладился пріятностію твоего повѣствованія. Что касается до тебя, государыня моя, отвѣтствовалъ Телефронъ, ты всегда снисхожденія и честности хранишь уставы, но есть люди въ сей бесѣдѣ, которыхъ дерзость и насмѣшки мнѣ несносны. Сіе онъ проговорилъ съ чрезвычайнымъ движеніемъ духа. Однако усильною Биррены прозьбою, которая клялась ему своею честію, будучи убѣжденъ согласился. И такъ подобравъ онъ около себя коверъ, на которомъ сидѣлъ, притомъ нѣсколько приподнявшись, и опершись на локоть, простеръ правую руку, и по примѣру ораторовъ поступая, два послѣдніе персты пригнулъ къ ладони, другіе два имѣлъ на свободѣ, но первой палецъ держа прямо, и учтиво усмѣхаясь началъ такимъ образомъ: Будучи сиротою, отправился я изъ Милета, чтобъ видѣть Олимпійскія игры; имѣя притомъ намѣреніе осмотрѣть всѣ мѣста сея толико славныя вашей провинціи: и такъ прошедъ я всю Ѳессалію къ несчастію моему вступилъ въ городъ Лариссу. Ходя по всѣмъ улицамъ

цамъ и не имѣя ни куска хлѣба старался я въ бѣдности моей снискать вспоможеніе; но вдругъ увидѣлъ я по среди площади старика высокаго; онъ стоялъ на камнѣ, и кричалъ громкимъ голосомъ къ народу: естьли кто хочетъ стеречь мертваго, тотъ пусть торгуется со мною о цѣнѣ. Я спросилъ одного изъ проходящихъ; чтобы сіе значило? Ужѐ ли и мертвецы въ странѣ вашей уходятъ? Молчи, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, ибо ты еще очень молодъ, и человѣкъ чужестранной, притомъ не думаешь, что ты среди Ѳессаліи находишься, гдѣ волшебницы обыкновенно обезображаютъ лице мертвыхъ и уносятъ нѣкоторые части тѣла для своихъ чародѣяній: но я на противъ, скажи мнѣ, говорю ему, какъ должно поступать, охраняя мертвыхъ? Вопервыхъ, сказалъ онъ мнѣ, должно бодрствовать всю ночь, не смыкая глазъ, но устремить ихъ прямо на лежащій трупъ, и не въ которую сторону не оглядываться ни на одну минуту; ибо въ противномъ случаѣ хитрыя и проклятыя сіи старухи превратившись въ какое нибудь животное столь искусно и про-

ворно подкрадываются, что и солнцевы очи, или очи правосудія (д) не могли бы ихъ усмотрѣть. Они тогда принимаютъ на себя видъ собакъ, мышей, птицъ и также мухъ, и потомъ силою волшебства погружаютъ въ глубокой сонъ того, кто охраняетъ тѣло. Кратко скажу, не можно изчислить и описать всѣхъ коварныхъ хитростей употребляемыхъ волтебницами для своей похоти Впрочемъ за сіе охраненіе, за сію толь опасную должность, не больше какъ пять или шесть золотыхъ дается; но послушай, я чуть было не позабылъ тебѣ сказать; естьли которой стражъ возвратитъ поутру мертвеца не въ совершенной цѣлости, у того насильно обрѣжутъ тѣ части лица, которыхъ не будетъ доставать у мертваго.

Узнавъ

(д) По свидѣтельству Авла Геллія, правосудіе изображалось съ быстрыми и проницательными глазами; сіе значило, что судіи должны всякое дѣло разсматривать и разсуждать со вниманіемъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ, а потомъ уже его рѣшить. Но нынѣ изображаютъ его съ закрытыми очами, означая, что въ судѣ не должно имѣть лицепріятія.

Узнавъ все обстоятельно, старался я ободриться, и немедленно подошедши къ старику, перестань, сказалъ ему, кричать: ты имѣешь стража въ готовности; сколько мнѣ дадутъ награды? Шесть золотыхъ отвѣчалъ онъ, но слушай юноша, примолвилъ къ тому, съ неусыпною бодростію храни тѣло сына такого человѣка, которой первымъ почитается во всемъ городѣ; храни его отъ проклятыхъ Гарпій. Пустошъ говоришь, и все это безделица, отвѣчалъ я ему, ты видишь, что я человѣкъ неутомимой, неусыпной, весь въ очахъ, и взоръ мой быстрѣе, нежели Аргусовъ, Едва я пересталъ говорить, старикъ повелъ меня въ одинъ домъ, у котораго большія ворота были заперты: мы вошли на дворъ чрезъ маленькія заднія дверцы, потомъ ввелъ онъ меня въ темной покой, гдѣ всѣ окна были затворены; въ немъ увидѣлъ я плачущую женщину и одѣтую въ черное платье; старикъ подошедши къ ней и указывая на меня, говорилъ: вотъ человѣкъ, которой смѣло обѣщается охранять тѣло твоего мужа. Она разглаживая на обѣ стороны волосы свои повислые

при всей своей печали и смущенiи показалась мнѣ прiятною и смотря на меня, прошу покорно, говорила мнѣ, какъ можно тщательнѣе исполни предприятую тобою должность. Не безпокойся, отвѣтствую ей, только обѣщай что нибудь сверьхъ договорной цѣны, она согласилась, и ставши немедленно повела меня въ другой покой, гдѣ лежало тѣло ея мужа покрытое бѣлыми полотнами, она его открывши и довольно слезами оросившись призываетъ во свидѣтельство седмь особъ (е) для сего случая призванныхъ; она показываетъ, что тѣло имѣетъ всѣ части, что носъ неповрежденъ, глаза неиспорчены, уши на своемъ мѣстѣ, губы цѣлы, и подбородокъ таковъ, каковъ былъ прежде; при семъ всѣ ея слова одинъ изъ свидѣтелей записывалъ на таблицѣ. Потомъ обратившись, вы, говорила она, добрые граждане будьте сему свидѣтелями; сказавъ сiе и приложа печать къ таблицѣ она удаляется. Но я ей въ слѣдъ; прикажи говорю,

(е) Римскими законами опредѣлено было, чтобъ при всякомъ важномъ дѣлѣ, и завѣщанiи присудствовало седмь свидѣтелей.

говорю, государыня моя, прислать мнѣ все нужное; что тебѣ надобно, отвѣтствуетъ она? большая, говорю, лампада съ масломъ, чтобъ достало ея на всю ночь, притомъ нѣсколько бутылокъ вина̀, рюмка и блюдо съ оставшимся отъ ужина кушаньемъ; ахъ какъ ты упрямъ и скученъ, отвѣчала она мнѣ потряся головою, ты требуешь остатковъ ужина въ домѣ исполненномъ слезъ и отчаянія и въ которомъ нѣсколько ужѐ дней не видно ни дыму ни духу повареннаго; или думаешь, что введенъ ты сюда для пиршества? не приличнѣе ли тебѣ плакать и сѣтовать сообразуясь нашему состоянію? потомъ кликнувъ служанку, Миррена, говорила ей, подай немедленно ему лампаду съ масломъ; сказавъ сіе и заперши меня съ мертвымъ тѣломъ, удалилась.

И такъ оставшись безотраденъ для отрады и сбереженія мертвеца, прочищаю я себѣ глаза, и готовлю ихъ къ неусыпному бдѣнію, и чтобъ не было мнѣ скучно, началъ прохаживаясь пѣть. Вскорѣ день склонился къ вечеру, настала ночь, потомъ глубо-

кое всей твари безмолвіе; наконецъ, когда глухая наступила полночь, вдругъ страхъ и ужасъ началъ обладать мною, и я увидѣлъ вбѣжавшаго звѣрка, подобнаго ласточкѣ, которой ставши прямо противъ меня, столь пристально устремилъ на меня проницательные свои глаза, что дерзость сея толь подлыя и маленькія твари привела меня въ нѣкоторое смущеніе. Наконецъ, поди прочь мерзкая тварь, говорю ему, поди прочь, и скройся въ норы къ подобнымъ себѣ, доколѣ я тебя не ушибъ? онъ побѣжалъ и сокрылся. По семъ вдругъ столь сильной и глубокой объялъ меня сонъ, что и самъ Делфической богъ смотря на меня и на трупъ лежащій не могъ бы различить, кто изъ насъ мертвой. Словомъ я столь крѣпко спалъ, что и для самого меня надобенъ былъ сторожъ, и какъ будтобъ меня тутъ не было.

Уже вездѣ хохлистое пѣтуховъ собраніе воспѣвало приближеніе дневнаго свѣта. Я проснувшись вскочилъ съ ужасомъ, взявъ лампаду побѣжалъ къ мертвому тѣлу, и открывши ему

лице

лице, осмотрѣлъ всѣ части, однако нашелъ всѣ безъ вреда, и въ цѣлости. Немедленно прибѣгаетъ и бѣдная вдова со вчерашними свидѣтелями, и бросившись на мужнее тѣло лобызаетъ его стократно, потомъ при помощи свѣчи разсматриваетъ все со вниманіемъ и обратившись призываетъ управителя своего дому, приказываетъ ему чтобъ отдалъ онъ мнѣ немедленно достойную плату за толь вѣрное и рачительное охраненіе. Потомъ говорила она мнѣ, добрый молодецъ, я приношу тебѣ тысящу благодарностей, и за сію твою толь ревностную услугу будешь ты, впредь считаться нашимъ другомъ. Но я, обрадовавшись, что получилъ нечаянную прибыль, и восхищаясь золотыми деньгами, которые безпрестанно перебиралъ въ своихъ рукахъ, государыня моя, отвѣтствую ей, почитайте меня больше вашимъ слугою, нежели другомъ, и будьте увѣрены, что я и впредь служить вамъ въ такихъ случаяхъ не отрекуся. Не поспѣлъ я окончать сію безразсудную рѣчь, какъ вдругъ всѣ домашніе служители проклиная

мое

мое безумное желаніе, (ж) и злое пророчество, устремились на меня съ яростію, ухвативъ попавшіяся въ руки орудія. Одинъ бьетъ меня по лицу кулаками, другой суетъ подъ бока, третій даетъ толчки по затылку, иной провожаетъ пинками, всѣ рвутъ мои волосы и раздираютъ платье, и такъ, подобно гордому юношѣ Адонису или сладкопоющему Орфею будучи разбитъ, и растерзанъ почти бездушенъ извергаюсь я вонъ изъ дому.

Остановившись на ближней улицѣ для собранія силъ и духа, и опомнившись, раскаевался я хотя поздно, въ толь безразсудномъ и противномъ разговорѣ, которой я имѣлъ со вдовою умершаго; и я признавалъ себя достойныхъ еще стократъ лютѣйшихъ ударовъ.

Ужѐ мертвый, будучи въ послѣдній разъ оплаканъ, несенъ былъ къ по-

---

(ж) Сіе безумное желаніе и злое пророчество состояло въ томъ, что Телефронъ обѣщаясь впредь служить вдовѣ сей въ подобныхъ случаяхъ желалъ по видимому, чтобъ еще кто нибудь умеръ въ ея домѣ.

погребенію по обычаю сея страны, и какъ онъ происходилъ отъ знаменитаго поколѣнія; то несли его чрезъ пространное торжище; по одну сторону гроба шелъ плачущій и рвущій на себѣ волосы старикъ, которой ухватясь обѣими руками за гробъ, кричалъ громкимъ, но стенаніями прерываемымъ голосомъ: я заклинаю васъ, почтенные господа, законами любви и сожалѣнія, которымъ мы другъ другу обязаны, смягчитесь надъ погубленнымъ несправедливо согражданиномъ вашимъ, отмстите беззаконное убивство, явите строгость наказанія на проклятой сей и нечестивой женщинѣ; ибо она единственно бѣднаго сего юношу, сына моей сестры уморила ядомъ, дабы вступить въ наслѣдство его имѣнія и угодить своему любовнику. Такимъ образомъ рыдающій старикъ произносилъ свои жалобы; народъ почитая убійство сіе вѣроятнымъ, началъ свирѣпствовать, иные хотятъ сожечь, другіе побить каменьемъ сію женщину; самые отроки противъ нее вооружились. Но сія вѣроломная проливая источники притворныхъ слезъ и всѣми свидѣтельствуясь богами клялася, что

она

она невиновна въ семъ преступленіи. Очень изрядно, отвѣтствуетъ старикъ, для открытія сея истинны, прибѣгнемъ къ божескому провидѣнію: здѣсь находится славный Египетскій пророкъ, по имени Захласъ, которой уже давно за немалую цѣну обѣщался мнѣ вызвать изъ ада умершаго душу и тѣло его ожнвить на нѣсколько времени. Проговоря сіе, выводитъ онъ на средину одного юношу одѣтаго въ полотняное платье, и въ сапогахъ сдѣланныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ, и у котораго голова была совсѣмъ обрита. Старикъ цѣлуя руки его и обнимая колѣна; сжалься, говоритъ ему, сжалься почтенный отецъ, я заклинаю тебя, свѣтилами небесъ, богами ада, стихіями естества, безмолвіемъ ночи, святилищемъ храма Коптосъ, наводненіемъ Нила, Мемфійскими тайнами, и Систрами (3) Фароса, заклинаю, возврати жизнь сему юношѣ на нѣсколько минутъ, и пролей свѣтъ на его глаза уже на вѣки заключенные; мы не просимъ

(3) Систры были музикійскія орудія, на которыхъ играли въ праздникъ Изисы Египетской богини.

симЪ оживить умершаго, не противимся законамЪ естества, и не отрицаемся отдать землѣ, что ей принадлежитЪ; но чтобЪ узнать истинну и утѣшиться мщеніемЪ его смерти.

ПророкЪ приведенный вЪ жалость сей прозьбою, прилагалЪ трикратно кЪ устамЪ умершаго нѣкоторую траву, а другую положилЪ на его грудь. ПотомЪ обратясь кЪ востоку читалЪ тихо молитву священному солнцу. Весь народЪ сЪ неописаннымЪ вниманіемЪ смотрѣлЪ на сіе зрѣлище толико достойное благотовѣнія, и ожидалЪ важнаго чуда. Я присоединился кЪ толпѣ народа, и ставЪ позади гроба на высокой камень разсматривалЪ все сЪ чрезвычайнымЪ любопытствомЪ. Ужè грудь умершаго начала надуваться, трепетаніе жизненной жилы возчувствовалось, и все тѣло оживотворилось духомЪ; наконецЪ онЪ встаетЪ и произноситЪ сіи слова: „Для чего, прошу васЪ, возвращаете мнѣ жизнь которая должна окончиться вЪ минуту, когда ужè я пилЪ воду изЪ рѣки Леты, и омылся вЪ струяхЪ Стикса, оставьте, заклинаю, васЪ, оставьте меня вЪ тишинѣ и покоѣ„ Такой голосЪ

былЪ

былъ слышанъ отъ тѣла. Но пророкъ здѣлавшись отважнѣе, говоритъ ему: для чего не открываешь ты всему народу смерти твоея тайны, и не изъяснишь ему всѣхъ ея подробностей? или думаешь ты что я не могу силою волшебныхъ заклинаній вызвать изъ ада страшныхъ Фурій и мучить тебя снова? „ Тогда мертвой сидя во гробѣ со слезами произноситъ къ народу сіи слова: „ я погубленъ проклятымъ коварствомъ новой моей жены: я испивши ядъ, отъ ея рукъ по незнанію принятой оставилъ теплое ложе ея любовнику „ Тогда храбрая вдова вооружается продерзостію; и съ упорствомъ готовымъ на всякое злодѣйство противится мужниным доказательствамъ. Народъ мятется и раздѣляется на двѣ стороны; одни хотятъ, чтобъ сію злодѣйку погребсти живую вмѣстѣ съ своимъ мужемъ; другіе говорятъ, что не должно вѣрить словамъ мертваго. Но тѣло умершаго юноши рѣшило ихъ несогласіе и споръ; ибо воздохнувъ изъ глубины сердца говорило къ народу „ я покажу вамъ для сея истинны свидѣтельство яснѣе полуденнаго свѣта, и открою вамъ то, чего

ни

никто не зналъ, кромѣ меня,, По семъ указывая на меня перстомъ продолжалъ,, ибо, когда сей юноша, бодрый стражъ моего тѣла, со всевозможною осторожностію охранялъ меня во время ночи; то престарѣлыя волшебницы стараясь похитить какую нибудь часть отъ моего лица тщетно премѣнялись въ различные виды, и наконецъ не могши преодолѣть толь неусыпнаго стража окружили его томнымъ облакомъ, и повергши въ глубокій сонъ, кликали меня по имени столь долго, что слабые и хладные мои члены начали наконецъ мало по малу чувствовать силу волшебной ихъ науки. Но стражъ мой какъ живой еще, а мертвой только въ разсужденіи глубокаго сна пробудился, и думая что это его кличутъ, ибо онъ одного со мною имени; пошелъ ко дверямъ подобясь тѣни мертвеца. Двери были накрѣпко заперты, однако волшебницы сквозь одну скважину не преминули отрѣзать ему носъ и уши; и такъ онъ своимъ несчастіемъ сохранилъ мнѣ то и другое. Наконецъ, чтобъ ошибкѣ ихъ совсѣмъ исполниться, приклеили они уши сдѣланные изъ воску весьма искус-

но, и также приставили носЪ изЪ той же матеріи составленной, и подобной во всемЪ тому носу, которой у него отрѣзали. И потому сей бѣдной юноша получилЪ деньги не за бодрственное моего тѣла храненіе, но за то, что его такЪ свирѣпо изуродовали.

Устрашенный сими словами и хотя узнать истинна ли то; притрогиваюсь я кЪ носу, онЪ упадаетЪ мнѣ вЪ руку; щупаю уши, они также отпадаютЪ. Тогда видя, что всѣ смотря и указывая на меня перстами, хохочутЪ, скрылся я вЪ толпу народа и спасся отЪ насмѣшекЪ орошенЪ весь холоднымЪ потомЪ. Зная, сколько я обезображенЪ, и посмѣянія достоинЪ, не захотѣлЪ и не могЪ я возвратиться послѣ вЪ свое отечество: но распустивши на ту и на другую сторону свои волосы прикрылЪ я ими свои виски, дабы не узнали, что нѣтЪ у меня ушей; для безобразія моего носа, платокЪ сей весьма искусно сложенный пристойною служитЪ замѣною.

КакЪ только ТелефронЪ окончалЪ свое приключеніе: то гости разгорячившіеся

чившiеся виномЪ начали опять хохотать изЪ всей мочи, и когда требовали вина, чтобЪ пить за здоровье другЪ друга; Биррена обратившись ко мнѣ говорила „ ВЪ завтрѣшнiй день будетЪ у насЪ торжественный праздникЪ, которой древностiю своею равенЪ основанiю сего города. Мы одни только изЪ всѣхЪ народовЪ, которые забавами, веселостiю и радостными обрядами умилостивляемЪ священное божество называемое СмѣхомЪ. (и) Ты присутствiемЪ своимЪ торжество сiе сдѣлаешь для насЪ еще прiятнѣйшимЪ, и я весьма желаю, чтобЪ ты нашелЪ что нибудь забавное и увеселительное, дабы тѣмЪ больше почтить сiе божество. Очень изрядно, отвѣтствовалЪ я, все исполнится по вашему желанiю. Я охотно желаю изобрѣсть что нибудь радостное и достойное торжества, и свойственное сему толь великому богу. Послѣ сего разговора слуга мой пришелЪ меня увѣдомить, что уже весьма поздно. Я будучи нѣсколько пьянЪ;

(и) Божество именуемое *СмѣхомЪ* lat *Risus* было почитаемо у ГипатеянЪ по свидѣтельству Павзанiя и Плутарха.

какЪ и прочіе, немедленно всталЪ, и простившись сЪ Бирреною пошелЪ вЪ МилоновЪ домЪ шатаясь. Но когда мы отЪ Бирревы вышли на первую улицу, нечаянно отЪ вѣтру погасла у насЪ свѣча служившая намЪ для расмотрѣнія дороги. Мы сЪ великою трудностію, разбивЪ притомЪ ноги свои о каменье по причинѣ темноты, дошли до своей улицы. Приближаясь кЪ своему дому увидѣли мы трехЪ человѣкЪ собою здоровыхЪ и дородныхЪ. Они всѣми силами старалися вломиться вЪ ворота нашего дому; и не только впрочемЪ насЪ не устрашились, но еще удвояли свои удары, желая сЪ нами сразиться: ибо не сомнѣвались они, чтобЪ мы, и особливо я, не почли ихЪ самыми отважными разбойниками. Немедленно обнажилЪ я свой мечь, которой обыкновенно носилЪ для такихЪ противныхЪ встрѣчь, и вдругЪ устремившись вЪ средину разбойниковЪ, каждаго изЪ нихЪ, вЪ какомЪ они положеніи были, кололЪ, пока всѣ они трое частыми а притомЪ сильными ударами повержены кЪ ногамЪ моимЪ духЪ свой испустили. Фотиса проснувшись отЪ такого шуму при-

прибѣжала внѣ себя, и отперла мнѣ ворота. Я задыхаясь и покрытъ весь потомъ, вбѣжалъ на дворъ съ поспѣшностiю, и будучи утомленъ отъ сраженiя съ тремя храбрыми разбойниками, подобно какъ Геркулесъ съ Герiономъ имѣющимъ три тѣла, (i) немедленно легъ на постелю, и сна прiятностями успокоился.

(i) Герiонъ, Государь трехъ островов, Маiорки, Минорки и Ивики. И потому стихотворцы говорятъ, что онъ имѣлъ три тѣла. Онъ былъ побѣжденъ Геркулесомъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Уже румяная заря въ златой сидя колесницѣ понуждала коней своихъ на поляхъ воздушныхъ; и я сонъ и мракъ ночи премѣнилъ на свѣтъ дневный: я досталъ въ великомъ смущеніи, помня учиненное мною въ прошедшій вечеръ убійство; потомъ сѣдши на кровать и положа ногу на ногу, а руки свои опустивши на колѣни проливалъ слезные изъ очей моихъ источники. Уже воображалось мнѣ, что подвергнутъ я законамъ правосудія, что судіи произнесли уже рѣшительное опредѣленіе, и мечь строгости подъятъ на мою голову. Увы, говорилъ я самъ съ собою, гдѣ столько милосердъ

и

и снисходителенЪ найдется судія, которой бы меня вЪ убивствѣ трехЪ человѣкЪ, и вЪ пролитіи гражданской крови могЪ оправдать, и обЪявить невиннымЪ? Сіе ли счастливое и славное странствованіе обѣщалЪ мнѣ Діофачъ ХалдеянинЪ? ТакимЪ образомЪ жалуясь на свою судьбу, и оплакивая свою участь, услышалЪ я крикЪ народнаго множества, которое стучалось у воротЪ нашего дому: потомЪ вЪ минуту сЪ превеликимЪ трескомЪ они отворились. Полицейскіе судіи, ихЪ служители и множество простыхЪ людей входятЪ на дворЪ. Немедленно два пристава по приказанію судей схватили меня и повлекли изЪ дому безЪ всякаго со стороны моей сопротивленія. Когда мы на первую только выступили улицу, то со всѣхЪ сторонЪ стекшійся народЪ окружилЪ насЪ и послѣдовалЪ за нами толпою. Хотя я шелЪ печаленЪ и вЪ смущеніи приклоня голову свою кЪ землѣ, или лучше сказать кЪ безднѣ адской; однако обратившй глаза свои вЪ сторону, увидѣлЪ я вещь чрезвычайную: ибо изЪ толь великаго народнаго множества небыло ни одного человѣка, которой бы не смѣялся изЪ всей мочи.

Потомъ, водя меня по всѣмъ улицамъ и перекресткамъ города, подобно какъ жертву; (а) которую хотятъ заклать для умилостивленія боговъ, и для отвращенія угрожающаго несчастія; привели наконецъ на мѣсто, гдѣ суды производятся, и представили собранію. Судьи уже сидѣли на возвышенныхъ своихъ мѣстахъ; и провозвѣстникъ приказалъ молчать; какъ вдругъ всѣ единымъ голосомъ начали требовать, чтобъ судъ толико важный совершился на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно отправляются торжественныя игры и зрѣлища, дабы, представляли они, въ такомъ маломъ пространствѣ по

(а) Многіе изъ древнихъ народовъ, и особливо Марсельскіе Галлы, утѣсняемы будучи какимъ нибудь великимъ несчастіемъ, какъ на пр. хладомъ, моровой язвою, и проч. выбирали одного человѣка самаго дурнаго вида, и которой отъ природы обиженъ всѣми тѣлесными качествами; потомъ кормили его цѣлой годъ самой лучшею пищей; послѣ сего по всѣмъ мѣстамъ и улицамъ водили торжественно, наконецъ произнеся надъ нимъ всѣ клятвы, дабы чрезъ то возложить на него только всѣ несчастія имъ приключившіяся, бросали его въ море.

по причинѣ тѣсноты и множества народнаго не былъ кто нибудь растоптанъ или задавленъ. Немедленно народъ туда побѣжалъ, и въ минуту весь театръ наполнился людьми; сверьхъ того всѣ переходы, крыльца, и самая крышка, были заняты. Иные изъ зрителей цѣплялись за столпы, чтобъ какъ нибудь удержаться, другіе висѣли ухватившись за статуи, иные смотрѣли чрезъ окна, иные съ потолоку: словомъ всѣ столь жадны были къ сему зрѣлищу, что никто не думалъ о видимой опасности, которой они жизнь свою подвергали. Приставы провели меня по среди театра, какъ нѣкую жертву а потомъ посадили въ оркестрѣ. Въ тоже время провозвѣстникъ громкимъ голосомъ вызываетъ моего обвинителя. Вдругъ встаетъ одинъ старикъ имѣя близъ себя маленькой сосудъ (6) здѣланной на подобіе воронки и наполненной водою,

(6) Сей сосудъ назывался *Клепсидрою*. Водѣ изъ него течь должно было чрезъ четверть часа. Обвиненному давали больше Клепсидръ, нежели доносителю; потому что больше требуется времени къ оправданію, нежели къ обвиненію.

дою, которая должна изъ него течь по капелькѣ чтобъ тѣмъ измѣрять время, сколь долго старикъ сей говорить долженъ. Онъ началъ рѣчь свою такимъ образомъ: Господа почтенные! дѣло производится важное и касающееся до спокойствія и безопасности всего города, и которое должно служить примѣромъ достопамятнымъ для нашихъ потомковъ; и потому честь и тишина общества непремѣнно отъ всѣхъ вообще и отъ каждаго порознь требуетъ, чтобъ толикія убійства учиненныя симъ злодѣемъ не остались безъ достойнаго наказанія. Впрочемъ не думайте, чтобъ я по злобѣ, или ненависти или по другимъ до моей особы касающимся обстоятельствамъ, столь жарко вооружился противъ сего убійцы; но должность моя того требуетъ; ибо я ночной стражи начальникъ, и я не думаю, чтобъ могъ кто нибудь обвинить меня въ небреженіи своей должности. Но я хочу приступить къ дѣлу и объяснить подробно все, что происходило въ прошедшую ночь. Около полуночи, объѣжжая весь городъ и смотря повсюду съ достодолжнымъ раченіемъ, встрѣтился я съ симъ свирѣпымъ

рѣпымъ юношею: онъ имѣя обнаженный мечь искалъ кого нибудь заколоть, и ужѐ три человѣка лежал предъ его ногами изливая съ кровiю остатокъ своей жизни. Онъ усмотря меня и чувствуя не безъ причины свое злодѣянiе пустился въ бѣгство, и при помощи ночной темноты скрылся въ одинъ домъ, гдѣ и пробылъ чрезъ всю ночь. Но по дѣйствiю божескаго провидѣнiя, которое никакихъ беззаконiй безъ отмщенiя не оставляетъ, злодѣй сей прежде, нежели могъ отъ насъ потаеннымъ убѣжать путемъ, при самомъ возхожденiи зари былъ мною упрежденъ, пойманъ и предъ священный вашъ судъ представленъ для принятiя достойнаго и справедливаго наказанiя. И такъ почтенные судiи, вы предъ собою видите злодѣя умертвившаго трехъ человѣкъ, злодѣя которой поиманъ при самомъ совершенiи своего безчеловѣчiя; и которой сверхъ того чужестранецъ. И такъ произнесите безъ замедлѣнiя на человѣка иностраннаго достойную казнь за то преступленiе, которое и своему согражданину простить вы не можете. Такимъ образомъ окончалъ безчеловѣчную рѣчь свою свирѣпый доноситель.

Немедленно провозвѣстникъ спрашиваетъ меня, могу ли я что нибудь на сїе отвѣтствовать: но я могъ только плакать, не по причинѣ свирѣпаго обвиненїя на меня возлагаемаго, но терзаясь больше угрызенїемъ совѣсти. Наконецъ какъ бы свыше вдохновенъ, ободрился я и началъ къ судьямъ такимъ образомъ. Извѣстно мнѣ почтенные господа, сколь трудно юношѣ обвиненному въ убїйствѣ трехъ человѣкъ, и которой впрочемъ самъ въ томъ признае́тся, оправдать себя, и о невинности своей увѣрить столь многочисленное собранїе, хотя бы онъ самую говорилъ истинну и справедливыя на то приводилъ доказательства: однако, естьли удостоите вы меня снисходительнаго и благосклоннаго своего вниманїя, то безъ труда вамъ докажу, что жизнь моя подвергается нынѣ вашему суду не по причинѣ какого нибудь преступленїя мною учиненнаго, но только за справедливой и достойный извиненїя гнѣвъ, которымъ я воспалился по неизвѣстному и непредвидимому случаю. Ибо вчерашняго вечера возвращаясь я отъ ужина нѣсколько уже позно, а притомъ, сказать истинну,

жу, нѣсколько пьянъ, увидѣлъ у Милонова дому, въ коемъ я имѣю квартиру, трехъ лютѣйшихъ разбойниковъ, которые покушались ворваться въ него; и уже разломавъ вереи и вывивъ крюки разсуждали между собою, какимъ бы образомъ всѣхъ въ немъ умертвить жителей. Одинъ изъ нихъ будучи отважнѣе и дороднѣе всѣхъ, поощрялъ своихъ товарищей такимъ образомъ: мужайтесь други мои, устремимся храбро на спящихъ, не теряя ни минуты времени, и ни чего не страшась, разнесемъ смертное убійство по всему дому. Кто найдется погруженный въ сонъ, того умерщвляйте, кто осмѣлится защищать себя, того мечемъ пронзите; и такъ не оставя никого въ живыхъ, мы сами безопасно и безвредно выдемъ изъ дому. Признаюсь, почтенные судіи, что я исполняя должность ревностнаго гражданина, притомъ отвращая опасность отъ гостепріимца моего Милона и отъ самаго себя, вооружился мечемъ, которой обыкновенно для такихъ случаевъ при себѣ ношу, и устремился на разбойниковъ, чтобъ ихъ устрашить и прогнать; но сіи свирѣпые и отчаянные

ные злодѣи увидя меня съ обнаженнымъ мечемъ, не только не устрашились и не обратились въ бѣгство, но отважились храбро защищаться: мы сражались долго и мужественно, наконецъ предводитель ихъ напавши на меня всѣми силами и ухвативъ съ тылу за волосы обѣими руками, повергъ на землю; но когда онъ требовалъ подать себѣ камень, чтобъ меня ужѐ умертвить, я удачно пронзилъ его и повергъ на землю. Въ туже минуту и другаго, которой сидѣлъ на моихъ ногахъ кусая ихъ зубами, ударилъ я мечемъ своимъ между плечь; третiй ихъ товарищъ стремясь на меня неосторожно и какъ бѣшеной, былъ проколотъ мною въ самой животъ и повергнутъ на мѣстѣ сраженiя. Избавясь такимъ образомъ отъ опасности, и спасши Милоновъ домъ отъ разхищенiя и убiйства и цѣлое общество отъ такихъ злодѣевъ; не только я не почитаю себя виновнымъ, но еще поступокъ мой нахожу достойнымъ похвалъ отъ всего свѣта; я которой никогда и ни въ какомъ злодѣянiи не былъ уличенъ, и почитался въ своемъ отечествѣ за самаго добраго человѣка

пред-

предпочитая невинность всѣмъ благопріятствамъ счастія; я не могу понять, по какой причинѣ подвергаютъ меня строгости суда за убійство трехъ безчестныхъ злодѣевъ, а особливо когда никто не можетъ доказать, чтобъ я имѣлъ когда нибудь особенную съ ними вражду: они всѣ мнѣ ни мало незнакомы. Сверьхъ того нельзя уличить меня чтобъ я учинилъ такой поступокъ въ намѣреніи, дабы ихъ ограбить.

По окончаніи сей рѣчи, слезы мои обновились, и я обремененъ печалію, то на ту, то на другую сторону простиралъ свои руки къ зрителямъ, и прося отъ нихъ милости заклиналъ ихъ всѣмъ, что они почитали драгоцѣннымъ и любезнымъ для себя въ свѣтѣ: я заклиналъ ихъ тѣмъ снисхожденіемъ и благосклонностію, которую они обязаны являть несчастнымъ. Но, какъ думалъ я, что уже мои слезы произвели во всѣхъ предстоящихъ жалость ко мнѣ и состраданіе; то свидѣтельствуясь солнцемъ, и всевидящими правосудія очами, притомъ полагаясь въ семъ дѣлѣ на Божеское провидѣніе

дѣніе поднялъ я глаза свои нѣсколько по выше, и увидѣлъ, что всѣ не изключая и Милона, котораго я почиталъ отцемъ своимъ и другомъ, смѣялись надо мною изъ всей мочи. Тогда говорилъ я самъ себѣ, какая вѣрность! какая совѣсть! чтобъ спасти жизнь своему гостепріимцу, я убилъ трехъ злодѣевъ, и за сіе готовъ ужѐ испить смертную чашу; но онъ, не довольствуясь, что не здѣлалъ мнѣ никакой помощи и утѣшенія въ семъ несчастіи, онъ еще смѣется моему бѣдствію! Послѣ сего вышла на средину театра одна плачущая женщина, одѣтая въ черное платье и притомъ неся въ объятіяхъ своихъ младенца: за нею шла старуха въ раздранной одеждѣ печальна и рыдающа подобно первой. Онѣ обѣ въ рукахъ своихъ несли оливныя вѣтви и бросившись къ одру, на которомъ подъ покровомъ лежали убитыя мною, начали стенать и рыдать плачевно и жалостно, вопія къ собранію: заклинаемъ васъ состраданіемъ, которымъ смертные обязаны одинъ другому, заклинаемъ самымъ человѣчествомъ, сжальтесь надъ сими юношами столь безчестно убитыми,

утѣшьте

утѣшьте сирыхъ и несчастныхъ вдовицъ достойною убійцы казнію. По крайней мѣрѣ помогите сему младенцу, которой въ первыхъ жизни своей лѣтахъ лишенъ уже всякой надежды и помощи. Кровь сего убійцы принесите на жертву святости вашихъ законовъ, и праву общества.

Потомъ старшій судія встаетъ и обратившись къ народу говоритъ — въ разсужденіи злодѣйства, которое мы должны наказать строго, нѣтъ никакого сомнѣнія: ибо учинившій оное самъ признается. И такъ осталось намъ только сыскать участниковъ сего толь свирѣпаго и гнуснаго поступка: ибо невѣроятно кажется, чтобъ одинъ могъ побѣдить трехъ юношей здоровыхъ и сильныхъ. И потому истязаніе употребить должно, чтобъ найти истинну; и поелику слуга, которой ему сопутствовалъ, убѣжалъ и сокрылся въ неизвѣстное мѣсто, то нужно, чтобъ виноватаго допросить, дабы объявилъ онъ участниковъ такого беззаконія: чрезъ сіе столь безчеловѣчныхъ и дерскихъ мятежей злое сѣмя въ конецъ искоренится. Немедленно, по обыкно-

венію Греческому, огонь и колесо, и всѣхъ истязаній орудія предъ меня принесены были. Ужасъ мой усугубляется, когда я увидѣлъ, что мнѣ не можно умереть не лишась сперва какой нибудь части моего тѣла. Но старуха подвигшая жалобнымъ своимъ воплемъ весь народъ къ состраданію; прежде, говоритъ, почтенные сограждане, прежде нежели злодѣй сей и чадъ моихъ убійца, подвергнется пыткѣ, дозвольте открыть мертвыя тѣла, дабы увидѣвъ, сколь мои дѣти были хороши и молоды, тѣмъ къ вящшей строгости сердца ваши подвиглись, и соразмѣрное злодѣйству опредѣлили истязаніе. — Весь народъ слова ея похвалилъ. Немедленно судія приказываетъ, чтобъ я самъ открылъ тѣла убитыхъ, я противился не хотя симъ зрѣлищемъ еще больше раздражить противъ себя судей и народъ, но приставы по приказанію ихъ насильно меня принудили: они сами руку мою простерли къ одру и противъ воли моей кладутъ ее на самые трупы. Я принужденъ былъ, хотя съ великимъ отвращеніемъ, поднять сукно и открыть тѣла мертвыхъ. Воже мой . . . . . какое

какое зрѣлище! какое чудо! и коль неожидаемая счастія моего премѣна! въ то время, когда я почиталъ себя въ числѣ адскихъ жителей, мгновенно и нечаянно состояніе мое другой пріяло оборотъ. Сея толь непредвидимыя новости, сея неожидаемыя премѣны никакими словами изобразить я не въ силахъ: ибо мнимыя убитыхъ мною тѣла ни что иное были, какъ надутые мѣхи, и проколотые въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыя вчерашняго вечера поражалъ я разбойниковъ. Тогда смѣхъ, столько удивившій меня прежде, и которой искусствомъ и хитростію нѣкоторыхъ особъ воспященъ и удержанъ былъ на время, вдругъ разнесся во всемъ народѣ, иные восхитясь радостію поздравляли меня; другіе заболѣвшій отъ хохотанья животъ свой поддерживали руками; словомъ всѣ со удовольствіемъ и веселіемъ смотря на меня вышли изъ театра.

Но я съ той минуты, въ которую коснулся до сукна покрывающаго мертвецовъ, пребывалъ неподвиженъ, подобясь статуѣ или столпу сего театра, и не прежде отъ адскаго воспря-

нулъ сна, какъ уже гостепріимецъ мой Милонъ приближась ко мнѣ и взявши меня за руку, и хотя я сопротивлялся и воздыхая проливалъ еще слезы, съ ласковымъ усиліемъ повелъ съ собою. Мы шли къ его дому чрезъ глухіе переулки, и гдѣ меньше было народу; и видя что я еще въ печали и ужасѣ, старался онъ какъ можно забавными утѣшать меня разговорами. Однако не возможно было разогнать печали и усыпить досады, которую чувствовалъ я въ самой глубинѣ моего сердца подвергнувшись такому ругательству и посмѣянію.

Немедленно и судіи со всѣми достоинства своего признаками пришедши въ домъ Милоновъ стараются утѣшить меня сими словами: Почтенный Луцій, мы довольно извѣстны о знаменитой твоей породѣ, и о достоинствѣ предковъ твоихъ: ибо знатность и благородство вашего дому во всемъ нашемъ предѣлѣ почтенно; и все сіе, о чемъ ты нынѣ смущаешься, не въ укоризну тебѣ и поруганіе случилось съ тобою. И потому не сѣтуй сердцемъ и не печаль-

печалься духомъ: ибо игры сіи, торжествуемыя нами всякой годъ, пріятному богу *смѣху*, всегда новою какою нибудь выдумкою бываютъ украшаемы. Сей богъ сопутствовать будетъ виновнику своему повсюду съ благопріятностію, и не допуститъ никогда, чтобъ печаль овладѣла твоимъ сердцемъ; но свѣтъ радостный изліетъ вѣчно уже на лице твое. Сверьхъ того весь градъ за сію благосклонность и забавы, которыя ты ему представилъ, назначаетъ тебѣ знаменитыя почести, ибо онъ уже объявилъ тебя своимъ (в) покровителемъ, и хочетъ изъ мѣди изваять твой образъ. „Но я отвѣтствовалъ имъ говоря: искреннѣйшую приношу благодарность сему великолѣпному и славному во всей Өессаліи граду, за толь великія почести, какихъ онъ меня удостоеваетъ; но статуи и разные изваянные виды, совѣтую ему сохранить для достойнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ

(в) Подвластные Римской Имперіи провинціи обыкновенно имѣли покровителей въ Римѣ по дѣламъ до нихъ касающихся; на прим. Сицилія имѣла себѣ покровителемъ Цицерона.

шихъ особъ, нежели какъ я. Съ такою скромностiю проговоря, и старалсь показать видъ и лице свое, какъ можно веселѣе, простился я съ судiями учтиво и ласково. Спустя минуту прибѣгъ ко мнѣ слуга Бирренинъ увѣдомляя меня, что уже время итти ужинать къ его госпожѣ, какъ я обѣщался вчерашняго вечера. Но я словъ сихъ ужасаясь и боясь самаго дому Вирренина, отвѣчалъ ему: отъ всего сердца желалъ бы я повиноваться прозьбамъ и повелѣнiямъ госпожи твоей, естьли бы мнѣ возможно было то учинить не наруша вѣрности и чести: ибо гостепрiимецъ мой Милонъ заклялъ меня своимъ божествомъ, которому вы вчерашнiй день праздновали, чтобъ остаться у него ужинать. Онъ ни самъ меня не оставляетъ, и не допуститъ, чтобъ я его оставилъ. И такъ прошу меня извинить и уволить до другаго времени. Когда я скончавалъ рѣчь сiю, то Милонъ ухватя меня крѣпко за руку повелъ въ торговую баню приказавъ притомъ нести за собою все нужное. Идучи по дорогѣ подлѣ бокъ Милоновъ старался я какъ можно не показываться народу и укрывался отъ

всѣхъ

всѣхъ встрѣчающихся, дабы не возобновить смѣха, котораго вчера былъ я имъ причиною. Но моясь въ банѣ и видя, что всѣ на меня смотрятъ и указываютъ перстами, въ такой стыдъ и смущеніе былъ я погруженъ, что не могу и нынѣ вспомнить, какъ я мылся, натирался, мазался, и какъ возвратился наконецъ въ домъ свой.

Наскоро и урывками насытившись убогимъ Милоновымъ ужиномъ и извиняясь болемъ головы причиненнымъ мнѣ отъ слезъ и стенанія, получилъ я немедленно увольненіе и пошелъ спать. Бросившись на постелю разсуждалъ я съ печалію въ умѣ своемъ о всѣхъ подробностяхъ случившихся со мною. Наконецъ Фотиса, положивъ спать свою госпожу приходитъ ко мнѣ будучи сама на себя непохожа: ибо она уже не имѣла прелестей въ глазахъ и забавныхъ шутокъ въ своемъ многорѣчіи; но взоръ ея былъ печаленъ, лице прискорбно и нахмуренно. Послѣ сего, томнымъ и боязливымъ голосомъ, признаюсь чистосердечно, говоритъ мнѣ; я виною сея печали, которая тебя терзаетъ. Въ ту

же минуту вынимаетъ она изъ пазухи своей ремень и подая мнѣ, отмсти, говоритъ, отмсти вѣроломной женщинѣ; и накажи ее столь жестоко, сколь ты вообразить можешь. Но впрочемъ не думай, чтобъ я съ намѣренія и по своей волѣ нанесла тебѣ сіе прискорбіе и смущеніе. Боги свидѣтели, что я и помыслить не могу, дабы хотя мало тебя опечалить, и естьлибъ стремилось какое нибудь на главу твою несчастіе, я бы потщилась его отвратить изліяніемъ всей моей крови. Но къ несчастію моему, что мнѣ повелѣно сдѣлать для другаго, то къ твоей досадѣ обратилось. Тогда я, будучи отъ природы любопытенъ, и желая узнать тайную сего дѣйствія причину, говорю Фотисѣ: сей негодный и продерскій ремень, которой ты опредѣлила для своего наказанія, въ мѣлкіе частицы разтерзанъ будучи мною, самъ прежде погибнетъ, нежели къ мягкой и млечной твоей прикоснется кожѣ. Но прошу тебя, раскажи мнѣ подробно, какимъ образомъ несчастіе пріуготовляемое тобой для другаго, обратилось на мою голову; ибо я кленуся прелестными твоими очами, которыя столько обожаю,

обожаю, кленусь, что я не повѣрю никому и даже тебѣ самой въ томъ, чтобъ ты могла когда помыслить на меня что злое; притомъ худое окончаніе какого нибудь дѣйствія не должно приписывать тому, кто онаго виною, естьли онъ доброе въ томъ имѣлъ намѣреніе.

Окончавъ слова сіи обнялъ я и цѣловалъ Фотису съ нѣжностію: она въ томныхъ и до половины сомкнутыхъ очахъ своихъ являла мнѣ все, что только любовь имѣетъ прелестнаго и убѣдительнаго. Такимъ образомъ будучи ободрена, позволь говоритъ мнѣ, чтобъ прежде всего заперла я двери нашей спальни, дабы продерзостныхъ моихъ рѣчей ктонибудь не подслушалъ, и чрезъ то не провиниться бы мнѣ предъ Памфилою. Въ туже минуту побѣжала она и заперла двери на крюкъ: возвратясь ко мнѣ и обнявъ мою выю обѣими руками, слабымъ и тихимъ говорила голосомъ: трепещу и ужасаюсь открыть тебѣ сокровенности нашего дому, и объявить таинства госпожи моей; но я надѣюсь на тебя и на твое благоразу-

міе, ибо ты, сверьхъ того, что рожденъ отъ знаменитыхъ родителей, и украшенъ отъ природы высокимъ разумомъ; просвѣщенъ еще священными таинствами (г) и потому знаешь безъ сомнѣнія святость молчанія, котораго требуетъ тайна: и такъ заклинаю тебя; все, что я ни ввѣрю сердца твоего нѣдрамъ, все то во глубинѣ его заключи и храни вѣрно, чистосердечіе мое и откровенность моихъ рѣчей награди и запечатлѣй твоимъ молчаніемъ: ибо единa только пламенная любовь, которою къ тебѣ горю, принуждаетъ меня открыть тебѣ вещи и дѣла, никому кромѣ меня неизвѣстныя. И такъ узнаешь ты обстоятельсства нашего дому, откроются тебѣ удивительныя госпожи моей таинства, которымъ послушны тѣни, повинуются стихіи и которыхъ силою стройный чинъ свѣтилъ прерывается: и никогда она силы своего волшебства съ большимъ не употребляетъ жаромъ, какъ только, естьли плѣнит-ся

(г Святый Августинъ пишетъ, что Луцій Апулей былъ въ Африкѣ жрецомъ, и представлялъ народу различныя игры и зрѣлища.

ся когда прекраснымъ юношею, что съ нею весьма часто случается. Въ самыя сіи минуты она страстно любитъ одного Беотійскаго совершенной красоты юношу; и для успѣха въ своей любви всѣ орудія, всѣ способы своихъ чародѣяній употребляетъ. Моими собственными ушами слышала я вчерашняго вечера, какъ угрожала она затьмить самое солнце, и покрыть его вѣчнымъ мракомъ, естьли оно не зайдетъ прежде времени и не уступитъ мѣста темнотѣ ночной, дабы ей свободно было упражняться въ проклятомъ своемъ волшебствѣ. Она возвращаясь вчера изъ бани и увидѣвъ нечаянно сего юношу сидящаго въ цырульнѣ, немедленно велѣла мнѣ искусно украсть его обритые и лежащіе на земли волосы, я тщательно и украдкою ихъ собирая усмотрѣна была цырульникомъ: и поелику я, и госпожа моя почитались отъ всѣхъ безчестными чародѣйками, то онъ ухватя меня, ругалъ безъ милосердія: доколѣ, скверная, говорилъ онъ, будешь красть волосы, которые мы брѣемъ у молодыхъ и пригожихъ людей? естьли

ты

ты не отстанешь отъ сего злодѣй-
ства, я въ сію минуту представлю
тебя на судъ. Проговоря сіе запустилъ
онъ въ пазуху ко мнѣ свою руку и
съ яростію щипля мои титьки, вы-
нялъ всѣ волосы. Такимъ приключе-
ніемъ смущенна и опечалена, предста-
вляя притомъ въ умѣ своемъ звѣрскіе
госпожи моей нравы, которая за не-
исправное приказовъ ея исполненіе обы-
кновенно свирѣпствуетъ и бьетъ меня
безъ милости, начала думать я, какъ
бы отъ нея убѣжать; но помысливъ
и о тебѣ, и разсудивъ сколь тебя лю-
блю, отложила я свое намѣреніе. Идя
въ задумчивости и печали увидѣла я
что одинъ человѣкъ стрижетъ ножни-
цами козьи мѣхи, и когда надувъ
онъ ихъ сложилъ, и повѣсилъ, какъ
должно; то я, чтобъ не съ пустыми
къ госпожѣ своей явиться руками,
набравши козлиной шерсти, которая
была бѣложелтовата, и потому по-
добна волосамъ Беотійскаго юноши,
принесла ее къ Памфилѣ, утаивъ при-
ключившійся мнѣ случай. При началѣ
еще ночи и прежде возвращенія твоего
отъ ужина Вирренина, Памфила вся
внѣ себя восходитъ на чердакъ ко-
торой

торой на верьху дома и со всѣхъ сторонъ открытыя имѣетъ окна, дабы свободно входилъ въ него всякой вѣтръ, и чтобъ смотрѣть изъ него на востокъ и на всѣ страны свѣта. Сей чердакъ почитаетъ она самымъ способнымъ и сокровеннымъ мѣстомъ для своего волшебства. По обыкновенію своему начинаетъ она тамъ уготовлять все нужное для чародѣйства. Какъ то различнаго роду благовонныя травы, мѣдныя доски съ неизвѣстными писменами, желѣзные кусочки оставшіеся отъ разбитыхъ на морѣ кораблей, притомъ разные члены отъ мертвыхъ человѣческихъ труповъ: здѣсь лежатъ носы и персты, тамъ кости еще съ мясомъ оставшіяся отъ умершихъ на висѣлицѣ; индѣ сосуды съ кровію заколотыхъ, въ другомъ мѣстѣ лбы до половины изъѣденные свирѣпыми звѣрями, и отъ ихъ зубовъ исторгнутые. Послѣ сего произнесши волшебныя слова еще надъ трепещущею животныхъ внутренностію приноситъ она жертву изливая разныя жидкости, какъ то, коровье молоко, воду почерпнутую изъ чистыхъ источниковъ, медъ чистой и медъ смѣшанной съ

водою.

водою. Наконецъ мнимые волосы связавши вмѣстѣ различными узлами сжетъ ихъ съ благовонными травами на горящихъ угляхъ. Немедленно тѣла, которыхъ шерсть горѣла на огнѣ, влекомы будучи непреодолимою волшебства ея силою, и могуществомъ заклятыхъ ею духовъ, пріемлютъ чувствія человѣческія, они ужѐ понимаютъ, слышатъ и ходятъ, они ужѐ стремятся, куда запахъ ихъ шерсти привлекалъ ихъ обоняніе, и вмѣсто Беотійскаго юноши стараясь ворваться въ нашъ домъ ломали ворота; но вдругъ ты, любезный Луцій возвращаясь отъ ужина пьяной и ночнымъ обманувшись мракомъ обнажилъ съ яростью свой мечь, будто Аяксъ бѣшеный, однако не съ тѣмъ, чтобъ цѣлыя стада живаго скота умертвить, какъ онъ сдѣлалъ, но еще съ большимъ мужествомъ, чтобъ цѣлые три козьи мѣха надутые вѣтромъ повергнуть на землю, и сіе было для того, дабы я тебя поразившаго своихъ непріятелей, но кровію ихъ не оскверненнаго, могла обнимать и лобызать не какъ человѣкоубійцу, но какъ побѣдителя трехъ мѣховъ.

Симъ

Симъ забавнымъ образомъ смѣялась надо мною Фотиса; я ей отвѣтствуя также шутками, говорилъ: и такъ справедливо уже могу первый сей опытъ моей храбрости сравнить съ двенатцатью Геркулесовыми подвигами; и пораженные мною три мѣха, почесть треглавнымъ Церберомъ, или Герïономъ, которой имѣлъ три тѣла. Однако, чтобъ забылъ я совсѣмъ твой проступокъ причинившïй мнѣ столько печали, обѣщайся мнѣ показать услугу, о которой прошу тебя съ крайнимъ убѣжденïемъ: покажи мнѣ госпожу твою, когда она упражняется въ опытахъ волшебнаго искусства, когда призываетъ боговъ, и чтобъ видѣть мнѣ ее прïявшую на себя другой образъ: знай Фотиса, я чрезвычайно желаю познать таинства науки волшебной, въ которой и ты по моему мнѣнïю искусна. Такъ! я о семъ не сомнѣваюсь, я позналъ то на себѣ: ибо я, впрочемъ презритель женскаго пола, свѣтлостïю очей твоихъ, румянцемъ твоихъ устъ, прелестьми волосъ, бѣлизною шеи, благоуханïемъ твоихъ поцѣлуевъ, и всѣми нѣжностьми, столько прельщенъ и очарованъ, что съ

охо-

охотою почитаю себя твоимъ рабомъ и плѣнникомъ. Уже не воспоминаю я о своемъ отечествѣ, о своемъ домѣ; и не хочу возвратиться къ своимъ ближнимъ; я ничего не предпочту пріятнымъ ночамъ, которыя препровождаю съ тобою — Фотиса мнѣ въ отвѣтъ: — Сколь охотно желала бы я, любезный Луцій удоволствовать любопытство твое; но всегдашная прочихъ людей зависть ужасаетъ Памфилу, и потому она всегда удаляется отъ взору всѣхъ, и дѣлаетъ опыты своего волшебства на единѣ. Однако я прозьбу твою предпочту моей опасности, и при способномъ случаѣ и времени исполню твое желаніе, только должно тебѣ, какъ я сказала прежде, уста свои запечатлѣть молчаніемъ; какого требуетъ толь важное дѣло. Такимъ образомъ разговаривая почувствовали мы и въ душахъ и въ членахъ своихъ взаимный пламень, потомъ снявши все платье вступили для сраженія въ Венерино поле; но чего я утомившись не могъ окончать, то Фотиса искусствомъ своимъ и подмогою довершила. Наконецъ пріятный сонъ нами овладѣлъ, и мы проспали до свѣту.

Послѣ

Послѣ сего еще нѣсколько ночей проводили мы съ такимъ же услажденіемъ. Въ одинъ день прибѣжавъ ко мнѣ Фотиса съ трепетомъ и поспѣшностію говоритъ, что ея госпожа не могши до сего времени чрезъ прочія волшебныя искусства получить успѣха въ любви, вознамѣрилась въ слѣдующую ночь превратиться во птицу и летѣть къ любимому юношѣ; и потому готовился бы я съ осторожностію видѣть столь чудное дѣйствіе. При наступленіи ночи провела меня Фотиса къ чердаку безъ всякаго шуму и велѣла смотрѣть чрезъ скважину, которая была на дверяхъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: Сперва Памфила раздѣвшись до нага отперла нѣкоторой сундукъ, и выняла изъ него многіе маленькіе ящички, изъ которыхъ одинъ открывши, взяла нѣкоторую мазь и растерши ее въ рукахъ своихъ намазала ею все свое тѣло, начиная отъ пятъ до самыхъ послѣднихъ волосъ головы своей; потомъ нѣчто пошептавъ съ зазженною свѣчою потрясла всѣ свои члены. Отъ сего легкаго движенія покрывается ея тѣло мягкимъ пухомъ, выростаетъ перье, носъ закорючась отвердѣлъ, и ногти сдѣлавшись долгими загнулись на подобіе когтей.

Словомъ Памфила превратилась въ сову. Въ семъ видѣ испускаетъ она плачевный крикъ, и хотя испытать, можетъ ли она летѣть, приподнимается нѣсколько отъ земли, потомъ вдругъ разпустивши крылья вылетаетъ вонъ изъ своего чердака. Сія женщина силою чародѣяній своихъ обратно можетъ превращаться въ прежній свой видъ. Что касается до меня, я не былъ очарованъ, но чудному сему дѣйствію столько удивился, что почиталъ себя уже не Луціемъ. Какъ будто лишенный разума я не спя еще грѣзилъ: и прочищая глаза свои старался узнать погруженъ ли я въ сонъ, или нѣтъ. Наконецъ опомнившись взялъ я руку Фотисину и приложивъ къ своимъ очамъ; говорю: Фотиса! будь снисходительна, дозволь мнѣ, когда случай допускаетъ, пользоваться самымъ вѣрнымъ доказательствомъ твоей ко мнѣ горячности; дай мнѣ нѣсколько сея волшебныя масты. Я заклинаю тебя прелестными твоими очами, которые мнѣ столько пріятны. Чрезъ сей безцѣнный даръ меня раба и плѣнника своего обяжи себѣ навсегда: исполни, чтобъ я близъ тебя, близъ своей Ве-

нѣры,

жеры, леталъ подобясь крылатому Купидону. Ахъ! любезный мой, отвѣтствовала она, или ты лукавъ какъ лисица, и хочешь, чтобъ я сама своего несчастія была причиною? Уже ли для Ѳессальскихъ дѣвицъ храню я своего Луція? Гдѣ ево найду крылатаго, и когда увижу? Боже меня избави, говорю ей, отъ такого злодѣянія! Хотя бы я превратился въ орла и простиралъ полетъ свой превыше облаковъ, нося Юпитеровы повелѣнія, и громъ его десницы; однако не преминулъ бы возвратиться къ тебѣ, какъ въ свое любезное гнѣздо. Кленусь прелестнымъ волосовъ твоихъ узломъ, которымъ душа моя и вольность связана, что я ни какую красавицу не предпочту Фотисѣ. Сверьхъ того силою такой масти превратясь въ гнусную птицу, не долженъ ли буду отъ всякаго дому отлетать далече? Развѣ пріятно будетъ прекрасному полу имѣть любовника столь милаго и пригожаго какъ сова? Впрочемъ, ночныхъ птицъ влетѣвшихъ въ какой нибудь домъ, не стараются ли хватать и привязывать ко дверямъ, дабы они за предвозвѣщаемое ими, какъ

думаютъ, несчастіе и зло заплатили своимъ томленіемъ и смертію? Но я едва не позабылъ спросить у тебя; что должно говорить, или дѣлать дабы оставя перье и крылья обратно сдѣлаться Луціемъ.

О семъ не безпокойся отвѣтствуетъ она; ибо госпожа моя показала мнѣ всѣ средства, и способы, чрезъ которые изъ такихъ видовъ должно превращаться въ природное состояніе человѣческое, однако не думай, чтобъ она изъ благосклонности ко мнѣ сіи тайны открыла; но чтобъ могла я подать нужную помощь, когда ей надобно будетъ принять обратно человѣческой образъ; и разсуди какія бездѣлки, и сколь дешевыя травы требуются для толь важнаго дѣйствія; на примѣръ, Памфилѣ иногда надобно только омытія и выпить стаканъ воды почерпнутой изъ ручья и смѣшанной съ анисомъ и лавровымъ листьемъ.

Такимъ образомъ Фотиса обѣщаясь многократно исполнить мое желаніе, вбѣжала однаждьі ко мнѣ въ спальню въ великомъ трепетѣ, и выняла ящи-

чекъ изъ коробочки; я его беру, обнимаю, цѣлую и прошу, дабы споспѣшествовалъ онъ мнѣ въ благополучномъ по воздуху летаніи, потомъ немедленно снявъ съ себя платье, и взявъ изъ ящика сколь можно больше масти, все тѣло себѣ намазалъ, и дѣлалъ движеніе всѣми членами, какъ видѣлъ у Памфилы, чтобъ превратиться въ подобную птицу; но вмѣсто пуху, вмѣсто перьевъ выростаетъ на моемъ тѣлѣ долгая и жоская шерсть и мягкая кожа ожесточается. У рукъ и ногъ моихъ персты срастаются и дѣлаются изъ нихъ копыта, потомъ выростаетъ долгой хвостъ, лице мое обезобразилось, ротъ увеличился, ноздри расширились, губы отвисли и уши сдѣлались чрезвычайно долгими. Въ такой крайности озирался я на всѣ свои члены, и видѣлъ, что вмѣсто птицы превращенъ я въ осла; досадуя и жалуясь на Фотису и не имѣя голосу и тѣлодвиженія человѣческаго, отворилъ я только свой ротъ и слезными со стороны смотря на нее глазами, просилъ себѣ помощи. Она увидѣвъ меня въ такомъ состояніи; ахъ я несчастная! вскричала, ударяя по лицу

 цу

цу своему руками, я погибла: поспѣшность моя и подобныя другъ другу коробочки меня обманули; однако не отчаевайся: средство для уничтоженія сего вида самое легчайшее; ибо съѣвши только нѣсколько розъ, ты обратно изъ осла преобразишься въ любезнаго мнѣ Луція. О естьли бы я имѣла теперь пучки розъ, какъ обыкновенно въ каждой вечеръ для тебя дѣлаю, ты бы ни одной ночи не препроводилъ въ семъ видѣ! однако при самомъ разсвѣтѣ, я постараюсь о такомъ средствѣ. Симъ образомъ жаловалась и досадовала на себя Фотиса. Но я хотя былъ точной оселъ и превращенъ изъ Луція въ скота; однако остались при мнѣ чувствія и разумъ человѣческой.

Наконецъ размышлялъ я долго самъ съ собою, устремиться ли мнѣ, вооружась копытами и зубами на сію вѣроломную и преступную женщину, чтобъ ее умертвить; но разсудя подробнѣе, перемѣнилъ я сіе безумное намѣреніе, ибо смертію Фотисы лишился бы я навсегда нужныхъ средствъ для принятія вида человѣческаго. И такъ повѣсивъ голову и тряся ушами,

ста-

стараясь не чувствовать поруганія, которому подверженъ на нѣсколько времени, а притомъ уступая лютой моего состоянія необходимости, пошелъ въ стойла къ доброму своему коню, гдѣ увидѣлъ и другаго осла принадлежащаго Милону. Воображая, что естьли животныя имѣютъ какое нибудь тайное и природное другъ ко другу отношеніе, то конь мой узнавъ меня и сожалѣя о моемъ состояніи, уступитъ мнѣ лучшее и пространнѣйшее мѣсто; но о Юпитеръ, божество гостепріимства, и вы боги покровители вѣрности! сей храбрый мой конь, приложивъ голову свою къ головѣ Милонова осла, соглашается съ нимъ вмѣстѣ на мою погибель. Какъ только увидѣли, что я подхожу къ ихъ яслямъ, то не хотя, чтобъ былъ я участникомъ ихъ корму, повѣсивъ уши свои, устремились съ яростію бить меня копытами и прогнали далеко отъ овса, которой я самъ своими руками насыпалъ вечеромъ сей неблагодарной скотинѣ. Столь не благосклонно будучи принятъ, удалился я въ уголъ конюшни, гдѣ размышляя о гордости моихъ товарищей, и надѣясь въ слѣдующее утро

съѣвши пукъ розъ превратиться въ Луція, и тогда уже отмстить невѣрному своему коню; вдругъ на среднемъ столбѣ, которой поддерживалъ конюшенныя переграды, увидѣлъ я статую богини Эпоны (д), которая обвѣшена была свѣжими розами. Видя сіе спасительное средство, я приближаюсь къ нему, и радостной исполнясь надежды встаю на задніе ноги, потомъ передними оперщись на столбъ, поднимаю голову и протягиваю губы сколь можно выше, чтобъ достать себѣ розы; но вдругъ къ несчастію моему увидѣлъ меня слуга, которому поручено было смотрѣть за моимъ конемъ; онъ взбѣсившись, долго ли, говоритъ, терпѣть намъ безтыдство сего обжоры, которой, недавно хотѣлъ у своихъ товарищей пожрать сѣно и овесъ, а теперь хочетъ съѣсть и розы богини? но я сего святотатца изуродую и переломаю ему ноги. Въ ту же мину-

(д) Эпона, и по мнѣнію иныхъ Гиппона, была богиня лошадей,ословъ, и проч. Ея статуя обыкновенно стояла въ конюшнѣ на столбѣ.

минуту ища какого нибудь орудія для моей казни, увидѣлъ онъ свяску дровъ, изъ которыхъ выбравъ самую толстую и суковатую дубину, до тѣхъ поръ не преставалъ отягощать меня ея ударами, пока не услышалъ ужасный стукъ произшедшій отъ разрушенныхъ Милонова дому воротъ, и также вопль сосѣдовъ, которые кричали; воры! воры! все сіе устрашило моего мучителя и онъ убѣжалъ не медленно.

Разломавши ворота, одна часть разбойниковъ вбѣгаетъ въ домъ Милоновъ, а другая окружаетъ его съ обнаженными мечами. Сосѣди сбѣгаются на помощь, но воры стоящіе внѣ дому имъ противятся. Обнаженные мечи сверкая при зазженныхъ свѣтильникахъ производили свѣтъ, подобный дневному. Въ сіе время нѣкоторые изъ разбойниковъ стремятся въ кладовую, которая стояла посреди Милонова дому, заключая въ себѣ всѣ его сокровища; она была заперта крѣпко, однако разбойники своими сѣкирами всѣ препятствія разрушили, потомъ похитивъ все богатство кладутъ его на скоро въ

разные мѣшки, и опредѣляютъ, что кому нести. Но число ихъ не соразмѣрно было множеству похищеннаго имѣнія, и потому не зная что дѣлать съ такимъ великимъ грузомъ, выводятъ они изъ конюшни моего коня, и меня самаго съ другимъ осломъ; потомъ отяготя насъ сколь можно больше поклажею, гонятъ изъ пустаго дому, ударяя для скорости палкою. Разграбивъ все и оставивши одного изъ своихъ товарищей въ городѣ, дабы увѣдомилъ онъ ихъ послѣ, какой будетъ поискъ ихъ злодѣйству, гнали насъ съ превеликою скоростію чрезъ горы и пустыя мѣста.

Отягощенъ будучи толико тяжелымъ бременемъ, и утомясь отъ далекаго и труднаго по причинѣ горъ пути, находился я близъ смерти. Но въ крайности такой пришло мнѣ на мысли, хотя поздно, прибѣгнуть къ правосудію гражданскому, и употребить священное имя Цесаря (e), дабы осво-

e) Римскіе граждане всегда нарицали имя Цесаря, когда ихъ несправедливо мучили, или

освободиться отъ такихъ несносныхъ злоключеній. Итакъ уже по возхожденіи солнца продолжая путь свой чрезъ одинъ городъ, въ которомъ было множество народа, собравшагося для торгу, вознамѣрился я предъ всѣми Греками произнесть на природномъ своемъ языкѣ священное имя *Цесаря*, и литеру о, выговорилъ я довольно ясно и громко, но никакъ не могъ я окончать и произнесть *Цесарь*. Разбойники досадуя и смѣясь надъ грубымъ и нестройнымъ моимъ голосомъ, столь сильно и часто бичами и палками ударяли меня по бокамъ, что бѣдная моя кожа и на решето не годилась. Наконецъ Юпитеръ неожидаемое подаетъ мнѣ средство къ полученію прежняго вида: ибо прошедши многія села и города, увидѣлъ я прекрасной садъ, въ которомъ сверьхъ прочихъ цвѣтовъ находились розы еще утреннею покрытыя росою, и къ которымъ

или угнѣтали, и сіе имя столь было почтенно, что обвиненнаго уже не могли судить и наказывать, но представить его должно было предъ самаго Императора.

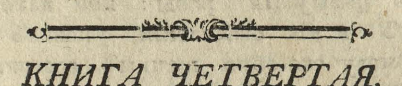
торымъ никто не прикасался. Исполнясь радостной надежды приближился я къ саду, и только лишь протянулъ губы на сіи прелестныя розы, вдругъ премѣнилъ свое намѣреніе, разсуждая, что естьли я изъ осла въ минуту сдѣлаюсь Луціемъ, то подвергну себя видимой гибели: ибо разбойники почтутъ меня волшебникомъ или убоятся, чтобъ я не открылъ ихъ злодѣйства; итакъ по необходимости воздержался я отъ розъ, и терпя великодушно свое несчастіе въ видѣ осла, кусалъ я только свои желѣзныя удила.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ полуденные часы, когда уже солнце раскаленный мещетъ лучь, прибыли мы въ одно село, гдѣ жили старики пріятели симъ разбойникамъ; ибо хотя я былъ оселъ, однако все видѣлъ и понималъ, какъ они при первой встрѣчѣ цѣловались между собою, разговаривали и обнимались: сверьхъ того разбойники снявши со спины моей различныя вещи дарили ихъ своимъ гостепріимцамъ, и давали тайные знаки, что все сіе пріобрѣтено воровствомъ: потомъ освободивши насъ отъ тягостныхъ бременъ пустили на волю въ ближнее поле; но я, не привыкши питаться сѣномъ, не могъ

рѣ-

рѣшиться, чтобъ ходить на паствѣ съ своими товарищами; и потому терзаясь голодомъ, и увидѣвъ издали садъ позади дому находящійся, устремился въ него съ поспѣшностію, и наполнилъ свой желудокъ грубыми травами до сытости; притомъ, прося боговъ, смотрѣлъ я на всѣ стороны, надѣясь увидѣть въ окрестныхъ садахъ цвѣтущія розы: ибо находясь одинъ и въ отдаленіи уповалъ я, что могу способно такимъ спасительнымъ средствомъ изъ четвероножнаго скота превратившись въ человѣка, убѣжать отъ разбойниковъ.

Углубясь въ такія размышленія, увидѣлъ я въ нѣкоторой отдаленности долину тѣнистую, покрытую густыми рощами. Между прочими въ ней травами и растѣніями блистала красота цвѣтущихъ розъ. Тогда родились въ моемъ воображеніи мысли совсѣмъ не приличествующія безсловеснымъ: я представлялъ себѣ пріятную сію рощу осѣняющую толикое множество прелестныхъ розъ вѣчнымъ жилищемъ Богини Цитерской, и прекрасныхъ Грацій. Итакъ призывая

зывая въ помощь благополучный (а). *Случай* устремился я къ мѣсту сему съ такою легкостію, что самъ себя почиталъ не осломъ уже, но быстрымъ конемъ достойнымъ Олімпійскихъ рыстаній; однако сіе скорое и храброе мое усиліе не могло предупредить нещастной моей участи: ибо къ желанному приближась мѣсту не нашелъ я оныхъ нѣжныхъ розъ небеснымъ нектаромъ и росою утреннею окропленныхъ и растущихъ среди щастливаго тернія, не нашелъ я также ни какой долины, но только рѣчной брегъ, покрытый густыми древами, на которыхъ листья были долги и подобны лавровымъ, имѣя на себѣ цвѣты алые, но безъ всякаго запаху; простой народъ наименовалъ сіи цвѣты лавровыми розами; они всякому животному не пищею, но смертоносимъ служатъ ядомъ. Въ такой крайности находясь, и не хотя больше жить на свѣтѣ, вознамѣрился я сомовольно умертвить себя ядо-

(а) Добрый или благополучный случай почитался у древнихъ божествомъ: его призывали въ помощь, предпринимая какое нибудь важное дѣло.

ядоносными цвѣтами. Едва только приближился я къ нимъ, какъ вдругъ одинъ юноша, и думаю, что бы тъ то самъ садовникъ, примѣтя опустошеніе своего саду, выбѣжалъ противъ меня съ превеликой дубиною, и съ яростію устремившись отягощалъ меня ударами столько, что я непремѣнно испустилъ бы духъ свой, естьлибы по благоразумію своему не защитилъ самъ своей жизни: ибо возвысивъ свои бедры и отвѣтствуя ему задними ногами повергъ его на землю близъ подошвы горы, и самъ побѣжалъ съ поспѣшностію.

Въ ту же минуту одна женщина, и какъ думаю, жена садовникова, видя его повергнута на землю почти безъ души, прибѣгаетъ къ нему вся внѣ себя, и плачевнымъ воплемъ побуждаетъ сосѣдей къ жалости, и ожесточаетъ противъ меня. Въ самомъ дѣлѣ всѣ сельскіе мужики тронуты будучи слезами ея збѣгаются, скликаютъ своихъ собакъ и раздражаютъ ихъ, чтобъ съ яростію меня растерзали. Видя толикое множество сильныхъ и быстрыхъ собакъ противу меня ожесточенныхъ; и могущихъ сопроти-

вляться самымъ львамъ и медвѣдямъ, почиталъ я себя почти уже мертвымъ, и въ семъ случаѣ за благо разсудилъ я, не бѣжать въ другое мѣсто, но возвратиться поскорѣе къ дому, въ которомъ находились разбойники. Сельскіе жители едва удержавъ собакъ своихъ отъ свирѣпости, поймали меня, и привязали крѣпкимъ ремнемъ къ кольцу, которое было въ стѣнѣ; потомъ различными орудіями казнили меня; и я уже готовъ былъ умереть; но по счастію желудокъ мой заболѣвшій отъ такого мученія, притомъ отягощенъ множествомъ различныхъ и грубыхъ травъ разродился, и съ сильнымъ стремленіемъ произвелъ такое дѣйствіе, которое всѣхъ сихъ мучителей прогнало: ибо иныхъ окропилъ я жидкими травъ остатками, другихъ зловоннымъ поразилъ духомъ.

Не много протекло времени, какъ солнце съ полуденной высоты начало спускаться къ западу; и разбойники обременивъ насъ всѣхъ троихъ, а особливо меня тягчайшимъ грузомъ, пустились въ путь свой. Мы препроводили довольно времени въ дорогѣ; но

я утомленЪ возложеннымЪ на меня бременемЪ, ослабѣвЪ отЪ ранЪ толь часто получаемыхЪ, имѣя притомЪ копыта свои уязвленны, и едва держася на ногахЪ, остановился близЪ прозрачнаго ручья текущаго сЪ томнымЪ журчаніемЪ. ПолучивЪ такой пріятной случай вознамѣрился я непремѣнно упасть ницЪ вЪ источникЪ, и не выходить изЪ него, хотябЪ не палками только понуждали меня, но и мечемЪ, или рогатиною кололи: ибо столько будучи слабЪ и подобенЪ мертвому; почиталЪ я себя достойнымЪ уволненія отЪ службы, сверьхЪ того надѣялся, что разбойники, которымЪ сЪ возможною скоростію хотѣлось продолжать путь свой, досадуя на мою усталость и непроворство снимутЪ со спины моей добычу свою, и положивЪ ее на коня моего и другаго осла; оставятЪ меня вЪ семЪ мѣстѣ волкамЪ и птицамЪ на разхищеніе, почитая такое наказаніе сразмѣрнымЪ моей лѣности. Но жестокая судьба намѣреніе мое сдѣлала безполезнымЪ: Ибо другой оселЪ, какЪ будто предвидя мое предпріятіе предупредилЪ меня вЪ ономЪ, и притворясь утом-

утомленнымъ вдругъ упалъ на землю со всею на немъ бывшею поклажею, и растянувшись какъ мертвой не хотѣлъ стать, хотя его палками били, притомъ за хвостъ, за уши и за ноги приподнимали къ верьху. Разбойники отчаясь его поднять разсуждали между собою, что не должно времени тратить надъ скотомъ почти мертвымъ и окаменѣлымъ; и такъ отсѣкши ему ноги по колѣни, еще дышуща отвлекли отъ большой дороги и съ высоты одной горы бросили въ долину. Вещи на немъ бывшія поклали на меня и на моего коня. Тогда представляя въ умѣ своемъ нещастную моего сотрудника гибель вознамѣрился я уже не прибѣгать къ хитростямъ, и къ лукавымъ вымысламъ, но служить господамъ своимъ такъ, какъ долженъ доброй и порядочной оселъ; притомъ слышалъ я разговоры ихъ, что уже не далеко до мѣста, въ которомъ они живутъ; и такъ надѣяся скоро избавиться отъ несноснаго пути, и предаться сладкому покою.

Прошедши наконецъ чрезъ маленькой холмикъ, достигли мы до назна-

ченнаго мѣста. Разбойники сняли съ насъ всю свою добычу, и похищенное сіе богатство сокрыли въ нѣкоторыхъ пещерахъ. Избавясь отъ тягостнаго бремени, вмѣсто того, чтобъ мнѣ омыться, какъ дѣлалъ я въ видѣ человѣческомъ, катался я по песку для подкрѣпленія силъ своихъ. Теперь время и обстоятельства требуютъ, чтобъ я описалъ вамъ мѣста и вертепы, въ которыхъ жили сіи разбойники: ибо чрезъ сіе самое покажу я силу и опытъ моего разума, притомъ узнаете и вы, имѣлъ ли я чувствія и разсудокъ ослиной, будучи въ видѣ осла. Приступимъ: Мѣсто сіе было страшная и самая высочайшая гора, покрытая множествомъ густыхъ деревъ, окруженная утѣсистыми камнями, которые составляли изъ себя ужасные стремнины покрытыя терномъ, и жоскими всякаго рода травами, и такъ сіе природное укрѣпленіе дѣлало гору сію неприступною. Съ самой ея высоты многоводный источникъ низвергаясь въ низъ и стремясь чрезъ утѣсы раздѣлялся на долинахъ во многіе струи, и составивъ потомъ пространное и тихое озеро, или не большое море

окру-

окружалъ все сіе мѣсто. На верху пещеры стоящей на послѣднихъ утѣсахъ горы, видима была высокая башня поддерживаемая толстыми деревянными столпами, и окруженная забором крѣпко сплоченнымъ, котораго стороны разпростершись и разширясь довольное имѣли пространство, дабы запирать и сохранять въ немъ скотовъ. Великіе полисадники сдѣланные на подобіе стѣны, ограждали и прикрывали входъ пещеры.

По мнѣнію моему, вы легко повѣрите, что описанное мною мѣсто есть точное жилище разбойниковъ. Вокругъ его не видно было ни какого строенія, или дому, кромѣ одного шалаша покрытаго тростникомъ, гдѣ всякую ночь, какъ я послѣ о томъ узналъ, нѣкоторые изъ разбойниковъ, на которыхъ падалъ жребій, должны были имѣть свою стражу.

Пришедши они къ мѣсту сему, привязали насъ крѣпкимъ ремнемъ при самомъ входѣ въ пещеру, и сами съ превеликимъ трудомъ, ползя одинъ за другимъ въ нее вобралися. Потомъ

 при-

призвавъ беззубую, горбатую и дряхлую старуху, которая одна по видимому должна была имѣть попеченіе о толь многихъ юношахъ; такъ ли, кричатъ ей съ яростію, такъ ли старая чертовка, извергъ природы и ужасъ самаго ада, будешь намъ насмѣхаться сидя дома, и поджавши свои ноги? Долго ли ты намъ, столько утомленнымъ и ослабшимъ отъ великихъ и опасныхъ трудовъ, не подашь какой нибудь пищи для отрады и облегченія? ты ночью и днемъ только о томъ заботишься, чтобъ жадный свой желудокъ наполнять винами.

Старуха трепеща отъ страха, томнымъ и прерывающимся говорила имъ голосомъ: храбрые юноши, вѣрные и всегдашніе мои покровители, для васъ много различныхъ и вкусныхъ мясъ пріуготовленно мною: хлѣба также весьма довольно, виномъ обилуютъ сосуды, для питія онаго рюмки и стаканы вымыты чисто; сверхъ того согрѣта и вода, да бы вамъ по обыкновенію омыться. Услышавъ сію рѣчь, они мгновенно раздѣваются и подходятъ ближе къ разложенному огню, чтобъ силою

жара

жара его произвесть въ себѣ потъ. Наконецъ теплою омывшись водою, и намазавшись масломъ, садятся они всѣ кругомъ стола; на которомъ представлены были различныя ѣствы.

Едва начали они утолять свой голодъ, какъ вдругъ явилось еще большее молодыхъ людей число; не трудно было догадаться, что это были также разбойники: ибо они принесли съ собою премного золотыхъ и серебренныхъ денегъ и сосудовъ, притомъ разныя шелковыя и золотомъ вышитыя одежды. Они подобно перьвымъ омывшись водою, садятся съ ними за одинъ столъ. Метали потомъ жребiй и на кого онъ палъ, тѣ служили при столѣ. Тогда уже всякъ началъ пить и ѣсть безъ разбору и безъ мѣры, всѣ ѣствы мѣшаются въ одно мѣсто, рюмки, стаканы, пироги и хлѣбъ по столу валяются. Нестройный шумъ почитается смѣхомъ, грубый крикъ, пѣнiемъ, ругательства, шутками, и все сiе соборище буянствомъ своимъ подобно было Ѳивейскимъ Лапитамъ и звѣрообразнымъ Центаврамъ. При семъ безпорядкѣ одинъ изъ нихъ сильнѣй-

шій всѣхъ своихъ товарищей, говорилъ такимъ образомъ: мы въ городѣ Гипатеѣ весьма храбро и мужественно разграбили домъ Милоновъ, кромѣ великаго сокровища пріобрѣтеннаго нашею отважностію, кромѣ того, что всѣ въ цѣлости въ свое жилище возвратились, пришли мы сюда съ осьмью излишними ногами, (б) но вы, которые старались производить грабежъ свой въ Беотическихъ городахъ, вы очень слабосильны и малочисленны возвратились, потерявъ храбраго своего полководца Ламаха (в), котораго жизнь дороже для меня всѣхъ сокровищъ вами преобрѣтенныхъ, но какъ бы то ни было, онъ погибъ отъ излишней своей отважности и мужества. Имя его будетъ прославляемо равно, какъ имена

великихъ

(б) То есть, привели они съ собою Апулея въ видѣ ослиномъ и его коня.

(в) Ламахъ. значитъ *непобѣдимый*. также всѣ другіе имена, которыя ниже слѣдуютъ., означаютъ точно свойства, и качества какія Апулей приписывалъ разбойникамъ на пр. Хрисеросъ *златолюбивый*, Алцимъ *сильный*, или *сила* Демохаресъ *любезный народу*. Тразилеонъ *дерскій*, Никаноръ *побѣдитель*.

великихъ государей, и знаменитыхъ предводителей. Что касается до васъ о благонадежные разбойники и всемѣстные Ламаховы товарищи! вы ни къ чему не можете годиться, какъ только, чтобъ тайно и съ робостію красть вамъ самыя бездѣлки, таскаясь по торговымъ банямъ, и скитаясь по бѣднымъ хижинамъ беззубыхъ старухъ и вдовицъ убогихъ.

Тогда нѣкто изъ числа послѣ пришедшихъ отвѣтствовалъ такимъ образомъ: или одному только тебѣ неизвѣстно, что богатые и многолюдные домы съ меньшимъ трудомъ разграбить можно? ибо хотя въ нихъ премного служителей находится, но всякой изъ нихъ старается лучше сохранить самаго себя, нежели господина своего имѣніе.

Но простые и не знаменитые люди будучи убоги, или по крайней мѣрѣ притворяясь такими, всегда тщательно хранятъ свое малое стяжаніе, и защищаютъ его до послѣдней капли своея крови. Сія истинна доказана будетъ случаемъ, который мы испытали.

Какъ только вступили мы въ Греческій городъ Өивы, то и старались узнать о богатствѣ гражданъ его: ибо сего искусства и сея должности требуетъ наше ремесло. Мы навѣдались, что нѣкто по имени Хрисеросъ имѣетъ премножество наличныхъ серебреныхъ денегъ, но великое свое богатство съ великою хитростію утаеваетъ, боясь, чтобъ не опредѣлили его къ публичнымъ должностямъ, или не наложили большихъ пошлинъ на его сокровище; и что для сего не знаясь ни съ кѣмъ, живетъ онъ въ уединеніи, доволенъ будучи маленькимъ, но изрядно убраннымъ домикомъ. Притомъ одѣваясь какъ нищей, сидитъ онъ надъ мѣшками своими сребромъ и златомъ исполненными, и ни мало не спускаетъ съ нихъ очей своихъ. Итакъ мы уговорились навѣстить его прежде всѣхъ: ибо зная, что онъ живетъ одинъ, не думали, чтобъ какое нибудь сопротивленіе воспрепятствовало намъ похитить безъ всякаго труда все его богатство: не теряя времени, при самомъ началѣ темноты ночной приступили мы къ воротамъ его дому, но мы не разсудили за благо поднять ихъ или отворить

ворить насильно, или изломать, боясь, чтобъ сильное ихъ паденіе трескомъ своимъ не разбудило сосѣдей на погибель нашу. Тогда не робкій нашъ предводитель, знаменитый Ламахъ надѣясь на свое безстрашное мужество запустилъ руку свою въ скважину замка и не имѣя ключа, старался выдернуть задвижку: но Хрисоросъ лукавѣйшій изъ всѣхъ двуногихъ тварей, всегда бодрствуя надъ своими сокровищами, тихимъ и безмолвнымъ шагомъ не ощутительно подошелъ къ воротамъ, и превеликимъ гвоздемъ руку нашего полководца приковалъ къ воротамъ нечаянно, ударивъ по гвоздю палкою съ возможнымъ усиліемъ; потомъ оставивъ бѣднаго Ламаха, какъ будто на висѣлицѣ, самъ взбѣжалъ на крышку своего мерзкаго дому, и отъ толѣ крича изъ всей мочи и прося помощи у своихъ сосѣдей называя каждаго по имени увѣрялъ всѣхъ, что его домъ нечаянно весь окруженъ огнемъ. Сосѣди устрашенные толь блискою и для ихъ самихъ опаснотію, бѣгутъ къ нему на помощь со всѣхъ сторонъ.

Тогда

Тогда видя, что намЪ, или захваченнымЪ должно быть, или оставить своего предводителя на жертву лютымЪ гражданамЪ, избрали мы самое меньшее зло: ибо ЛамахЪ по совѣту общему согласился, чтобЪ мы отрубили ему пригвожденную руку по самое плечо. Что и совершили немедленно: рука осталась на воротахЪ; но плечо Ламахово завезали полотнами на крѣпко, чтобЪ текущая кровь не означила нашей дороги, потомЪ поднявши его самаго кЪ себѣ на руки пустились мы вЪ бѣгство.

Но какЪ страшась возмущенныхЪ гражданЪ и не минуемой гибели ужасаясь, бѣжали мы стремительно; то ЛамахЪ, сей великодушный и безстрепетный мужЪ не вЪ силахЪ будучи за нами послѣдовать, и не хотя также остаться на жертву непріятелямЪ, просилЪ насЪ всѣхЪ, убѣждалЪ и увѣщевалЪ самымЪ чувствительнымЪ образомЪ, заклиная при томЪ десницею побѣдоноснаго Марса, (г) и тою вѣрностію, которою

(г) разбойники почитаютЪ своимЪ покровителемЪ Марса. Но воры, которые тайно крадутЪ, признаютЪ своимЪ богомЪ Меркурія.

которою мы обязаны другъ другу, чтобъ мы его, какъ храбраго своего спутника избавили отъ мученія и отъ плѣну. Какъ можетъ, говорилъ онъ, храбрый разбойникъ жить еще на свѣтѣ, лишившись мысцы, которою онъ столь неустрашимо похищалъ и закалалъ? впрочемъ непріятна ли смерть, не благополученъ ли конецъ жизни моей будетъ, когда умру пронзенъ мечемъ своего сотрудника? но видя, что никто изъ насъ на прозьбу его не соглашается, и не дерзаетъ осквернить себя хладною полководца своего кровію, беретъ онъ самъ оставшеюся рукою мечь свой, и облобызавъ стократно, вонзаетъ его безъ трепета во внутренность своего сердца. Удивляясь воликодушію и отважности своего знаменитаго предводителя, и обвертѣвъ его тѣло бѣлымъ полотномъ, предали на сохраненіе морскимъ (д) волнамъ; итакъ нашъ Ламахъ имѣетъ

(д) Разбойникамъ не можно было бросить въ море Ламахово тѣло; ибо Ѳивы далеко отстоятъ отъ моря, но должно разумѣть, что они бросили его въ рѣку Исмену, которая втекаетъ въ море, и потому можетъ перенесть въ него сіе тѣло.

имѣетъ себѣ гробомъ всю сію пространную стихію, окончавъ геройскою смертію теченіе своей знаменитой жизни.

Что касается до Алцима, хотя онъ во всѣхъ предпріятіяхъ поступалъ благоразумно и осторожно, не могъ однако предвидѣть и отвратить нещастной своей участи. Ибо разломавъ ночью маленькій домикъ одной старухи, и вбѣжавъ въ верьхній покой, вмѣсто того, чтобъ ее сперьва заколоть, началъ онъ прежде все ея имѣніе бросать къ намъ въ окошко, Опустошивъ такимъ образомъ весь домъ и не хотя оставить въ покоѣ спящую старуху, устремился онъ къ ней и повергнувъ ее съ кровати на полъ, ухватилъ одѣяло, хотя его также къ намъ бросить, но сія старая мерзавица обнимая Альцимовы колѣни, для чего дитя мое говоритъ ему, для чего скудное бѣдной старухи имѣніе отдаешь богатымъ сосѣдямъ, которыхъ домы прямо стоятъ противъ моего окна? Альцимъ обманутый сею хитростію, почиталъ рѣчь старухину справедливою, и боясь, чтобъ все имъ брошенное, и что еще бросать намѣренъ не попалось въ самой вещи кому другому

гому въ руки, а не его товарищамъ побѣжалъ къ окну, и высунулся изъ него до половины тѣла, чтобъ видѣть все что дѣлается, на улицѣ и особливо, чтобъ примѣтить богатый сосѣдній домъ, о которомъ говорила старуха. Но когда онъ на всѣ стороны смотрѣлъ съ великимъ вниманіемъ безъ всякой впрочемъ въ разсужденіи себя осторожности, то сія проклятая старуха слабымъ, но нечаяннымъ и не ожидаемымъ усиліемъ низринула бѣднаго Альцима на улицу, и тѣмъ способнѣе удалось ей свое злодѣяніе исполнить, что Альцимъ выставившись до половины тѣла въ окно былъ точно на перевѣсѣ. Поверженъ съ чрезвычайной высоты и упадши на большой подъ окномъ лежащій камень переломалъ онъ себѣ ребра и всѣ кости; изливая ручьями кровь изъ своей гортани, умеръ онъ безъ долговременнаго мученія, расказавъ только намъ все, что съ нимъ случилось въ домѣ проклятой старухи; мы предали его также морскимъ волнамъ, чтобъ былъ онъ вѣрнымъ спутникомъ Ламаху.

Стар.

Смертію сихъ толь храбрыхъ мужей сила наша весьма умалилась, и мы не хотя уже больше ничего предпринимать въ Өивахъ, отправились въ ближній городъ Платею, гдѣ нашли одного знаменитаго и славнаго человѣка именемъ Демохареса, который готовился представить народу, разныя игры и зрѣлища: ибо онъ происходилъ отъ знатнаго поколѣнія, несчетное имѣлъ богатство, любилъ великолѣпіе, былъ щедръ и потому достойныя своего состоянія, и своей породы, представлялъ торжественныя утѣхи. Но гдѣ можно обрѣсть столь обильный въ замыслахъ разумъ, и столь витійственный языкъ, которой бы могъ достойно изобразить и описать всѣ пріуготовленія для сего торжества? Здѣсь множество стоитъ храбрыхъ бойцовъ, тамъ видимы быстрые и проворные ловцы, индѣ преступники осужденные на смерть, готовятъ себя въ пищу свирѣпымъ звѣрямъ. Здѣлана была великая деревянная машина стоящая на колесахъ и на всѣ стороны обращающаяся, на подобіе движущагося дому. Она была украшена различною живописью, и все, что нужно было для пред-

представленія ловли звѣриной, все въ ней заключалося. Впрочемъ кто изчислитъ великое множество различнаго рода дикихъ звѣрей? Ибо Демохаресъ во всѣхъ мѣстахъ старался покупать сіи живые для несчастныхъ преступниковъ гробы. Но изъ всѣхъ пріуготовленій, которыя нужны были для великолѣпія торжественнаго, всего больше стоили Демохаресу медвѣди, которыхъ онъ имѣлъ весьма много и величины чрезвычайной: ибо кромѣ пойманныхъ на охотѣ собственными его ловцами, и кромѣ купленныхъ отъ прочихъ за дорогую цѣну, пріятели его присылали въ подарокъ ему великое множество такихъ медвѣдей, и онъ всѣхъ ихъ кормилъ тщательно, истощевая свое имѣніе. Однако столь пышныя для торжественныхъ зрѣлищъ пріуготовлеиія, не могли сокрыться отъ завистливыхъ очей упрямаго щастія: ибо сіи медвѣди ослабѣвши отъ всегдашней неволи и плѣну, изнемогая отъ зноя лѣтняго, и не имѣя никакого движенія, вдругъ заразились нечаянною и прилипчивою язвою и почти всѣ издохли. Вездѣ по улицамъ видимы были трупы сихъ лютыхъ

звѣрей, многіе изъ самыхъ бѣдныхъ и убогихъ людей привыкшіе питаться всѣмъ, что имъ не попадетъ, и сколь бы то гнусно ни было; прибѣгали къ симъ трупамъ и уносили ихъ къ себѣ въ домы, чтобъ утолить мучительный свой голодъ: сіе самое подало случай мнѣ и Бабулу, котораго здѣсь видите, употребить хитрость неслыханную: ибо издохшую на улицѣ медвѣдицу, которая была всѣхъ выше и толще, взяли мы къ себѣ домой какъ бы для пищи; сняли съ нее кожу весьма искусно, но когти и голову до самой шеи оставили съ кожею, которую сверьхъ того выгладили и посыпавъ не много пепломъ положили на солнце; но когда жаръ его лучей высушалъ и готовилъ ее для нашего предпріятія; мы питались между тѣмъ мясомъ сего животнаго, выбирая мягкія части. Потомъ намѣреніе свое общимъ утвердили совѣтомъ: чтобъ одинъ изъ насъ не такъ на тѣлесныя силы, какъ на душевное мужество и отважность уповая, одѣлся по волѣ своей въ медвѣжью кожу, и представляя точнаго медвѣдя, приведенъ былъ нами

въ

въ домъ Демохаресовъ, и во время тихой ночи отворилъ бы намъ свободно ворота сего богача. Для исполненія толь отважнаго и геройскаго подвига многіе изъ насъ объявили свое желаніе: однако Тразилеонъ будучи всѣми единогласно избранъ, охотно и съ радостнымъ лицемъ одѣвается въ сію кожу, которая была мягка, и потому свободно ему было на всѣ стороны обращаться. Мы его зашили въ ней весьма искусно, принаравливая сію обнову ко всѣмъ частямъ его тѣла, и хотя шовъ, которой мы стачали, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ виденъ; но мы не преминули на тѣ мѣста опустить шерсть съ обоихъ боковъ. Голову его вложили ему въ шею медвѣдицы до самой головы сего звѣря, потомъ противъ глазъ и носу его прорѣзавши скважины, чтобъ можно ему было видѣть и дышать свободно, пустили мы его въ сей теплой одеждѣ въ одинъ шалашъ, который купили за малую цѣну. Транзилеонъ вбѣжалъ туда съ бодростію, какъ должно доброму медвѣдю. Сію начатую нами хитрость окончали мы симъ образомъ.

Навѣдавшись, что есть нѣкто Ѳракійскій житель, именемъ Никаноръ тѣсными дружества узами соединенный съ Демохаресомъ; сочинили мы ложное письмо, въ которомъ изъяснили, что сей другъ посылаетъ Демохаресу первый опытъ своей звѣриной ловли, дабы сдѣлать честь торжественному зрѣлищу, которое намѣренъ онъ представить народу. Приближеніе ночи споспѣшествовало нашему намѣренію. Мы принесли письмо сіе къ Демохаресу, и представили ему шалашъ, въ которомъ находился Тразилеонъ. Удивляясь величинѣ сего звѣря, и восхитясь радостію, получивъ столь изрядный и любезный подарокъ отъ своего друга, приказалъ онъ немедленно своему расходчику, чтобъ выдать намъ десять залотыхъ въ награжденіе.

Но какъ люди отъ природы весьма склонны, чтобъ видѣть какую нибудь новость и рѣдкія случаи; то и собралося вокругъ сего звѣря великое множество народа. Удивляяся ему и смотря на него со вниманіемъ. Нашъ умный Тразилеонъ, безпокоясь любопыт-

пытствомъ ихъ глазъ, умѣлъ искусно прогонять ихъ отъ себя, хотя по видимому съ яростію на нихъ устремиться. Всѣ предстоящіе называютъ Демохареса счастливымъ, что онъ лишившись многихъ медвѣдей, получилъ наконецъ такого, который одинъ можетъ замѣнить всѣхъ, и наградить убытокъ причиненный ему нечаяннымъ случаемъ. Въ ту же минуту приказываетъ онъ отвести сего медвѣдя въ свою деревню. Но я, чтобъ предупредить исполненіе воли его: Милостивый государь, говорю ему, не должно звѣря сего дальнымъ путемъ и солнечнымъ утомлять жаромъ, и помѣщать въ одно мѣсто съ другими вашими медвѣдями, которые, какъ я слышалъ, прилипчивою заражены болѣзнію; но лучше по моему мнѣнію, оставить его у себя въ домѣ, и дать мѣсто пространное, гдѣ бы воздухъ былъ чистой, и также вода для прохлады. Ибо тебѣ извѣстно, что такого рода звѣри живутъ всегда во влажныхъ берлогахъ, въ густомъ лѣсѣ, и по большой части въ холодныхъ краяхъ, и любятъ обыкновенно купаться въ чистыхъ источникахъ.

Демохаресъ такимъ совѣтомъ убѣжденный, и разсуждая, сколь многихъ медвѣдей лишился онъ по нещастію, охотно согласился на мое предложеніе, и далъ намъ на волю выбрать въ домѣ его мѣсто самое способнѣйшее для сего новаго медвѣдя. Но и мы также, говорю я ему, обѣщалися ночевать всегда близь сего мѣста; чтобъ звѣрю сему отъ солнечнаго зноя и дальнаго пути утомленному въ обыкновенные часы подавать надлежащую пищу и пойло. Я уволняю васъ отъ такого труда, отвѣтствуетъ намъ Демохаресъ: ибо во всемъ моемъ домѣ ни одного человѣка почти нѣтъ, который бы не зналъ, какъ поступать съ медвѣдями; всѣ мои люди чрезъ долгое съ ними обращеніе весьма къ нимъ привычны. Послѣ чего простившись съ Демохаресомъ мы удалились.

Выступивъ за городскія ворота, увидѣли мы кладбище въ пустомъ и отдаленномъ отъ большой дороги мѣстѣ: и такъ намѣреваясь сокрыть въ немъ добычу, которую мы надѣялись получить вскорѣ, приближаемся къ нему и раскрываемъ ветхіе гробы,

со-

содержащіе въ истлѣніи только прахъ и кости мертвецовъ. Наконецъ по обыкновенію нашему въ такихъ случаяхъ, въ самую мрачную полночь, когда сладкій сонъ на всѣ человѣческія чувства налагаетъ свои оковы, собралися мы въ одно мѣсто, и вооружившись храбро приступили къ Демохаресову дому. Тразилеонъ со стороны своей споспѣшествуя нашему намѣренію, выбѣгаетъ изъ своего шалаша., немедленно мечь его усыпляетъ навсегда стражей; которые близь его спали, приворотникъ равной подвергнулся участи, отъ котораго онъ взявши ключи, отпираетъ намъ ворота. Мы всѣ вбѣгаемъ стремительно, Тразилеонъ показываетъ намъ кладовую, въ которой, какъ онъ видѣлъ, положено было въ прошедшій вечеръ весьма много серебра: дверь сея комнаты не долго противилась соединеннымъ нашимъ силамъ. Я приказываю своимъ товарищамъ, чтобъ взявши столько золота и серебра, сколько кто унести можетъ, бѣжали съ поспѣшностію на кладбище и тамъ отдавши на сохраненіе мертвецамъ, надѣясь на вѣрность ихъ и молчаніе, возвращались обратно для

окончанія подвига: и что для общей безопасности я самъ стану къ воротамъ дому, дабы на все смотрѣть со вниманіемъ, пока они не возвратятся: ибо въ разсужденіи внутренности покоевъ мнимый медвѣдь для устрашенія всѣхъ домашнихъ, естьли которые по случаю тамъ не спятъ, казался мнѣ всего надежнѣе. И по истиннѣ, какой бы человѣкъ, сколько бы онъ впрочемъ храбръ и безтрепетенъ ни былъ, увидѣвъ ночью столь великаго и свирѣпаго звѣря, не устрашился и не побѣжалъ стремительно, чтобъ заключиться отъ него въ своемъ покоѣ. Столь искусно и хитро расположа свое предпріятіе, не избѣгли мы однако нещастнаго случая: ибо когда стоя у воротъ, ожидалъ я нетерпѣливо своихъ товарищей, одинъ негодной слуга, обезпокоенный стукомъ, вышелъ весьма тихо, увидѣвъ, что страшный звѣрь бѣгаетъ по всему дому, воротился назадъ безъ всякаго шуму и расказалъ всѣмъ свое приключеніе. Въ минуту весь домъ освѣщенъ былъ огнемъ, и явилось великое множество служителей: они немедленно вооружась мечами, рогатинами и копьями заградили

дили собою всѣ проходы, въ которые можно было выбѣжать и пустили собакъ ловчихъ на сего звѣря. Тогда узнавъ, что шумъ и смятеніе въ домѣ усугубляется, удаляюсь я съ поспѣшностію за ворота, и притаясь смотрю, какъ поступятъ съ любезнымъ нашимъ медвѣдемъ. О сколь мужественно сопрощивлялся онъ свирѣпости псовъ: ибо находясь при самыхъ вратахъ смерти, не забылъ онъ своего прежняго великодушія и славы; не затмѣвалъ чести своихъ товарищей, но поражалъ храбро отверстыя Церберовы челюсти, притомъ не измѣняя ни мало должности медвѣдя, которую онъ самовольно на себя принялъ, иногда убѣгалъ, иногда потуплялъ свою голову, и столько различныхъ оборотовъ и движеній дѣлалъ, что наконецъ удалось ему выбѣжать изъ дому. Но получивъ свободу, не могъ онъ бѣгствомъ своимъ избавиться отъ смерти: ибо сосѣдніе собаки въ великомъ множествѣ присоединились ко псамъ Демохаресовымъ и всѣ они купно ожесточались противъ мнимаго медвѣдя. Какое жалостное и печальное зрѣлище, видѣть Тра-

зилеона столь многими непріятелями окруженна и терзаема на части!

Наконецъ не могши я преодолѣть и сокрыть печали своей, вмѣшиваюсь въ толпу народа и не имѣя другаго средства, чтобъ помочь своему товарищу, обращаюсь ко всѣмъ, которые ожесточали противъ него своихъ собакъ; и увѣщеваю такимъ образомъ: какое злодѣйство, какое безуміе погублять напрасно столь великаго и столь драгоцѣннаго звѣря: но хитрыя мои слова и совѣты не помогли ни мало нещастному юношѣ: ибо одинъ изъ Демохаресовыхъ служителей, человѣкъ сильный и здоровый выбѣжавъ нечаянно изъ дому, пронзилъ копьемъ медвѣдя сего въ самое чрево, ему подражаетъ и другой слуга; въ минуту и прочіе отложа страхъ устремляются и поражаютъ мнимаго звѣря мечами. Однако Тразилеонъ, честь нашего сообщества, вооружась бодростію вѣчныхъ похвалъ достойною не колеблется въ своемъ твердомъ постоянствѣ, и не хочетъ жалостнымъ голосомъ, или плачевнымъ крикомъ открыть нашей тайны; но будучи терзаемъ, и разными уязвляемъ

емъ орудіями рыкаетъ и реветъ, какъ истинный медвѣдь, и съ геройскою храбростію претерпѣвъ всѣ мученія испускаетъ духъ свой, оставя безсмертную о имени своемъ хвалу и славу. Впрочемъ толь великой ужасъ и трепетъ овладѣлъ всѣмъ народомъ при семъ случаѣ бывшимъ, что до самаго разсвѣту и почти до половины дня никто не отважился и перстомъ прикоснуться къ сему храброму звѣрю; кромѣ одного мясника, который будучи смѣлѣе прочихъ тихимъ шагомъ, и съ боязнію подошелъ къ нему и разрѣзавъ брюхо; и вмѣсто ужаснаго медвѣдя показалъ народу знаменитаго и безтрепетнаго разбойника. Такимъ образомъ лишились мы Тразилеона, котораго слава впрочемъ не затмится въ вѣчное потомство. Напослѣдокъ взявши все пріобрѣтенное богатство сохраненное молчаніемъ мертвецовъ, удалялись мы съ возможною скоростію отъ города Платеи; разговаривая между собою на пути, что вѣрность и храненіе тайны совсѣмъ оставило живущихъ въ свѣтѣ и ненавидя ихъ вѣроломства преселилось во гробы мертвыхъ. Итакъ утомясь отъ тягостныхъ бременъ и

отъ

отъ дальнаго пути утрудившись, лишась впрочемъ троихъ сопутниковъ, пришли мы сюда съ сею добычею, которую вы предъ собою видите.

По окончанiи разговора начали разбойники изъ золотыхъ сосудовъ пить вино въ память убитыхъ своихъ товарищей, принося имъ вино сiе на жертву; потомъ воспѣвши нестройную пѣснь Марсу, успокоились на нѣсколько времени. Старуха намъ дала столь много овса, что конь мой съѣвши мою и свою долю, былъ такъ доволенъ, какъ будто бы онъ ужиналъ съ Салiйскими (е) жрецами, но я, хотя любилъ жевать толченой овесъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, однако

(е) Салiйскiе жрецы служили богу Марсу, Слово Салiйскiй происходитъ отъ Латинскаго слова *Salto* скачу, пляшу: ибо они обыкновенно плясали, когда приносили Богу сему жертвы; весь народъ почиталъ сихъ жрецовъ, и приносилъ имъ разные подарки, чтобъ они могли великолѣпные представлять пиршества и обѣды. У древнихъ великолѣпный обѣдъ, или ужинъ назывался обѣдомъ Салiйскимъ Смотр, Гор, кн. 3. сд. 37.

однако насыпанной старухою былъ не-
таковъ, и я безъ всякаго сомнѣнія
оставя его удалился въ одинъ уголъ,
гдѣ увидѣвъ корзины съ хлѣбами, ко-
торыя остались отъ вчерашняго ужина,
началъ утолять свой голодъ съ вели-
кою жадностью.

Ночнаго времени уже довольно
протекло; разбойники оставляютъ
сонъ и готовятся въ дорогу. Иные
изъ нихъ вооружась мечами, другіе
принявъ на себя виды страшныхъ при-
видѣній, отправились вмѣстѣ на про-
мыселъ; но я хотя весьма отягоща-
емъ былъ сномъ, не переставалъ одна-
ко ѣсть съ прежнею жадностію, и
что всего удивительнѣе, будучи еще
Луціемъ насыщался я обыкновенно од-
нимъ хлѣбомъ; но тогда соотвѣт-
ствуя, какъ видно, пространству
ослинаго желудка опорожнивалъ тре-
тію карзину съ хлѣбами; я весьма
изумился, что наступившій день засталъ
меня въ такомъ полезномъ упражне-
ніи. Наконецъ, хотя съ принужде-
ніемъ, однако съ стыдливостію при-
личною учтивому ослу, оставилъ я
пищу, и пошелъ къ ближнему исто-
чнику для утоленія своей жажды.

Не

Не много спустя времени разбойники возвращаются назадъ съ поспѣшностію и въ великомъ смущеніи; они съ собою не имѣли никакой добычи, нижѐ самой раздранной одежды; но только обнаживъ свои мечи и употребляя общее усиліе влекли одну дѣвицу, которая, какъ можно было видѣть, отъ знаменитой происходила крови, и впрочемъ столь прекрасна, что я будучи осломъ не могъ въ нее не влюбиться. Она была смущенна, отчаянна, терзала свои одежды, и рвала на головѣ своей волосы: Когда всѣ они вошли въ свою пещеру, то начали утѣшать ее, представляя, что безъ причины она въ семъ состояніи печалится и рыдаетъ. Не бойся ничего любезная, говорили ей, жизнь и честь твоя въ безопасности, ободрись великодушіемъ на нѣсколько времени, доколѣ похищеніе твое не принесетъ намъ какой нибудь прибыли. Убожество и нужда причиною такого ремесла, въ какомъ мы упражняемся; родители твои несчетное имѣя богатство, не смотря на скупость, которою они заражены не умедлятъ дщерь свою, какъ истинную свою кровь, достой-

стойною выкупить цѣною. Сіи утѣшенія были недѣйствительны и не могли нимало уменьшить печали, въ которую погружена была нещастная дѣвица. Она преклонивъ свою голову на колѣни стенала и слезные проливала источники. Разбойники призвавъ старуху, приказали ей сидѣть близь дѣвицы, и сколь можно ласковыми утѣшать ее словами; потомъ сами отправились на свой промыселъ. Но всѣ убѣжденія, всѣ пріятныя рѣчи, и хитрости употребляемыя старухою были тщетны; юная особа тягчае прежняго воздыхая изъ глубины своего сердца, усугубляла свой плачь столь жалкимъ и чувствительнымъ образомъ, что я не могши преодолѣть себя, проливалъ изъ очей своихъ слезы. Увы! говорила она, сколь я нещастна, и подъ какимъ злобнымъ родилась созвѣздіемъ. Похищена будучи изъ дому своихъ родителей столь почтенныхъ и любезныхъ, удалена отъ всѣхъ сродственниковъ, отъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ служителей, здѣлавшись рабою и плѣнницею, заключенная въ сей каменной темницѣ, лишенная всѣхъ веселостей и забавъ,

бавъ, въ которыхъ я рождена и воспитана, и каждую минуту ожидая себѣ смерти, живя посреди толь безчеловѣчныхъ разбойниковъ; въ такомъ печальномъ, говорю, состояніи могу ли я жить на свѣтѣ, могу ли удержать слезъ моихъ потоки? Оплакивая такимъ образомъ нещастный свой жребій, и утолясь наконецъ отъ тягостныхъ воздыханій сомкнула она свои томныя очи, и уступила усилію сна. Не много протекло времени, и она вдругъ пробудившись какъ изумленная и вся внѣ себя начинаетъ рыдать и стенать еще больше прежняго, ударяя при томъ въ свою грудь и обезображая свое прелестное лице. И когда старуха убѣдительно спрашивала у ней причины сея новыя и горестнѣйшія печали, нещастная дѣвица отвѣчала ей съ плачевнымъ стономъ: увы! я погибла, я погибла не возвратно, я не вижу никакого убѣжища и надежды къ спасенію, кинжалъ, или мечь или другое смертное орудіе должна я употребить для пресѣченія своей жизни и своихъ напастей.

Тогда старуха исполнясь гнѣва и показывая свирѣпый видъ говоритъ не-

несчастной дѣвицѣ, изъясни мнѣ непремѣнно слезъ твоихъ причину; для чего успокоившись пріятнымъ сномъ начинаешь опять рыдать и наполнять воздухъ своимъ воплемъ? или ты хочешь сею хитростію лишить младыхъ моихъ благодѣтелей того сокровища, которое они получить могутъ за твой выкупъ? знай, естьли ты не престанешь плакать, то не смотря на твои слезы, которыми весьма рѣдко смягчаются разбойники, сожжемъ тебя живую. Юная дѣвица устрашенная сими угрозами беретъ у старухи руку и лобызая, говоритъ: сжалься надо мною, любезная родительница, и сохранивъ чувствіе человѣческое соболѣзнуй о моемъ плачевномъ состояніи, вспомоществуй мнѣ въ горести моей; ибо я не могу повѣрить, чтобъ ты достигши почтенной старости, изгнала изъ сердца своего всю жалость и чувствительность къ нещастнымъ. Удостой выслушать повѣствованіе о моемъ злоключеніи. Одинъ молодой и пригожій юноша рожденный отъ знатной крови и столь любезный, что всѣ граждане почитали его, какъ собственнаго своего сына, впрочемъ мой ближній сродствен-

никЪ, и старѣе меня только тремя лѣтами, воспитанный со мною съ младенчества въ одномъ домѣ, имѣвши одно со мною непорочное ложе, и котораго вѣрность уже давно была мнѣ обѣщана по согласію нашихъ родителей, которые запечатлѣли уже нашу взаимную клятву и готовились совершить брачные наши узы; сей говорю юноша окруженъ великимъ множествомъ своихъ и моихъ сродственниковъ, приносилъ во храмѣ торжественныя богамъ жертвы, и весь нашъ домъ украшенъ былъ лавровыми вѣтвями, озаренъ брачными огнями, исполненъ радостнымъ гласомъ пѣсней въ честь нашему Гименею воспѣтыхъ; моя родительница держа меня въ своихъ объятіяхъ украшала меня брачнымъ одѣяніемъ, обнимая и цѣлуя стократно; она проливала мольбы свои къ небесамъ, надѣясь увидѣть возжделѣнный плодъ моего брака; но какая нечаянная перемѣна? вдругъ явилось великое множество разбойниковъ съ мечами обнаженными и готовыми къ сраженію. Они не простираютъ рукъ своихъ на убійство, или хищеніе, но соединившись вмѣстѣ, устремляются въ нашу спальню и безъ малѣй-

лѣйшаго съ нашей стороны сопротивленія и домашнихъ служителей, исторгли меня отъ объятій матернихъ почти полумертву отъ ужаса. Итакъ нашъ бракъ возмущенъ подобно браку Пиритоя и Гипподаміи. Но что всего несноснѣе, сіе мое нещастіе обновляется и усугубляется еще мучительнымъ сномъ, который я теперь видѣла: ибо мечталось мнѣ, что изъ своего дому изъ брачнаго чертога, и съ Тимнеева ложа влекома будучи насильно чрезъ степи и пустыни призывала я къ себѣ на помощъ своего нещастнаго жениха, казалось мнѣ, что онъ лишившись моихъ объятій, бѣжалъ съ поспѣшностію во слѣдъ моимъ хищникамъ, изливая благовонный по стезямъ своимъ Нектаръ, и увѣнчанъ брачными еще цвѣтами; и когда онъ просилъ помощи отъ народа, свидѣтельствуя, что похищаютъ у него прекрасную невѣсту, то одинъ изъ разбойниковъ досадуя на сей вопль, ухватилъ тяжелый камень лежащій на дорогѣ и поразивъ имъ моего любезнаго жениха въ нѣжную грудь, бездушна повергъ на землю. Симъ мечтаніемъ устрашенная, воспрянула я отъ сна во ужасѣ. Тогда ста-

руха слезамъ младой дѣвицы соотвѣтствуя воздыханіями; говорила ей такимъ образомъ: будь великодушна, любезное чадо, не безпокойся призраками сонныхъ мечщаній: ибо дневныя сновидѣнія почитаются отъ всѣхъ ложными и тщетными; а сны мечтающіеся намъ во время ночи значатъ иногда совсѣмъ противные себѣ случаи: на примѣръ слезы, наказаніе и самая смерть бываетъ иногда предзнаменованіемъ какого нибудь щастія, напротивъ того, смѣхъ сладкія пищи, веселости и любовные восторги предвѣщаютъ намъ печаль, болѣзнь и другія злоключенія. Но я твое предчувствіе и страхъ уничтожить хочу пріятностію моей повѣсти. Внимай дитя мое.

Въ одномъ пространномъ градѣ жилъ Царь съ своею супругою; они имѣли у себя трехъ дщерей красоты совершенной; но двѣ изъ нихъ старшія сколь ни были прелестны, однако человѣческія уста могли своимъ витійствомъ достойныя пріятностямъ ихъ сплетать хвалы; что касается до младшей ихъ сестры; ея красота

сота была столь удивительна и и чрезвычайна, что всякое смертнаго языка парящее витійство было слабо и не достаточно, чтобъ описать ея и приличными превознесть хвалами. Граждане и многіе чужестранцы привлеченные славою къ сему прелестному зрѣлищу съ восторгомъ и изумленіемъ взирали на блескъ ея красоты не дерзая ни мало къ ней приближиться. Они приложивъ къ устамъ своимъ правую руку и первый палецъ положа на простертый указательный перстъ (ж) покланялись сей царевнѣ, какъ самой Венерѣ съ благоговѣніемъ. Уже слава пролетѣла во всѣ ближніе грады и въ сосѣднія страны, что богиня рожденная во глубинѣ лазореваго моря, и воспитанная въ пѣнистыхъ его волнахъ, оставивъ небесныя селенія спустилась на землю и между смертными обращается: или что вторично, уже не море, но земля содѣйствіемъ небесныхъ свѣтилъ другую Венеру неприкосновеннымъ цвѣтомъ дѣвства украшенную на свѣтъ породила. Сіе мнѣніе, сей

(ж) Такимъ образомъ язычники покланялися богамъ.

слухъ вседневно усугубляяся во всѣхъ странахъ и проходилъ во всѣ почти концы земные. Уже многіе изъ смертныхъ преодолѣвая трудный и долговременный путь, препобѣждая шумящія волны, и всѣ опасности, притекали во градъ сей, чтобъ видѣть славу и украшенія ихъ вѣка. Уже никто въ Пафосъ, или въ Книдъ не путешествовалъ; никто въ Цитерскіе предѣлы по волнамъ морскимъ не плавалъ для принесенія чести Венерѣ. Ея жертвы пренебрежены, храмы опустѣли, всѣ украшенія въ попраніи, и всѣ обряды священные оставлены; ея статуи неувѣнчанны благоуханными цвѣтами, ея олтари, покрыты хладнымъ прахомъ. Къ единой царевнѣ проливаются мольбы, и рождшая Купидона чтится только во образѣ смертной дѣвицы, которая въ утренніе часы являясь, взирала на закланныя въ честь себѣ жертвы и на уготованныя пиршества: народъ думалъ, что чрезъ сіе умилостивляетъ онъ отсутствующую богиню красоты. Когда Царевна шествовала по стогнамъ града, всѣ стекались во кругъ ея, растилая по стезямъ мягкія и благовонныя травы, всѣ съ благогові-

вѣ-

вѣніемъ повергались предъ нею принося въ честь ея розы и лилеи.

Сіи божественныя почести воздаваемыя смертной дѣвѣ воспламенили ревность въ Венерѣ: она кипя гнѣвомъ и потрясая своей главою рекла сама себѣ съ негодованіемъ: Какъ я? отъ которой вся природа и всѣ стихіи имѣютъ свое начало, которою вся пространнаго свѣта громада содержится, я раздѣлю честь моего величества со смертной дѣвою? Мое имя освященное на холмахъ Олимпа должно ли поругано быть въ земной юдоли? Какъ! дщерь Царская подвластная законамъ смерти почтется моимъ зерцаломъ? Могули понесть, чтобъ смертные сомнѣвались, ей, или мнѣ должны приносить они мольбы и жертвы? Или вотще премудрый пастырь, котораго правый судъ запечатлѣнъ согласіемъ и хвалою самаго Юпитера, или вотще предпочтилъ мою красоту красотѣ Юноны и Минервы? Но кто бы ни была сія смертная, она не долго насладится честію одной только мнѣ приличною. Я употреблю въ свою помощь мое могущество, и она скоро сожалѣть и рас-

скаеваться будетъ о своей преступной красотѣ. Вь тужже минуту призываетъ къ себѣ Венера своего сына: сего крылатаго младенца, исполненнаго дерзости и порочныхъ намѣренiй, который вооружась пламенникомъ и стрѣлами, презирая всѣ права и законы гражданскiе и летая изъ дому въ домъ подъ крилами темноты ночной, разрываетъ брачные узы, и всѣ свои мысли и предпрiятiя къ злодѣйству обращая, не боясь никакого мщенiя и казни, несчетныя творитъ беззаконiя. Сего младенца отъ природы склоннаго ко злости и продерзости не преминула Богиня Цитерская воспламенить и ожесточить еще больше противъ прекрасной дѣвицы: она прилетѣвъ съ нимъ во градъ, въ которомъ находилось (3) Психея, (такъ называлась младая Царевна) показала ему сiю красавицу и объявя всю ревность и досаду, которою терзаетъ ее сiя смертная дѣвица; сынъ мой: говоритъ ему воздыхая, любезный мой сынъ,

(3) Въ подлинникѣ psiche отъ Греческаго слова ψυχή, что значитъ душа.

сынъ, отмсти безчестіе своей матери, но отмсти совершенно, пролей твой гнѣвъ на смертную, которую столь безстыдно дерзаютъ равнять со мною; я тебя заклинаю въ томъ матернею нѣжностію, сладостными стрѣлъ твоихъ язвами, и пріятнымъ огнемъ твоего пламени, отмсти мой стыдъ и содѣлай властію своею, что мнѣ всего желательнѣе, чтобъ сія дѣвица воспылала неугасимымъ пламенемъ любви къ самому презрѣнному изъ всѣхъ смертныхъ, который бы столько былъ убогъ, подлъ, несчастенъ и обремененъ всякаго рода бѣдствіями, чтобъ никого во всемъ свѣтѣ, не было его злополучнѣе, и чтобъ наконецъ каждую минуту страшился онъ лишиться своей жизни. По сихъ словахъ облобызала она съ горячностію своего сына и устремилась ко брегу моря. Какъ только нѣжныя и бѣлѣйшія мрамора стопы ея коснулись поверхности зыблющихся волнъ, немедленно единымъ ея мановеніемъ отверзается морское дно, и, какъ будто уже давно возвѣщено было ея пришествіе, изходятъ изъ глубины для услугъ ея водные жители.

Дщери Нереевы приближась поютъ прїятныя въ честь богинѣ пѣсни, и сладостный ихъ гласъ разливается въ струяхъ пѣнистыхъ. Портунъ гордящїйся предлинною лазоревою брадою преклоняетъ свои колѣна и унижается предъ нею. Салацїа обременивъ нѣдро своей одежды рыбами, исходитъ изъ глубины морскїя, неся ихъ въ даръ своей богинѣ; юный Палемонъ возсѣвъ на быстраго Дельфина скачетъ предъ лицемъ Венеры разсѣкая волны и готовя путь ея шествїю. Тритоны плаваютъ во кругъ ея въ безчисленномъ множествѣ; иной трубитъ въ рогъ изъ чистой раковины составленный; другой подъемлетъ шелковый покровъ и осѣняетъ имъ главу богинину, отражая отъ нея зной лучей солнечныхъ, иной кристальное зеркало представляетъ ея взору, дабы она созерцала въ немъ свои прелести; иные соединенными силами спосѣшествуютъ колесницы ея стремленїю. Въ такой великолѣпной пышности шествовала Цитерская богиня къ державному Нептуну.

Но прекрасная Психея отъ изящныхъ своихъ прелестей не имѣла себѣ

никакого удовольствія. Всѣ стремятся на нее взирать, всѣ превозносятъ ее хвалами, но не было ни Царя, ни Князя ни самаго подлаго человѣка, который бы восхотѣлъ вступить съ нею въ брачные узы. Всѣ съ восторгомъ удивляются небесной ея красотѣ, но удивляются какъ статуѣ совершеннаго искусства, не чувствуя никакого въ себѣ пламени. Ея старшія сестры, которыхъ прелести сразмѣрны были похваламъ человѣческимъ, и не произвели во свѣтѣ столь великой о себѣ славы, вступили въ счастливое супружество съ двумя Царями. Психея одна осталась въ домѣ своего родителя, и будучи безъ жениха, оплакивала она свое уединеніе, печальна и смущена духомъ гнушалась она своею красотою, почитаема впрочемъ отъ всѣхъ Богинею всѣхъ нѣжностей и удивленіемъ свѣта. Родитель сея несчастной дѣвицы мечтая что злополучный жребій его дщери есть дѣйствіе божескаго провидѣнія и казнь небеснаго мщенія, вознамѣрился въ древнемъ Милетскомъ храмѣ просить совѣта отъ предвѣщателя Аполлонова; и заклавши тучныя жертвы, проливалъ онъ усердныя мольбы, чтобъ сіе

божество послало презрѣнной дѣвицѣ жениха достойнаго. Аполлонъ, хотя былъ Греческаго поколѣнія, и рожденъ въ Іоніи, однако любя основателя города Милета (и) отвѣщалъ Латинскимъ языкомъ:

Облекши въ брачныя, но въ слезныя одежды
На гору возведи, ты дщерь оставя долъ:
Супруга смертнаго имѣть ей нѣтъ надежды,
Но будетъ ей супругъ свирѣпъ, жестокъ и золъ,
Которой въ высотѣ летая стрѣлы мещетъ,
И вѣчной бранью всю отягощаетъ тварь;
Его могущества Юпитеръ самъ трепещетъ,
Страшатся небеса, моря и ада царь.

Годи-

(и) Милетъ, столичный Іоническій городъ, и получилъ названіе сіе отъ своего основателя Милета сына Аполлонова.

Родитель прекрасныя Психеи получивъ сей священный, но плачевный для всѣхъ отвѣтъ, возвратился въ свой домъ, сѣтуя и печалясь. Онъ объявилъ своей супругѣ жестокое судьбы опредѣленіе. Повсюду слышенъ плачь, стонъ и воздыханія. Нѣсколько дней въ такомъ жестокомъ состояніи протекло, и приближилось время исполнить толь горестное Аполлоново изреченіе. Уже приуготовляется все нужное для сего плачевнаго брака, возжигаютъ свѣтильники, мусикійскія орудія и брачныя пѣсни вмѣсто пріятнаго и сладостнаго гласа наполняютъ воздухъ жалкимъ отзывомъ. Нещастная невѣста текущія по нѣжнымъ ланитамъ слезы стирала своимъ покрываломъ. Весь градъ и вся страна оплакиваетъ злополучіе дому Царскаго; всѣ жители облеклися въ черныя одежды. Но божеское непремѣнное велѣніе уже требовало Царевну къ опредѣленной казни; итакъ совершивъ печальные обряды, исходятъ изъ града. Весь народъ обремененный оковами горести провождалъ нещастную Психею. Она проливая слезные источники, шествовала къ олтарю брачному, или лучше сказать

ко

ко своему гробу. Но видя родителей своихъ пораженныхъ печалїю и не хотящихъ исполнить столь пагубное пророчество, ободряла она ихъ такимъ образомъ: Для чего вы старость свою безполезнымъ обременяете сѣтованїемъ? Для чего жизнь свою, которая мнѣ драгоцѣннѣе собственной жизни, сокращаете непрестаннымъ воздыханїемъ? Къ чему послужатъ текущїя по ланитамъ вашимъ слезы? Для чего почтенные сѣдиною власы свои терзаете? Чрезъ сїе вы умножаете мою печаль. Се мзда и утѣшенїе, котораго должны вы были ожидать отъ моей красоты! сраженные симъ жестокимъ ударомъ вы узнали, но позно уже смертоносныя стрѣлы зависти. Когда всѣ народы и всѣ страны боготворя меня, воздавали мнѣ почести приличныя однимъ небожителямъ, когда единогласно именовали меня другой Венерою; тогда стенать сѣтовать и уже какъ мертвую оплакивать меня должно было. Я чувствую нынѣ, что одно имя Венеры погубляетъ мою красоту и младость. Но ведите меня на высоту роковой горы. Я не стерпимо желаю вступить въ брачные узы, и видѣть сего знаменитаго супруга опредѣленнаго мнѣ судьбою. Что еще медлить?

длить? Не должно ли мнѣ предускорять минуты, чтобъ принять въ свои объятія супруга рожденнаго на пагубу всему міру? Окончавъ сіи слова Психея умолчала, и сокрылась въ толпу многочисленнаго народа, который ей сопутствовалъ. Уже приближившись къ назначенной горѣ восходятъ на высоту ея, и оставляютъ тамъ одну нещастную Царевну. Брачные свѣтильники были погашены слезами служителей, которые ихъ несли, и на той же горѣ оставлены; всѣ возвращались съ печалію въ домъ свой, Царь и его супруга заключась въ свои покои предались вѣчному стенанію, и не желали видѣть лучей солнечныхъ. Но Психея объятая ужасомъ на высотѣ холма оплакивала свою горестную участь; и вдругъ сладостный Зефиръ устремляясь нѣжно въ ея объятія и развѣвая воскрилія одеждъ ея, подъемлетъ ее на свои легкія крилѣ, ниспускается тихо съ симъ любезнымъ бременемъ къ подошвѣ горы, и тамъ полагаетъ сію прекрасную дѣвицу на мягкія и благовонныя травы.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Психея утомленная печалію и прискорбіемъ, лежа на мягкомъ лугу въ объятіяхъ нѣжныхъ, и росопитаемыхъ травъ не чувствительно склонилась къ пріятному сну; опочивъ довольно и воставъ уже съ веселымъ и спокойнымъ духомъ, видитъ она рощу высокими и сѣннолиственными насажденную древами, посреди которой протекалъ источникъ, извиваясь кристальными струями; на брегѣ орошаемомъ его водами представился очамъ ея великолѣпный домъ воздвигнутый не смертнымъ искусствомъ, но божественнымъ

нымъ могуществомъ и властїю. Не возможно было помыслить, чтобъ сей пышный домъ не былъ прїятнымъ жилищемъ какого нибудь божества: столпы златые поддерживаютъ въ немъ бремя сводовъ изъ слоновой кости, или изъ кипарраснаго древа составленныхъ; всѣ стѣны, которыя встрѣчаются съ самаго входу, покрыты рѣзбою сребреною изображающею разныхъ звѣрей и животныхъ: художникъ тако украсившїй блестящїй сей металлъ, былъ безъ сомнѣнїя или человѣкъ несравненнаго искусства, или полубогъ или самый богъ. Помостъ состоялъ, изъ драгоцѣнныхъ камней раздробленныхъ и составленныхъ между собою такимъ образомъ, что различїемъ своихъ слїянныхъ цвѣтовъ изображали они прекрасную живопись. И сколь тѣ благополучны, которыхъ стопы касались злату и драгимъ всякаго рода камнямъ! прочїя сего пространнаго дома части были неоцѣненны. Стѣны въ нутри обремененные чистымъ златомъ блистали собственнымъ сїянїемъ такъ, что солнечныя лучи не нужны были для всѣхъ его покоевъ. Ковры и весь уборъ соотвѣтствовалъ великолѣпїю

сего дома наипаче, какъ бы самъ Юпитеръ соблаговоливши жить между смертными, возвысилъ и украсилъ зданіе сіе для собственнаго жилища. Психея привлеченная сею пріятностію мѣстъ подходитъ къ нимъ ближе, потомъ будучи отважнѣе; вступаетъ въ величественные чертоги, и наслаждаетъ свой нѣжный взоръ красотою различныхъ видовъ, удивляясь имъ попремѣнно. Она находитъ тамъ покои совершеннымъ искусствомъ устроенные и содержащіе въ себѣ неизчетная сокровища, въ которыхъ все то находилось, чего во всей вселенной сыскать не можно. Но всего чуднѣе и удивительнѣе для прекрасной Царевны казалось, что сіе отъ всѣхъ земныхъ концовъ собранное богатство было для всѣхъ открыто, и ни однимъ стражемъ не охраняемо. Взирая на все и всему со услажденіемъ удивляясь, услышала она гласъ существа безтѣлеснаго: для чего Психея чудишься во изумленіи сокровищу, котораго ты сама обладательница? Все, что ни видишь, все во твоей власти. Итакъ войди въ ближную спальну, и тамъ на мягкомъ одрѣ успокойся, и требуй по своей

волѣ,

волѣ, дабы уготовили тебѣ все нужное для бани. Я, которыя ты голосъ слышишь, я, и всѣ со мною живущія опредѣлены тебѣ во услуженіе, мы готовы твоимъ велѣніямъ повиноваться; исполнивъ все до твоей особы касающееся, не умедлимъ уготовить обѣдъ достойный такой Царевны. Психея ощутивъ тогда божественный о себѣ промыслъ и повинуясь совѣту невидимой дѣвицы, опочила на одрѣ, и успокоившись пріятностію сна востала; потомъ прохладно омывшись, увидѣла по близости на сребреномъ столѣ сдѣланномъ полукружіемъ приуготовленный обѣдъ, и зная, что онъ для нее, сѣла за столъ съ охотою. Немедленно подносится ей нектарное вино, и подаются разныя самыя вкусныя пищи рукою невидимою. Она слышитъ только разговоры предстоящихъ ея столу. По окончаніи обѣда нѣкто входитъ и начинаетъ пѣснь гласомъ сладостнымъ, другой ударяетъ въ Арфу, дабы тонъ ея сопутствовалъ гласу перваго. Послѣ сего внемлетъ Психея пріятное пѣніе составленное уже изъ многихъ голосовъ, и хотя никого не было видно, но позву-

чному хору можно было разсудить о множествѣ поющихъ. Насладившись такими утѣхами и видя уже наступившую ночь, удалилась Психея въ спальню, дабы предаться объятіямъ сна. Мракъ ночи усугубился, и вдругъ сладостный голосъ внемлется нѣжнымъ Царевны сея слухомъ. Она будучи въ такомъ уединеніи боится, чтобъ цвѣтъ ея дѣвства похищенъ не былъ; она паче всѣхъ золъ ужасается того, чего еще не испытала; однако неизвѣстный ей женихъ приближается, возлегаетъ къ ней на одръ и содѣлавъ ее себѣ супругою, отлетаетъ до восхожденія Авроры. Не много протекло минутъ и невидимыя особы начали между собою разговаривать, они стараются о новобрачной и о ея закланномъ дѣвствѣ. Такимъ образомъ препровождала Психея жизнь свою нѣсколько времени, и наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, новый родъ сей жизни чрезъ продолженіе времени, и отъ привычки весьма ей понравился; неизвѣстныхъ особъ голоса пустыню сію здѣлали, для ней пріятною.

Между

Между тѣмъ ея родители истощевали старость свою въ непрестанномъ плачѣ и стенаніяхъ. Слухъ о нещастіи Психеи пронесся въ отдаленныя страны; и потому двѣ старшія сестры ея, узнавъ о семъ бѣдствіи, оставляютъ своихъ супруговъ и спѣшатъ къ своимъ родителямъ, дабы соединить свои слезы и горестное сѣтованіе съ ихъ печалію. Въ самую сію ночь супругъ Психеинъ, котораго могла она только слышать и осязать; увѣщевалъ ее такимъ образомъ: Любезная моя Психея! злобою жестокія судьбы готовится тебѣ самая ужасная напасть и гибель, и потому употреби возможную осторожность: ибо сестры твои смущенныя слухомъ о твоей мнимой смерти и желая узнать точно о твоемъ жребіи, немедленно придутъ къ подошвѣ сей горы. И такъ естьли стонъ и вопль ихъ прострется даже до тебя, ты не отвѣтствуй имъ и берегись на нихъ смотрѣть; въ противномъ случаѣ неизбѣжимую на себя навлечешь погибель, а меня жесточайшею поразишь печалію.

Психея обѣщалась повиноваться непремѣнно его совѣту; но преспавъ

съ нимъ ночь сію при восхожденіи зари погрузилась она въ печаль и сѣтованіе, и въ семъ состояніи весь день препроводила. Ахъ нещастная, говоря сама себѣ поминутно, теперь ужѐ, теперь погибла я невозвратно: ибо заключена будучи одна въ прекрасной темницѣ и лишена всякаго сообщества человѣческаго, не могу я не только подать какую нибудь помощь и утѣшеніе рыдающимъ сестрамъ; но и видѣть мнѣ ихъ не позволяется. Она въ сей день не хотѣла вкусить пищи, ниже прохладить себя питіемъ, ниже омыться въ банѣ; а при наступленіи вечера удалилась въ свою спальню, проливая слезные источники: немедлено прекрасный ея супругъ возлегши съ нею на одръ и обнявъ ее рыдающую; такъ ли говоритъ ей, такъ ли прелестная Психея исполняешь свое обѣщаніе? Чего впредь могу я ожидать отъ тебя, и чего отъ вѣрности твоей надѣяться, когда уже днемъ и ночью и въ самыхъ объятіяхъ твоего супруга не престаешь ты рыдать и сѣтовать? послѣдуй уже склонности своей, исполняй желаніе свое, влекущее тебя къ погибели, но только вспомни, что я тебя увѣщевалъ

справед-

справедливо, когда будешь терзаться разкаяніемъ. Но Психея отвѣчаетъ, что она умретъ, естьли онъ не согласится на ея прозьбу; она его заклинаетъ, дабы позволилъ ей видѣть своихъ сестръ, говорить съ ними и утѣшить ихъ въ печали. Убѣжденный супругъ ея слезами соглашается на ея желаніе и сверьхъ того дозволяетъ ей дать своимъ сестрамъ столько золота, и серебра и драгоцѣнныхъ камней сколько ей угодно будетъ; но впрочемъ увѣщевалъ и угрожалъ ее, чтобъ она не слушала вредныхъ совѣтовъ и убѣжденій, когда сестры ее просить будутъ, дабы извѣстилась о видѣ и образѣ своего супруга: ибо чрезъ сіе святотатское любопытство съ высоты благополучія низвергнется въ бездну нещастія и лишится на всегда его супружнихъ объятій. Психея приноситъ ему благодарность; и уже съ радостнымъ духомъ, стократно, говоритъ ему, стократно умру прежде, нежели преступлю твои совѣты и лишуся твоего брачнаго со мною ложа. Ибо ктобы ты ни былъ, я люблю тебя, какъ свою душу, и предпочитаю нѣжному Богу любви. Но еще тебя прошу, повели служащему тебѣ

легкому Зефиру, дабы онъ пренесъ въ сіи мѣста сестръ моихъ подобно какъ меня. Потомъ обнявши его съ горячностію и стократно лобзая несчетныя показывала ему ласки и нѣжности, именуя своимъ дражайшимъ супругомъ, своимъ сердцемъ, жизнію и душею. Преодолѣнъ толь убѣдительными прозьбами, толь чувствительною нѣжностію, и не желая, согласился прекрасный супругъ Психеинъ и обѣщалъ ей все исполнить. Но солнце уже восходило и онъ оставилъ ея объятія.

Между тѣмъ сестры Психеины извѣстясь о мѣстѣ и горѣ, на которой она была оставлена, пришли туда немедленно: они начали рыдать и ударять въ свои перси; вопли ихъ и стенанія разносились въ пещерахъ, и наполняли пустыню. Изъ устъ ихъ непрестанно проистекало имя Психеи, наконецъ оно чрезъ разсѣлины и кремнистые утѣсы проникло до ея слуха. И такъ съ трепетомъ и въ изумленіи выбѣжавъ она изъ своихъ чертоговъ: для чего, вѣщаетъ имъ, для чего любезныя сестры рыдаете вы безъ всякой причины. Воззрите, я здѣсь, я

здѣсь виновница слезъ вашихъ: престаньте стенать и сѣтовать, прекратите слезные источники лїющїеся по вашимъ ланитамъ: вы можете обнять и лобзать сестру вашу. Потомъ призвавъ услужливаго Зефира проситъ его исполнить волю ея супруга. Мгновенно сей нѣжный цвѣтовъ любитель вылетаетъ и подъявши ихъ на свои нѣжныя крилѣ приноситъ безъ всякаго вреда къ прекрасной Психеѣ. Они обнимая себя взаимно, стократными лобзанїями насыщаютъ свои чувства; и слезы, которыя престали течь, обновились отъ безмѣрной радости. Войдите говоритъ имъ Психея, войдите съ веселїемъ въ мои великолѣпные чертоги, и печальный свой духъ оживите чувствїемъ чистѣйшаго удовольствїя. Присемъ показываетъ имъ всю пышность, богатство и красоту своего жилища; и наконецъ усладивъ ихъ слухъ голосами невидимыхъ рабынь повела въ баню, дабы они омылись прохладно. Послѣ сего представила имъ обѣдъ, гдѣ всѣ ѣствы обилїемъ, вкусомъ и сладостїю, подобились божественному пиршеству; но видъ толь чуднаго и небеснаго великолѣпїя сердце

и грудь сестрЪ ПсихеиныхЪ упоилЪ чернымЪ зависти ядомЪ. Одна изЪ нихЪ не преставала вопрошать ее, кто сего сокровища и сихЪ чрезвычайныхЪ рѣдкостей господинЪ и владѣтель, кто, и какого свойствя ея супругЪ.

Но Психея помня супружнiе совѣты, и заключивЪ во глубинѣ сердца тайну ей ввѣренную вымышляетЪ немедленно хитрость: она имЪ, говоритЪ что супругЪ ея молодой юноша красоты совершенной и сложенiемЪ тѣла прелестенЪ, и которой почти всегда на горахЪ и поляхЪ упражняется вЪ звѣриной ловлѣ. Но чтобЪ продолженiемЪ разговора не открыть ей чего нибудь тайнаго, даритЪ она имЪ премного злата, серебра и драгоцѣнныхЪ камней, потомЪ призвавЪ Зефира повелѣваетЪ ему отнесть обратно своихЪ сестрЪ безЪ всякаго оскорбленiя. Ея воля исполнена была вЪ минуту.

ИтакЪ возвращаясь они отЪ Психеи вЪ свои домы и нося вЪ груди своей разлившуюся желчь зависти, сЪ досадою и злобно разговаривали на пути о благополучiи своей сестры.

Жестокая

Жестокая и несправедливая судьба! говоритъ одна изъ нихъ; или тебѣ угодно, дабы мы отъ единыя родившись крови толь различное имѣли счастіе? для чего мы будучи старшія, преданы тобою въ рабство чужестраннымъ супругамъ, для чего изсторгнуты изъ дому и отечества своего, и отъ объятій своихъ родителей, скитаемся повсюду какъ изгнанницы? Для чего Психея родясь уже послѣднею, и меньше нашего имѣя достоинствъ вступила въ супружество съ нѣкимъ божествомъ, и наслаждается такимъ счастіемъ, котораго она не знаетъ цѣны и не можетъ употреблять его для своего удовольствія?

Ты примѣтила, сестра моя, сколько въ ея чертогахъ находится драгоцѣнныхъ вещей, какія златотканныя одежды, какое множество неоцѣненныхъ камней, какое повсюду убранство, и сколько притомъ злата попирается ея ногами! естьли супругъ ея столько прекрасенъ, какъ она хвалилась, то нѣтъ уже нединаго изъ смертныхъ, котораго бы счастіе могло сравняться съ ея блаженствомъ, и можетъ быть

супругъ

супругъ ея усугубляя къ ней свою любовь и горячность, будучи самъ божество возведетъ ее со временемъ на степень божества. Такъ по истиннѣ, я о томъ не сомнѣваюсь: ея величественная поступка, ея благородный видъ и станъ, ея власть надъ вѣтрами, и надъ голосами невидимыхъ рабынь, все сіе неявный ли знакъ, что она нѣкогда будетъ Богинею? Но я несчастная получила себѣ мужа, которой старше моего родителя, лишенъ уже волосъ, и безсильнѣе всякаго младенца, притомъ столь скупъ и недовѣрчивъ, что все въ его домѣ за крѣпкими стрежется замками.

Но мой супругъ, отвѣтствуетъ другая, уже весь согбенъ и страждетъ неизцѣльной подагрою, разсуди, какое отъ него удовольствіе моей младости; часто случается, что я должна нѣжными своими руками разогрѣвать его изсохшіе и окаменѣвшіе персты; употребляя на то скверное сукно и пахучія масти, я несупружную, но лекарскую принемъ исполняю должность. Наконецъ любезная сестра, разсмотри и разсуди, имѣемъ ли мы столько въ

себѣ

себѣ великодушія, или лучше сказать, подло и рабской слабости (ибо я должна говорить тебѣ искренно,) дабы снесть толикое униженіе нашего жребія предъ жребіемъ Психеи? Что касается до меня, я признаюсь, что не могу болѣе терпѣть столь великаго благополучія, дарованнаго недостойной дѣвицѣ: воспомни сколь гордо поступала она съ нами, съ какой надменностію духа показывала намъ всѣ сокровища, изъ которыхъ малую только часть, притомъ съ несноснымъ презрѣніемъ удѣлить намъ восхотѣла и вскорѣ наскучивъ нашимъ присутствіемъ приказала вѣтру изнести насъ изъ своихъ чертоговъ, и расталась съ нами, являя видъ посмѣятельный. Я не хочу называться женщиною, и лучше умру, ежели сію гордую съ толикаго степени блаженства и великолѣпія не повергну въ бездну убожества и всѣхъ бѣдствій. Естьли безстыдное ругательство ею намъ нанесенное столькоже тебѣ, сколь мнѣ чувствительно, согласимся вмѣстѣ и будемъ изобрѣтать возможныя мѣры для ея погибели. Богатство ею намъ данное нетокмо другому кому, но ниже родителямъ

своимъ

своимъ необъявимъ; и скажемъ притомъ, что мы не могли извѣститься о ея состояніи. Довольно того, что мы сами видѣли хотя впрочемъ къ своему неудовольствію и досадѣ, не будемъ разглашать въ народѣ и въ домѣ своихъ родителей такого и столь великаго ея благополучія: ибо тѣ неиствинно блаженны, которыхъ богатство и счастіе прочимъ неизвѣстно; узнаетъ Психея, что мы ея старшія сестры, а не рабыни. Теперь пойдемъ въ свой убогій домъ къ своимъ дряхлымъ супругамъ; дабы предпріявъ всѣ возможныя мѣры и средства уже съ большею надеждою и отважностію возвратиться къ сей гордой сестрѣ, чтобъ наказать ея безстыдное высокомѣріе. И такъ двумъ злобнымъ и завистнымъ женщинамъ угодно стало злостное намѣреніе противу добродѣтели; они въ немъ клятвою утвердились, и потому сокрывъ и утаивъ драгоцѣнныe дары, которыми наградила ихъ чистосердечная сестра, пришли они въ домъ родительскій рыдая горестно и терзая свои власы; но все то было притворно и умышленно. Они чрезъ сію печаль и сѣтованіе усугубивъ еще стократно

слезы

слезы отчаянныхъ родителей отправились къ своимъ супругамъ, дыша злобою и нося въ мысляхъ беззаконное коварство, или паче самое отцеубивство противу сестры невинной.

Между тѣмъ неизвѣстной оный Психеинъ супругъ, непрестанно во время ночи подаетъ ей полезные совѣты; видишь ли, говоря, сколь ужасное бѣдствіе готовится тебѣ жестокостью судьбы? оно еще далеко; но естьли заблаговременно не остережешься съ возможною бодростію, оно къ тебѣ приближится и ты падешь подъ тяжкимъ его ударомъ. Вѣроломныя твои сестры напрягаютъ всѣ силы для уловленія твоей невинности въ коварныя сѣти; особливо стараются они, убѣдить твою легковѣрность, дабы ты непремѣнно узнала; кто я таковъ, и увидѣла при томъ мое лице, которое, какъ я прежде сказалъ, естьли однажды увидишь, то уже вѣчно неслучится тебѣ его видѣть.

Итакъ ежели скверныя оныя обаятельницы придутъ къ тебѣ, и они придутъ непремѣнно вооружась коварнымъ

нымъ совѣтомъ и злоумышленіемъ; то не удостоевай ихъ своего разговора, и своихъ отвѣтовъ, когдажъ по природной сердца твоего простотѣ, и по твоей къ нимъ нѣжности не можешъ къ тому себя принудить, по крайней мѣрѣ не слушай ничего что будетъ до меня касаться, и ни мало не отвѣтствуй на ихъ обо мнѣ вопросы.

Уже скоро домъ нашъ умножится: ибо твое младое чрево заключаетъ въ себѣ драгоцѣнный плодъ, и залогъ нашего брака. Я тебѣ кленусь, ежели въ безмолвіи сокроишь нашу тайну, рожденное тобою дитя будетъ въ числѣ Боговъ, но въ противномъ случаѣ, будетъ онъ простой смертной.

Психея внимая толь желанную вѣсть усугубляетъ свою красоту и прелести, она сплещетъ божественному чрева своего плоду, восхищается славою грядущаго залога, и утѣшается любезнымъименемъ и достоинствомъ родительницы: она съ крайнимъ стараніемъ счисляетъ мѣсяцы и дни, желая нетерпѣливо породить на свѣтъ небожителя. Ей удивительно и неизвѣстно

кажется, отъ чего ея чрево такое получило себѣ приращеніе; но ея сестры сіи двѣ адскія фуріи, дышущія змѣинымъ ядомъ плывутъ уже по морскимъ волнамъ съ беззаконною поспѣшностію для исполненія своего проклятаго предпріятія.

Тогда супругъ Психеинъ еще увѣдомляетъ ее о наступающей напасти: уже послѣдній день, говорилъ онъ ей, послѣдній день, и время твоей погибели приближилось: твои неблагодарныя и лютыя сестры пріяли противу тебя оружіе, они ополчились и уже на тебя устремляются. Злобою изощренный кинжалъ уже вознесли на твою невинную и нѣжную грудь. Ахъ любезная Психея, сколь великими окружена ты бѣдствіями! сжалься надъ собою и надъ моею къ тебѣ горячностію, священнымъ безмолвіемъ соблюди отъ паденія домъ нашъ, избавь отъ гибели себя, твоего супруга и драгоцѣнный залогъ въ твоей утробѣ хранимый, не взирай на сихъ беззаконныхъ женщинъ, которыхъ ты не должна уже почитать сестрами, когда они прервавъ кровные узы непри-

миримую тебѣ объявили войну; не внимай симъ вѣроломнымъ Сиренамъ, естьли они восшедши на сію высокую гору наполнятъ пагубнымъ воплемъ разсѣлины камней и окрестныя долины.

Но Психея томнымъ и прерывающимся отъ вздоховъ отвѣтствуетъ ему голосомъ: я увѣрена, что до сего времени довольныя вѣрности и молчанія моего видѣлъ ты опыты; наступающій случай покажетъ тебѣ яснѣе твердость моего духа; и ты узнаешь, умѣю ли хранить ввѣренную тайну; прикажи только Зефиру твоему, дабы еще онъ мнѣ повиновался. И когда уже не дозволено мнѣ видѣть божественное лице твое, дозволь по крайней мѣрѣ насладиться лицезрѣніемъ сестръ моихъ; позволь, я тебя заклинаю твоими благоуханными и развѣвающимися по раменамъ власами и сими ланитами, которыя осязая нахожу столько же нѣжными и полными, сколько мои ланиты. Заклинаю тебя твоимъ сердцемъ, которое пламенѣетъ чрезъестественнымъ и мнѣ неизвѣстнымъ жаромъ. Сжалься надо мною, услыши мои усердныя и благо-

говѣйныя мольбы, возвесели мое сердце желаемымъ объятіемъ сестръ моихъ; тобой живетъ и дышетъ моя душа, я не убѣждаю тебя, чтобъ явился ты мнѣ въ своемъ точномъ видѣ; можетъ быть я удостоюсь созерцать тебя въ драгоцѣнномъ залогѣ нашего супружества. Я не устрашаюсь и ночнаго мрака держа тебя въ своихъ объятіяхъ, тебя, котораго почитаю себѣ немерцающимъ свѣтомъ. Сими ласками и лобзаніями очарованный супругъ соглашается на прозьбу Психеи и отираетъ ея слезы своими мягкими власами; и обѣщавшись исполнить ея желаніе отлетаетъ отъ нее до восхожденія солнечнаго. Заклявшіяся на погибель ея сестры, приставъ ко брегу выходятъ изъ корабля съ споспѣшностію, и не посѣтивъ своихъ родителей направляютъ путь свой прямо къ горѣ Психейной и на нее восходятъ. Не дожидаясь притомъ отъ Зефира помощи, которой долженъ былъ ихъ ниспустить съ высоты, устремляются они продерзко на воздухъ; но сей быстрокрилый вѣтръ помня наложенную себѣ должность, пріемлетъ ихъ хотя съ негодованіемъ въ свои объятія и

ниспускаетъ легкимъ вѣяніемъ на землю предъ чертоги Психеины, въ которые они немедленно вшедши обнимаютъ жертву своей хитрости, называя ее своею любезною сестрою; они гнусное свое злоумышленіе сокрывъ подъ завѣсой притворной радости; Психея! говорятъ ей, уже ты не юная отроковица, но скоро украсишся желаннымъ названіемъ матери. Сколько беременность твоя обѣщаетъ намъ утѣшенія! какою радостію восхитишь весь нашъ домъ! благополучны мы и стократно благополучны будемъ; когда въ нашихъ объятіяхъ воспитается и возрастетъ толь драгоцѣнное дитя, которое соотвѣтствуя красотою своимъ родителямъ не уступитъ ни въ чемъ прелестному Купидону. Сею ложною дружбою и симъ умышленнымъ ласкательствомъ обольщаютъ помалу сердце и невинность Психеину. Она мгновенно посаждаетъ ихъ на златотканные ковры, дабы успокоились отъ дальнаго пути, потомъ теплотою бани обновляетъ ихъ силы: наконецъ великолѣпной и всѣми небесными пищами обилующій столъ утѣшаетъ ихъ сердце. Психея даетъ знать, чтобъ играли

на

на арфѣ, ее воля исполняется; чтобъ играли на флейтахъ, ей повинуются; она хочетъ, чтобъ всѣ мусикійскіе органы соединились съ пріятностію поющихъ голосовъ; вдругъ слышится громкій и сладостный хоръ; и все сіе происходитъ невидимо. Однако сіе утѣшительное и небесное пѣніе не могло усыпить и уничтожить бѣшенства и волнующейся ярости въ сердцахъ вѣроломныхъ сестроубійцъ: они всегда пылая мщеніемъ и нося въ груди своей злобное коварство, начинаютъ съ притворною ласкою спрашивать у Психеи, кто ея супругъ, и отъ какой знаменитой крови онъ рожденъ. Она по природной своей простотѣ и чистосердечію забывши прежній на сей вопросъ отвѣтъ, немедленно вымыслила новый и совсѣмъ отмѣнный обманъ: она говоритъ имъ, что супругъ ея изъ ближней провинціи знаменитой купецъ; и потому чрезвычайно богатой человѣкъ, впрочемъ средняго вѣку и уже имѣетъ нѣсколько сѣдыхъ волосовъ: но чтобъ не продолжить досаднаго ей разговора, вторично обогащаетъ она ихъ различными подарками, и приказываетъ служебному вѣтру исполнить

свою должность. Немедленно Зефиръ на легкихъ и крылатыхъ своихъ раменахъ перенесъ ихъ на свое мѣсто. Они возвращаясь въ родительскій домъ, разсуждали между собой такимъ образомъ: что думаешь ты любезиая сестра, говорила одна изъ нихъ, о семъ смѣшномъ обманѣ, которой безумная сестра противу насъ употребила? прежде супругъ ея былъ молодой и прекрасной юноша, а нынѣ уже довольныхъ лѣтъ и съ сѣдинами. Какъ можно повѣрить, чтобъ въ толь краткое время могъ онъ состарѣться? уже ли онъ отмѣннаго рода, нежели прочіе люди? безъ сомнѣнія, отвѣтствуетъ другая, или Психея не восхотѣла намъ открыть самую истинну, или она никогда не видала въ лице своего супруга. Но какъ бы то ни было, однако исторгнемъ ее отъ объятій такого благополучія: положимъ, что она подлинно своего супруга не знаетъ, то не явной ли знакъ, что сопряжена съ какимъ нибудь богомъ, и въ утробѣ своей носитъ отроча божественное. Я кленусь, естьли она породитъ на свѣтъ полубога, (чему не желаю збыться), то непремѣнно сама себя убью

или

или удавлюсь. Но теперь возвратимся къ своимъ родителямъ, и для окончанія своего предпріятія употребимъ всѣ надлежащія мѣры. Воспламененныя страстію толикаго злодѣйства приходятъ въ домъ и привѣтствовавъ своихъ родителей съ холодностію, востаютъ опять въ самую полночь; и какъ Фуріи смущая всѣхъ находящихся въ чертогахъ царскихъ, устремляются съ поспѣшностію ко высокой горѣ и на нее восходятъ; при наступленіи дня, оттолѣ помощію Зефира спускаются къ Психеѣ, и стараясь насильно притворныя изливать слезы, простираютъ къ ней рѣчь коварствомъ сплетенную: любезная сестра, ты живешь здѣсь спокойно и счастливо, незная грозящей тебѣ напасти, но мы бодрствуя о благополучіи твоемъ, мы сѣтуемъ и печалимся видя жизнь твою уже почти въ узахъ смерти. Мы пріемля участіе во всемъ, что касается до твоего жребія, не можемъ отъ тебя сокрыть того, о чемъ недавно съ достовѣрностію извѣстились. Ибо страшный и превеликій змій клубящійся въ премногія изгибы, и отрыгая смертоносный ядъ и кровь изъ широкой своей гортан-

танной челюсти, приходитъ всякой вечеръ и возлегаетъ къ тебѣ на одръ для препровожденія ночнаго времени. Воспомни Психея отвѣтъ Аполлоновъ, которой предсказалъ, что будетъ тебѣ супругомъ ужасное и свирѣпое чудовище. Многіе земледѣльцы и окрестные пастухи видѣли сего змія, какъ онъ вчерашняго вечера возвратившись со паствы своей, купался и плавалъ въ рѣкѣ текущей близь подошвы сея горы; и всѣ утверждаютъ единогласно; что уже не долго наслаждаться ты будешь утѣхами и пріятностьми, которыя онъ для тебя опредѣлилъ, и что при самомъ разрѣшеніи отъ твоего бремени, когда будешь толще и полнѣе, нежели нынѣ, не преминетъ онъ пожрать тебя свирѣпо. Итакъ разсмотри сама, что для тебя лучше, хочешь ли ты повѣрить сестрамъ своимъ пекущимся о драгоцѣнной твоей жизни, хочешь ли избѣжавъ смерти, жить съ нами во всякой безопасности и прохладѣ; или предпріемлешь на семъ остаться мѣстѣ и погребстись въ ужасномъ чревѣ свирѣпаго чудовища. Но естьли не смотря на совѣты наши прельщаетъ тебя сія уединенная долина, въ которой

пріятные, но неизвѣстные внемлетъ слухъ твой гласы, естьли постыдное и тайное сообщеніе со зміемъ ядоносным тебѣ непротивно, и его обьятія не гнусны, естьли, повторяемъ мы, намѣрена ты здѣсь непремѣнно препровождать жизнь свою; то уже не вини и не произноси на насъ печальныхъ жалобъ: мы все, что требуется отъ сестръ, мы все исполнили.

Тогда несчастная Психея будучи вѣроимчива и простосердечна вострепетала отъ сихъ ужасныхъ и плачевныхъ новостей, и лишившись почти душевныхъ силъ, забыла всѣ совѣты своего супруга и равно свои обѣщанія: она уже повергается въ бездну своего нещастія, ужасъ ея стѣсняетъ отвсюду, ея прелестное лице обезображается блѣдностію, и темнымъ облакомъ покрываются у ней свѣтлые очи; наконецъ слабымъ и прерывающимся голосомъ отвѣтствуетъ сестрамъ коварнымъ: безъ сомнѣнія вы убѣдительные вашего ко мнѣ усердія и горячности показываете знаки; но и тѣ поселяне, которые вамъ о семъ чудовищѣ говорили не вымышленную ложъ,

мнѣ кажется, соплетаютъ: ибо, сказать истинну, я никогда не видала въ лице моего супруга, и притомъ не знаю, изъ какой онъ страны; но только въ ночное время слышу голосъ его, и онъ обыкновенно предъ свѣтомъ меня оставляетъ, и потому легко могу вашимъ словамъ повѣрить, что супругъ мой какое нибудь чудовище, а особливо, что онъ всегда и съ великимъ убѣжденіемъ запрещаетъ мнѣ изпытывать о его породѣ и его точномъ видѣ, и угрожаетъ мнѣ страшнымъ бѣдствіемъ за такое въ семъ случаѣ любопытство. И такъ любезныя сестры, естьли имѣете какое нибудь средство и способъ вспомоществовать бѣдствующей Психеѣ; то не медлите и будьте чувствительны: ибо кто не печется о себѣ и надѣется только на божескій промыслъ, тотъ недостоинъ его защиты и благодѣяній.

Тогда сіи нечестивыя женщины, видя отверстую дверь Психеина сердца, оставляютъ тайныя хитрости; и пріявъ злобы своея и коварства мечи устремляются явно и прямо во внутренность трепещущихъ ея мыслей.

Одна изъ нихъ говоритъ Психеѣ: священные узы крови соединяющіе насъ съ тобою убѣждаютъ насъ не страшиться никакого бѣдствія, только бы могли мы избавить и освободить тебя отъ погибели; и потому единственное средство изобрѣтенное нами съ великимъ раченіемъ, и могущее исторгнуть тебя отъ челюстей смерти предложить тебѣ не преминемъ: приуготовь, любезная сестра, самый острый мечь, и положи его тайно подъ вашъ одръ на той сторонѣ, на которой ты обыкновенно ложишься, притомъ возженный свѣтильникъ съ довольнымъ елеемъ поставь въ сокрытомъ мѣстѣ подъ способной сосудъ; и все сіе исполняй со всевозможною осторожностію; наконецъ когда твой супругъ въ различные клубясь изгибы приползетъ и возлегши къ тебѣ на одръ предается объятіямъ сперва тонкаго, а потомъ уже глубокаго сна: тогда востань съ твоего одра безъ всякаго шуму, и сколько можно осторожнѣе сыщи сокрытый свѣтильникъ, и при помощи его дерзай совершить геройское дѣйствіе, возми острый мечь, и поднявъ его къ верху, съ самымъ возможнымъ стремленіемъ и усиліемъ

отсѣки

отсѣки голову сею дракона. Мы не умедлимъ тебѣ вспомоществовать. Ибо, какъ только жизнь твоя будетъ уже въ безопасности чрезъ смерть страшнаго чудовища, мы въ скорости къ тебѣ возвратимся, чтобъ общими силами унесть все здѣсь заключенное сокровище, и потомъ сопряжешься ты брачными узами съ человѣкомъ достойнымъ твоея красоты и породы. Сими вредоносными совѣтами воспламенивъ сердце несчастныя Царевны, но сами впрочемъ боясь, чтобъ не обличились въ толикомъ злодѣяніи, и не подвергнулись чрезъ то неминуемой погибели; немедленно прощаются съ Психеею, и подъяты на крилѣ Зефира относятся на гору, отколѣ устремившись въ бѣгство къ своимъ кораблямъ, входятъ въ нихъ и отплываютъ съ поспѣшностію въ свои домы.

Но Психея оставшись одна, или лучше сказать, съ лютыми фуріями, которые сердце и грудь ея терзали, волновалась, подобно обуреваемому отъ сильныхъ вѣтровъ морю. Она хотя съ непреодолимымъ упрямствомъ съ не премѣннымъ намѣреніемъ рѣшилась и готова была ис-

исполнить свое безумное предпріятіе; однако еще неизвѣстностью его колебалась; въ семъ печальномъ состояніи тысящью различныхъ страстей раздираемо было ея сердце.

Она поспѣшаетъ, и остановляется, дерзаетъ и трепещетъ; не надѣется на себя, однако пылаетъ гнѣвомъ; и что всего для нея мучительное, гнушается и ненавидитъ сіе чудовище, какъ змія, но тогда же любитъ его, какъ своего супруга. Наконецъ видя склоняющійся къ вечеру день, устремляется она съ поспѣшностію, чтобъ пріуготовить все нужное къ своему злоумышленію, или паче къ своей погибели. Ночь уже наступила и неизвѣстный къ ней приходитъ супругъ, онъ лобзаетъ ее, онъ ее объемлетъ, и показываетъ чувствительные горячности знаки и - - - Наконецъ онъ погружается въ глубокой сонъ. Тогда уже Психея слаба, впрочемъ и безсильна душею и тѣломъ, но поощряема своей несчастною судьбою пріемлетъ новую крѣпость и новое мужество превышшее своего пола. Она сходитъ тихо съ своего одра, беретъ сокрытый свѣтильникъ,

никъ, и вынимаетъ пагубоносный мечь; но едва только освѣтился брачной одръ; она увидѣла на немъ самое пріятное любезное, и милое чудовище, она увидѣла прелестнаго Купидона, лежащаго на одрѣ восхитительнымъ образомъ. При семъ зрѣлищѣ, блескъ свѣтильника отъ блеску красоты купидоновой усугубляется, и мечь желаетъ по видимому притупить свое остріе. Но Психея изумлена будучи симъ неожидаемымъ видомъ, лишается почти всѣхъ чувствій; она блѣднѣетъ, ужасается, трепещетъ, и немогши стоять на ногахъ, упадаетъ на свои колѣна, она хочетъ сокрыть мечь, но только во грудь самой себѣ, и непремѣнно бы совершила сіе намѣреніе, естьлибы злодѣйское желѣзо изъ трепещущихъ отъ страха рукъ ея не упало. Она сколь ни смущенна и отчаянна была: но отъ созерцанія сего прелестнаго божества силы ея обновились, и тайное услажденіе сердцемъ ея овладѣло. Она видитъ златые на головѣ его волосы орошенные Нектаромъ, и по персямъ и раменамъ его извивающіеся струями; отъ которыхъ безмѣрнаго сіянія помрачался блескъ возженнаго свѣтильника;

ка; видитъ млечную выю, и ланиты прелестнымъ играющія румянцомъ. Онъ имѣлъ розовыя крилѣ, у которыхъ легкія и нѣжныя перья казалось вѣяніемъ Зефира движутся и играютъ, хотя онъ пріятнымъ тогда сномъ наслаждался; всѣ прочіе тѣла его члены были совершенной красоты и размѣрности: словомъ, это былъ достойный сынъ прекрасныя богини Циферской. Психея увидѣвъ вблизи одра лежащій на полу колчанъ, лукъ и стрѣлы, какъ оружія сего всемочнаго бога уязвляющаго насъ сладосно; съ крайнимъ вниманіемъ и удивленіемъ разсматриваетъ ихъ и перебираетъ; потомъ взявши одну стрѣлу, хотѣла прикосновеніемъ своего перста узнать, сколь она остра, но онъ отъ страха содрогнулся и Психея уязвила сей перстъ столько, что по верьхъ его тѣла выступили капли розовой крови. Итакъ Психея по незнанію и безъ всякаго намѣренія влюбилась въ самую Любовь. Тогда уже стократно страстнѣе пылая любовію къ своему супругу, она его лобзаетъ съ нѣжностію, и усугубляетъ сіи лобзанія съ поспѣшностію,

и желаетъ еще чтобъ продолжился его сонъ пріятный.

Но когда она утѣхами толь сладостными восхищалась, то вѣроломный свѣтильникъ, или завидуя и ревнуя такому ея счастію, или самъ равно желая прикоснуться и какъ бы лобзать сіе прелестное божество, воскипѣлъ больше и отрыгнулъ горящаго масла каплю на правое рамо купидоново. Ахъ! дерзновенный свѣтильникъ, ты сожигаешь самаго виновнка и творца всякаго пламени! Такъ ли долженъ ты служить нѣжнымъ любовникамъ? Ты, которой изобрѣтенъ ими съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имъ при свѣтѣ твоемъ возможно было и во время ночи, наслаждаться лицезрѣніемъ особъ любимыхъ? Купидонъ ощутивъ вещественный огонь, вдругъ пробуждается, и увидѣвъ что Психея преступивъ его совѣты, не сохранила вѣрности и тайны, мгновенно отъ ея объятія отлетаетъ, не произнесши ни единаго слова своей несчастной супругѣ. Но она обѣими руками ухватясь за правую бедру его, возносится съ нимъ на высоту и летитъ по воз-

душнымъ зыбямъ дотолѣ, пока утомясь упадаетъ на землю. Однако сей любовный богъ не хотя вдругъ оставить Психею въ такомъ плачевномъ состоянiи, возлетаетъ на ближнiй Кипарисъ, съ высоты котораго, говоритъ ей утѣшительнымъ образомъ: Неосторожная и чрезъ мѣру простосердечная Психея! ты не знаешь, что я пренебрегши всѣ велѣнiя Венеры моей родительницы, которая убѣждала меня воспламенить твое сердце любовiю къ самому несчастному, подлому и презрѣнному изъ всѣхъ смертныхъ, я, говорю, преслушавъ ее, и почитая твои прелести самъ воспылалъ къ тебѣ огнемъ чистѣйшимъ. Но признаюсь, сiе учинилъ я безразсудно. Будучи самъ искусный и знаменитый стрѣлометатель, или для того собственною моею стрѣлою пронзалъ себя, и заключилъ съ тобою брачные узы, чтобъ показался я тебѣ чудовищемъ, и чтобъ остріемъ меча отсѣкла ты мнѣ голову имѣющую прѣлестные и плѣнившiеся тобою очи? Я всегда предостерегая увѣщевалъ тебя съ нѣжностiю, дабы не любопытствовать тебѣ, и не искать моего лицезрѣнiя. Но зло-

вредныя твои совѣтницы за такую пагубоносную хитрость и коварную зависть немедленно получатъ отъ меня достойныя казни. Что касается до тебя, я наказую твою неосторожность своимъ съ тобою разлученіемъ. Произнесши сіи слова, подъемлется онъ на воздухъ легкими крилами.

Психея простерта будучи на земли и самою чувствительнѣйшею терзаема печалію, провождала томными очами полетъ своего супруга; но когда ужѐ легкостію крилъ своихъ несясь стремительно въ подоблачные предѣлы, изчезъ онъ отъ ея смущеннаго взора, то повергласъ она мгновенно въ быструю глубину близь текущія рѣки, которыя волны, благоговѣя къ прекрасному богу Любви, имѣющему власть воспламенять бездны влажной стихіи, не дерзнули погребсти въ себѣ прелестную Царевну, но пренесли ее безъ всякаго вреда на брегъ душистыми усыпанный цвѣтами. По случаю богъ Панъ, (а) лѣсовъ и всего сельскаго жи-

(а) Панъ по мнѣнію Грековъ сынъ Меркуріевъ и Пенелопинъ, и богъ пастырей; онъ

жилища покровитель, сидѣлъ на брегѣ семъ на возвышенномъ камнѣ, и влюбленъ будучи въ Нимфу, Сиранисой называемую, но превращенную въ кустарникъ, игралъ онъ на своей пастушей свирѣли различныя пѣсни и научилъ тому свою нещастную любовницу; вокругъ его прыгаютъ разныя козы пасясь на злачной муравѣ. Сей лѣсной житель увидя стенящую и отчаянну Психею, и зная притомъ все съ нею случившееся благосклонно къ себѣ ее призываетъ, и сими ласковыми утѣшаетъ словами: *Любезное мое чадо, хотя я простой поселянинъ и пастушескую жизнь веду; но старость моя уже покрытая сѣдинами, меня многому изучила, и чрезъ всегдашнее въ естественныхъ опытахъ упражненіе я*

онъ почитался также богомъ природы. Ибо сіе слово *Панъ* на Греческомъ значитъ *все*, притомъ думаютъ, что весь его видъ и сложеніе тѣла изображало всѣ начальные свѣта стихіи. Его рога, козьи ноги, дубина, флейта и все прочее имѣло свое означеніе. Страстный жаръ, съ какимъ онъ гонялся въ лѣсахъ за Нимфами, знаменовалъ склонность къ дѣторожденію разлиянную во всѣ существа видимаго міра.

довольно искусенъ въ знаніяхъ. И такъ, естьли я не обманываюсь, или, какъ благоразумные говорятъ мужи, ежели я пророкъ, то разстроенная твоя походка, трепещущія колѣни, блѣдной цвѣтъ лица, томные взоры и вздохами стѣсненная грудь ясно мнѣ показываютъ, что влюблена ты чрезмѣрно; и потому послушай любезное дитя моихъ совѣтовъ; никогда впредь недерзай подвергаться самовольной смерти; отри твои слезы, утоли печальное сѣтованіе; и проливай паче усердныя мольбы къ Купидону, яко къ божеству сильнѣйшему; онъ младъ, нѣженъ, и чувствителенъ, и потому усердіе твое и преданность не оставитъ безъ достойнаго награжденія, и увѣнчаетъ твое желаніе счастливымъ успѣхомъ.

Психея ничего не отвѣтствуя сему начальнику и покровителю пастуховъ, и воздавъ только ему честь какъ божеству снисходительному, продолжала путь свой далѣе. Она совершила довольно времени въ печальномъ странствованіи; потомъ изумленными и заблуждающимися стопами вышла безъ

вся-

всякаго намѣренія на одну дорогу, которая привела ее въ нѣкоторой городъ, гдѣ царствовалъ мужъ одной изъ ея сестръ коварныхъ. Она узнавъ о семъ, проситъ жителей, чтобъ возвѣстили приходъ ея Царицѣ. Немедленно къ ней она была допущена; по взаимныхъ объятіяхъ вопрошающей сестрѣ о причинѣ путешествія отвѣчаетъ она такимъ образомъ.

Воспомни совѣтъ изреченный мнѣ вашими устами, когда убѣдили вы меня, чтобы чудовище приходящее всякую ночь возлегать со мною, погубила я острымъ мечемъ прежде, нежели пожретъ оно меня своими челюстьми; я предпріявъ отважно совершить намѣреніе при зазженномъ свѣтильникѣ, увидѣла чудное и небесное зрѣлище: представился моему взору лежащъ спокойно на одрѣ прелестный сынъ Цитерскія богини, сей самый Купидонъ, котораго могущество, власть, и красоту никто изъ смертныхъ описать не можетъ. Восхищенна радостію и упоенна любовію взирая на его блистящее лице, устремилась я лобзать и обнимать его стократно; но къ лютѣй-

 шему

шему несчастію, въ самую сію минуту излетѣла на его плеча капля горящаго въ свѣтильникѣ масла, отъ чего мгновенно пробудившись и видя меня въ такомъ вооруженіи: злодѣйка! говоритъ онъ мнѣ, за сіе твое гнусное намѣреніе я навсегда прерываю съ тобой узы брачные, удались отъ моего ложа немедленно: ибо я въ сію же минуту хочу сочетаться бракомъ съ твоей сестрою, при чемъ и назвалъ тебя по имени, удались неблагодарная. Послѣ сего повелѣлъ онъ Зефиру отнесть меня за предѣлы своего жилища.

Не успѣла еще Психея окончать своихъ рѣчей, какъ вдругъ ея сестра, безразсуднымъ воспаленна желаніемъ и злобною подстрѣкаема завистію, обольстивъ хитро своего мужа, представляя ложно, что родитель ея при смерти уже находится, восходитъ на корабль и устремляетъ свое плаваніе къ высокой оной горѣ: на которую востекши не испытуетъ она, что дующій вѣтръ точно ли услужливый Зефиръ, но слѣпою предводима надеждою, пріими, говоритъ, пріими Купидонъ достойную тебя супругу! и ты, Зефиръ,

ты пріими на свои крилѣ твою повелительницу. По семъ стремительно поверглась съ высоты на воздухъ. Однако она ниже мертвая могла достигнуть прекрасной долины: ибо всѣ члены и кости ея летя чрезъ каменныя утесы и разсыпаясь по воздуху служили по достоинству снѣдью птицамъ и хищнымъ звѣрямъ, которые на полетѣ еще ихъ подхватывали. Другая сестра не умедлила испить горестную Купидонова отмщенія чашу: ибо Психея также по неизвѣстному случаю зашла въ нѣкоторой городъ, гдѣ находилась сія коварная сестра, которая подобно первой обольщена искуствомъ Психеинымъ, и желая равно соединиться узами брака съ такимъ достойнымъ женихомъ, поспѣшила на высоту горы, и тамъ бѣдственнымъ образомъ, какъ и первая, на стреминахъ каменистыхъ извергла свою душу, раздробивъ на мѣлкія части свое тѣло. Между тѣмъ, какъ Психея съ возможнымъ тщаніемъ протекала всѣ страны ища своего супруга; онъ на противъ того отъ кипящей елейной капли болѣзнуя лежалъ на одрѣ своей матери. Тогда едина изъ бѣлыхъ

оныхъ птицъ, которыя плаваютъ часто по волнамъ пѣнистаго моря, погружается въ глубокую бездну Океана, гдѣ обрѣтши плавающую и моющуюся Венеру, извѣщаетъ ее, что любезный ея сынъ лютою страждетъ болѣзнію и жизнь его въ крайней опасности, и что уже всѣ народы единогласными устами поносятъ и злословятъ весь домъ Венеринъ: ибо Купидонъ на высотѣ горы утѣшался объятіями своей любовницы, а ты въ нѣдра Нептуновы удалившись забавляешься съ Ѳетидою; и чрезъ сіе уже во всей подсолнечной ни пріятностей, ни забавъ, ни прелестей, ни утѣхъ, ни веселыхъ усмѣшекъ не видно; но всѣми грубость, невѣжество и жестокость обладаетъ. Уже изгнаны изъ предѣловъ свѣта законные браки, любовь къ чадамъ, и нелестное дружество; на мѣсто ихъ вкоренилось лукавство, кровосмѣшеніе, и всѣ безпорядки: должно опасаться, чтобъ свѣтъ въ первобытную смѣсь не погрузился. Такимъ образомъ любопытная сія и велерѣчивая птица злословила и помрачала славу и честь Купидонову предъ его прекрасною родительницею.

Какъ!

Какъ! возопила сія богиня, пылая мстящимъ гнѣвомъ, уже мой сынъ имѣетъ любовницу? скажи, прошу тебя, скажи: ты одна при мнѣ усердная раба, какъ называется прельстившая Купидона? ужели то Нимфа, или одна изъ предстоящихъ при вратахъ (6) Олимпа, или изъ числа Музъ, или одна изъ служебныхъ моихъ Грацій? не умолчала непривыкшая къ молчанію птица, не знаю, отвѣчаетъ она Венерѣ: но думаю, что дерзновенная сія называется Психеею. Ахъ! возопила съ яростію Венера, онъ любитъ Психею, сію безстыдную изъ смертныхъ, дерзнув-

(6) Одна изъ предстоящихъ у вратъ Олимпа. Въ Латинскомъ стоитъ hora, то есть, часъ, и есть рода женскаго. Но въ Россійскомъ языкѣ часъ почтить любовницею Купидоновой весьма не совмѣстно, и потому выразилъ я слово сіе иначе, причина тому та, что древніе почитали Horas дщерями Юпитера и Ѳемиды, Овидій фаст. кн. 1. описываетъ ихъ стоящими на стражѣ у вратъ небесныхъ вмѣстѣ съ Янусомъ, но въ кн. 5 фаст, называетъ ихъ спутницами Флоры богини цвѣтовъ, И потому Апулей въ 6 кн. зол. осла, говоритъ, что часы разсыпали повсюду благовонные цвѣты.

знувшую равняться со мною своими прелестьми, и называться моимъ священнымъ именемъ; и къ вящшему безчестію моему, почитаютъ они меня посредственницею сея студныя любви: ибо я показала сыну моему сію смертную дѣвицу. По сихъ словахъ немедленно оставивши она морскія бездны, устремилась прямо къ златымъ своимъ чертогамъ. Едва вступила она въ ложницу, гдѣ болящій находился Купидонъ, и ужѐ вопіетъ ему при самыхъ еще дверяхъ: честное ли дѣло, приличное ли твоей природѣ, и совмѣстное ли надеждѣ, какую о тебѣ я имѣла, учинилъ ты нынѣ? ты презрѣвъ и поправъ велѣнія твоей матери, твоей полномочной повелительницы не токмо противную мнѣ дѣвицу не воспламенилъ страстію къ презрѣннѣйшему изъ всѣхъ смертныхъ, но еще самъ, будучи столь юной строкъ, и неспособенъ къ супружнымъ объятіямъ, дерзнулъ безъ моего согласія вступить съ нею въ брачные узы: могу ли я терпѣть гордую и безстыдную невѣстку? или мечтаешь дерзновенный прелестникъ, что ужѐ все позволено тебѣ дѣлать; и я по старости лѣтъ своихъ

не-

неспособна уже къ дѣторожденію? но знай напротивъ, я еще надѣюсь родить сына, которой добротою души и прелестьми тѣла несравненно тебя превысить; или, чтобъ ты восчуствовалъ, сколько я тебя пренебрегаю, я усыновлю себѣ какого нибудь отрока изъ моихъ сродственниковъ, я его воскрилю розовыми крилами, вооружу пламенникомъ, поручу ему лукъ, колчанъ, стрѣлы и все что нынѣ ты имѣешь, но употребляешь впрочемъ во зло. Все сіе тебѣ дано мною, а не твоимъ отцемъ. Но ты всегда изъ самаго младенчества злыя имѣлъ склонности, не наблюдая никакого почтенія къ вышшимъ и старшимъ себя, и равно ко всѣмъ твоимъ сродственникамъ. Сколь часто меня самую, меня твою родительницу уязвлялъ ты своими стрѣлами, ты меня презираешь какъ вдовицу всѣми оставленную, не страшась побѣдоноснаго Марса своего вотчима, но что я говорю! кого чаще, какъ не сего прехрабраго ратника въ огорченіе и въ досаду мнѣ воспламеняешь ты любовію къ различнымъ красавицамъ? но ты скоро познаешь мою власть и бу-

будешь сожалѣть о продерскихъ своихъ и досадныхъ поступкахъ, и равно о бракѣ толико мнѣ противномъ и несносномъ.

Но что могу здѣлать, вѣщаетъ Богиня сама себѣ, когда осмѣяна и поругана я своимъ сыномъ? Къ кому уже прибѣгну, и чѣмъ накажу сего преслушника? Просить ли мнѣ вспоможенія отъ *Трезпости*? Но она вѣчная моя противница, и которую столь часто презирала я и оскорбляла для угожденія моему сластолюбивому и роскошному сыну: и можноль помыслить, чтобъ я съ грубою и презрѣнною сею женщиною въ разговоръ вступила? Нѣтъ! сіе меня ужасаетъ. Однако непремѣнно должна я отмстить моему сыну, какой бы то мнѣ цѣны ни стоило. Кромѣ *Трезпости* никто не можетъ услужить мнѣ въ семъ случаѣ, и такъ пусть она свирѣпо накажетъ сего неблагодарнаго и дерзновеннаго сына; пусть колчанъ его испразнитъ, отъиметъ стрѣлы, разслабитъ напряженный лукъ и погаситъ пламенникъ, и самое тѣло его изнуритъ извѣстными ей средствами.

И тогда мщенію моему достойная принесется жертва, когда златые волосы его толь часто матерьними завиваемые руками могу я обрѣзать, и когда исторгну изъ крилъ его блестящее перье, которое сама я орошала небеснымъ нектаромъ.

Произнесши угрозы сіи, выходитъ она изъ своихъ чертоговъ съ яростію. Церера и Юнона по случаю идутъ ей на встрѣчу, и примѣтя нахмуренное лице ея, вопрошаютъ, для чего она столь пасмурнымъ и угрюмымъ видомъ скрываетъ красоту блестящихъ своихъ очей? Вы пришли благовременно, говоритъ имъ Богиня, чтобъ колкими своими насмѣшками ожесточить горесть моей печали, и умножать пламень снѣдающій оскорбленное мое сердце, но не приличнѣе ли вамъ, о чемъ васъ и прошу съ покорностію, стараться всѣми силами и употребить всѣ возможныя средства для взысканія Психеи, которая будучи изгнанница по всему свѣту странствуетъ: ибо я не сомнѣваюсь, чтобъ не было вамъ извѣстно все случившееся въ моемъ домѣ; отъ васъ не утаится злодѣйство

Купи-

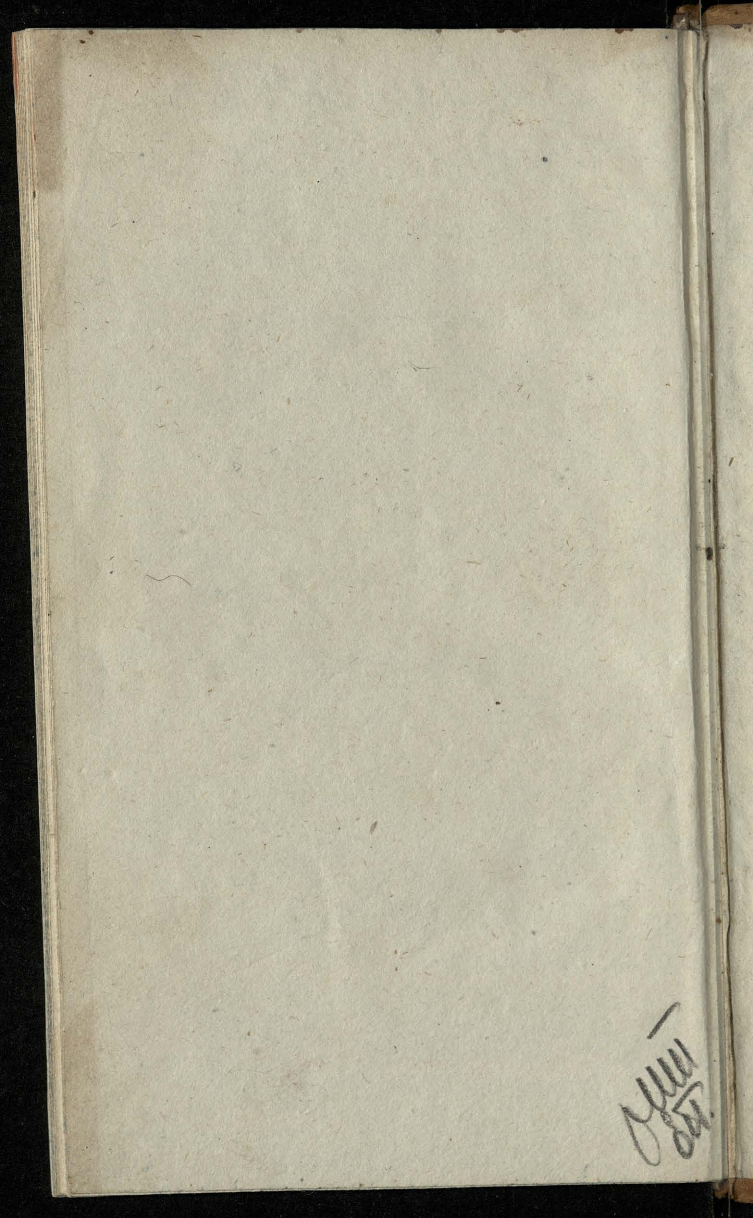
Купидона, котораго уже, послѣ такого его преступленія не хочу я называть моимъ сыномъ.

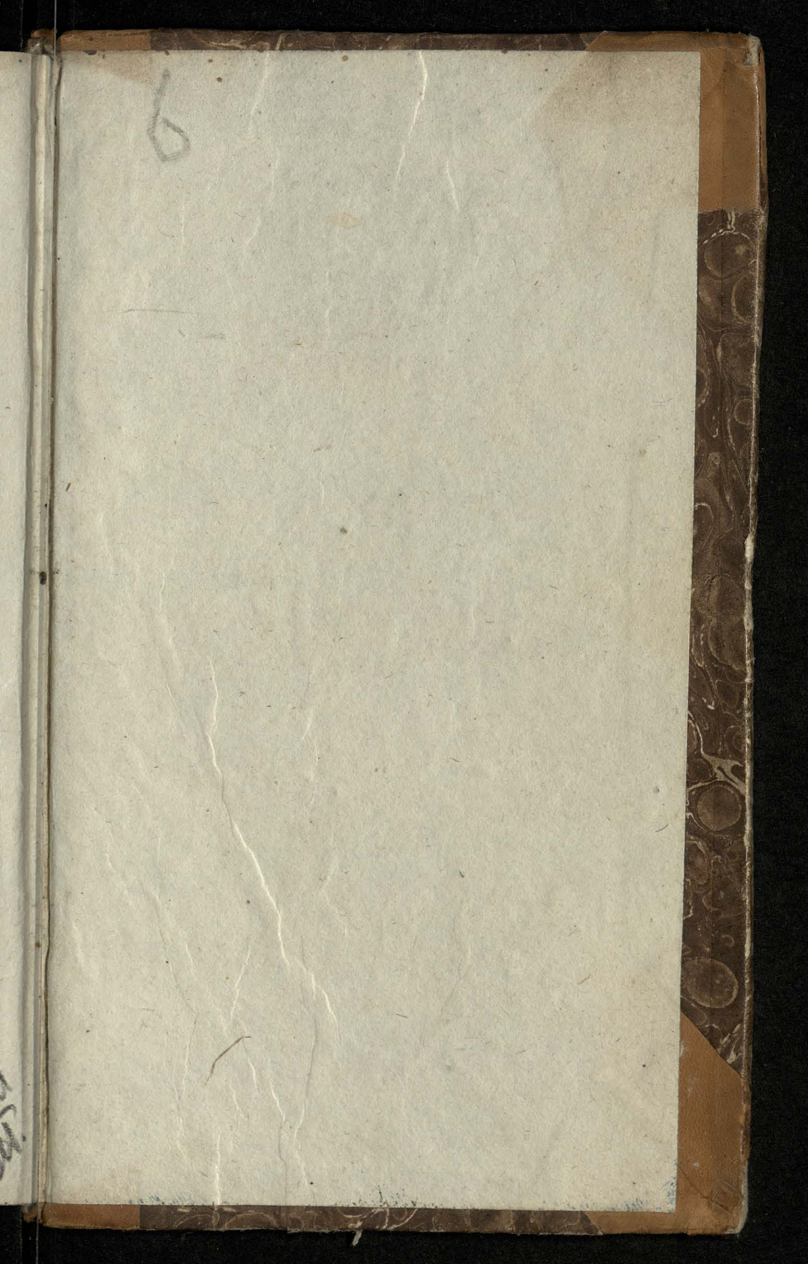
Сіи Богини вѣдая все произшедшее, и стараясь укротить гнѣвъ ея сердца; какое зло, говорятъ ей, учинилъ тебѣ сынъ твой, что ты съ толикимъ духа упрямствомъ разрушаешь его утѣхи, и стремишься погубить его любовницу? Можно ли почесть беззаконіемъ, когда овладѣла сердцемъ его красота прелестной Царевны? или не знаешь, что онъ уже юноша? развѣ забыла сколько ему лѣтъ протекло? Или потому, что онъ всегда нѣженъ и прекрасенъ, считаешь ты его еще младенцемъ? Впрочемъ ты мать ему, ты особа благоразумная, разсуди, прилично ли съ такимъ прилѣжаніемъ назирать любовныя сына своего игрушки, и опорочивать его невинныя страсти? Какъ можешь наказывать прекраснаго своего сына за тѣ сладостныя забавы и утѣхи, которымъ ты сама его учила, и которыя тебѣ самой столько пріятности и увеселенія приносятъ? кто изъ небожителей, кто изъ живущихъ на земли можетъ впредь понесть

несть великодушно, и позволить, чтобъ ты повсюду распростирала свои любовныя сѣти, естьли изъ собственнаго своего дому исторгаешь сѣмена толь пріятныя страсти? для чего стараешься, чтобъ прекрасный полъ лишился преимущества, которое прелести его даютъ ему надъ сердцами пола мужескаго? Тако сіи Богини страшась побѣдоносныхъ Купидоновыхъ стрѣлъ, хотя онъ былъ въ отсутствіи, благопріятствовали ему и защищали противу гнѣвной матери; но Цитерская Богиня досадуя, что они справедливыя жалобы ея почитаютъ шутками и ей насмѣхаются, оставила ихъ и устремилась поспѣшно ко брегу пѣнистаго моря.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ
И
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

6

